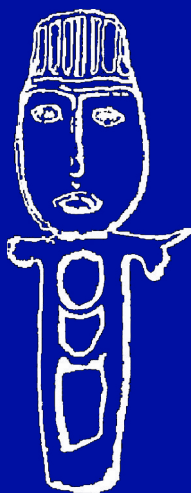

ISSN 2311-0546

ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

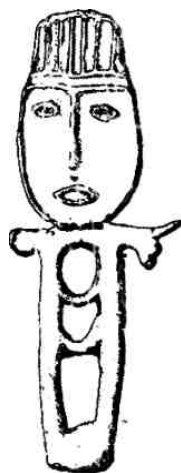

№ 1(45) 2019

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ / НОВАЯ СЕРИЯ / 2019 № 1(45)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

№ 1 (45) 2019

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р «Вестник Антропологии»
был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Дубова Н.А., Казьмина О.Е.,
Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю. (гл. редактор), Григорьева О.М. (отв. секретарь),
Халдеева Н.И., Харламова Н.В.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В.
(РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю.
(РФ), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика
Сербия), Слезкин Ю. (США), Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика
Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна

martynova@iea.ras.ru

journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2019

© Журнал «Вестник антропологии», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

О С.В. Чешко

<i>Губогло М.Н.</i> Блюститель справедливости	5
<i>Анчабадзе Ю.Д.</i> Сергей Викторович Чешко: памяти друга и коллеги	15

Экспериментальная антропология

<i>Игнатьев Р.Н.</i> Письма в бутылке: экспериментальность российской антропологии начала XXI века	20
<i>Никитин М.А.</i> Экспериментальная или эмпирическая антропология!?	25
<i>Дёмина Е.В., Ларина Е.И., Мещеряков С.Н.</i> Целина: фотографические практики восприятия	30
<i>Савин И.С.</i> Практики локальной интеграции разнокультурных сообществ как поле экспериментов (на примере Москвы)	54

Антропологическая мозаика

<i>Квашнин Ю.Н.</i> О семантическом сдвиге значений слов дом, поселок, город в ненецком языке	67
<i>Белов А.М., Рыбин А.А.</i> Повседневная жизнь на целине	80
<i>Утебаев М.Б.</i> Повседневный и церемониальный этикет приветствия каракалпаков	88

Хроники и рецензии

<i>Зыкина О.А., Комаров С.Г.</i> Исследовательская деятельность ИЭА РАН в 2018 г.: основные достижения	105
<i>Белова Н.А.</i> Рец. на книгу « Современная Европейская социокультурная антропология и этнология. Историографические очерки » / отв. ред. М.Ю. Мартынова / Кол. авт.: Э.Г. Александренков, М.А. Андрюнина, А.Вл. Верещагина-Гурко, Р.А. Григорьева, Н.Г. Демертер, И.Ю. Заринов, М.М. Керимова, А.Н. Кожановский, М.К. Любарт, М.Ю. Мартынова, В.В. Руднев, Е.А. Сорокина, О.Д. Фаис, Г.П. Шантек. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 426 с.	129
Content	135
Правила оформления статей	136

Уважаемые читатели!

Сообщаем Вам с большим сожалением, что 6 января 2019 г. ушел из жизни один из главных редакторов журнала «Вестник антропологии» Сергей Викторович Чешко. Сергей Викторович сыграл одну из ключевых ролей в становлении и развитии этого журнала, именно поэтому он навсегда останется в наших сердцах, как мудрый руководитель и опытный наставник.

Вместе с тем жизнь нашего журнала продолжается, в том числе и в память о Сергее Викторовиче. После этого печального события, произошло несколько других, уже радостных событий в жизни нашего журнала. Главным редактором журнала «Вестник антропологии» по вопросам этнологии и социальной/культурной антропологии 22 января 2019 г. на основании решения Ученого совета ИЭА РАН была назначена Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор Марина Юрьевна Мартынова, а 12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р журнал был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Таким образом, редколлегия журнала с оптимизмом смотрит в будущее и мы с нетерпением ждем Ваших статей.

В связи с этим обращаем Ваше внимание, что контакты по этнологической части изменились: теперь просим нас писать по адресам: journal_of_antropology@mail.ru (по вопросам этнологии и социальной / культурной антропологии) и otdantrop@yandex.ru (по вопросам физической антропологии).

Редакция журнала «Вестник антропологии»

О С.В. ЧЕШКО

УДК 394.46

DOI:10.33876/2311-0546/2019-3-15/5-14

© *М.Н. Губогло*

БЛЮСТИТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Ушел из жизни выдающийся советский и российский ученый, авторитетный исследователь этничности и идентичности, соредактор многотомной фундаментальной серии «Народы и культуры», один из главных редакторов журнала «Вестник антропологии», доктор исторических наук Чешко Сергей Викторович.

Он внес значительный вклад в развитие этнологической науки, в расширение ее предметной области и проблематики, в том числе за счет этнополитических и антропологических исследований. Его дважды изданная научная монография, как образец глубокого академического исследования условий, факторов и причин распада Советского Союза, стала незаменимой настольной книгой постсоветских политиков.

Защита докторской диссертации «Распад Советского Союза: этно-политический анализ» (1996 г.), выход в свет вторым изданием монографии, посвященной распаду Советского Союза, создали ему имя и авторитет в исторической и этнологической науке. После выхода учебного пособия «Этнология и социальная антропология» (2014) С.В. Чешко окончательно вошел в состав относительно небольшой группы российских ученых, труды которых определяют уровень этнологических знаний.

В основе трудов С.В. Чешко лежит обширный исторический и фактический материал, который он черпал из достоверных источников. При этом диапазон информации был необычно широк, от откровенных признаний Э. Каррер Д'Анкос, одной

Губогло Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32А). Эл. почта: guboglo@yandex.ru. **Guboglo Mikhail N.** – Institute of Ethnology and anthropology (Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: guboglo@yandex.ru.

из первых французских исследователей аргументированно предсказавшей распад Советского Союза и трехтомной книги С. Кургиняна «Седьмой сценарий», вплоть до программ, уставов и других документов национальных движений и этнических мобилизаторов, непосредственно причастных к событиям переломных лет.

Будущий заместитель главного редактора журнала советских и российских этнологов, «Этнографическое обозрение», и еще одного этнологического журнала «Вестник антропологии» С.В. Чешко родился 28 января 1954 г. в г. Карл-Маркс-Штадт, ГДР в семье военного. В 1980 г. закончил кафедру этнографии исторического факультета МГУ. В 1986 г. защитил диссертацию на тему «Этнокультурные процессы в резервациях индейцев США в современный период», в 1996 г. – как уже упоминалось выше, докторскую диссертацию по теме «Распад Советского Союза: этнополитический анализ».

Харизма и бренд ученого формируется из трех компонентов: из своеобразия и таланта личности, востребованности трудов, состоявшихся учеников и поклонников. С.В. Чешко был благородным, обаятельным, отзывчивым человеком, энциклопедически образованным и блестящим рассказчиком. Его манера задавать вопросы и излагать суть явлений была такова, что у слушателей возникало ощущение причастности обсуждаемому явлению. В многочисленных рецензиях на публикации знакомых и незнакомых коллег проявлялось уважительное отношение к труду, проделанному рецензируемым автором.

В 1977–1989 гг. председателем Научного Совета по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР, был академик Ю.В. Бромлей, Ученым секретарем – С.В. Чешко. В работе этого представительного и авторитетного Совета принимали участие исследователи из разных университетов и академических институтов, занимающиеся проблемами этногосударственных и межэтнических отношений, этносоциальными, этнодемографическими, этноязыковыми и этнопсихологическими проблемами и процессами. В крупных научных городах Советского Союза проводились Всесоюзные научные и научно-практические конференции. В издании материалов этих конференций активное участие принимали предшественники С.В. Чешко в должности Ученого секретаря и заместителя Бромлея – Л.М. Дробижева и М.Н. Губогло. Под руководством Ю.В. Бромлея было выпущено несколько серийных сборников материалов по проекту «Национальные отношения в СССР».

В 1987 г. при участии С.В. Чешко и его коллег были подготовлены докладные записки о потенциальных очагах межэтнической напряженности в некоторых регионах Советского Союза. В аналитических материалах фигурировали Нагорный Карабах, который, как и предсказывали ученые, действительно взорвался через полгода. Научный Совет курировал в рамках Академии Наук СССР подготовку, рекомендованную для заинтересованных ведомств, в том числе руководителей для пленумов ЦК КПСС по межнациональным отношениям.

Выводы и обобщения, сделанные в монографии «Распад Советского Союза. Этнополитический анализ» (1996) по своему значению далеко выходили за рамки проблематики, вынесенной в название монографии. Книга готовила читателя, во-первых, к более глубокому пониманию распада СССР, как эпохальному событию и последующей истории постсоветского пространства, воплотила ряд свежих идей в осмысление состояния советского общества накануне перестройки, дезавуировала мифологию «окончательного решения национального вопроса», опровергала

пресловутую теорию об этнополитической истории народов Российской империи как о «тюрьме народов», аргументировано вводила в научный оборот новый концепт о «нациестроительстве» вместо односторонней теории «плавильного тигля».

Аналитический метод этнополитических исследований С.В. Чешко отличали предельная искренность («Не стану утверждать, что я свободен от политических пристрастий и что распад СССР представляет для меня сугубо академический интерес» [1: 280]), откровенно признавался он. Его отличала непоколебимая принципиальность в изложении своей позиции: «Более конкретно я мог бы сформулировать свою позицию так: не считаю, что СССР надо было сохранять любыми способами, но и не считаю, что его надо было обязательно разваливать».

Системный подход к анализу Советского Союза как событию геополитического уровня и масштаба, позволил С.В. Чешко сделать свой главный вывод. Объективную подоплеку распада СССР «составляли особенности советского общества, а его механизм определялся действием узких политических группировок, стоявших над обществом и имевших возможность действовать без всякого контроля с его стороны, при его в целом безразличии. Распад СССР не был выражением некоей исторической закономерности, но отнюдь не случайным оказалось то обстоятельство, соединение тех факторов, которые привели к его разрушению [1: 282].

Этот синтетический вывод, положительно воспринятый научным сообществом и рационально настроенными политическими и общественными деятелями, был подкреплен характерным для творчества С.В. Чешко букетом доказательных аргументов. Во-первых, советское общество «пострадало» от унаследованной, сильно устаревшей формы и традиций управления и отсталости массового сознания, инфантильности общественно-политической мысли. Тоталитаристский характер государства сам по себе не означал, что это государство непременно обречено на гибель.

Во-вторых, советское общество в самом деле нуждалось в реформах и в расширении возможностей для индивидуальной инициативы граждан, но не было готово к радикальной трансформации по моделям западной демократии, так как «само понимание демократии, как диктатуры большинства», в перестроечном советском обществе отличалось абстрактностью, романтичностью, революционным радикализмом.

В-третьих, С.В. Чешко в немалой мере «грешил» на негативную роль этнического фактора». Он осторожно пояснял, что выйдя в годы перестройки из подполья и став в один ряд с морально устаревшими принципами «братства народов» и «социалистического федерализма» и лозунгами «этнического возрождения», национализм стал одной из ведущих политических сил.

В-четвертых, главная ошибка реформаторов во главе с М.С. Горбачевым состояла в том, что была открыта возможность для деятельности «радикал-демократических» и «национально-сепаратистских» движений, а соединение антикоммунистического радикализма с этнонационализмом республиканских этнократически настроенных элит создало реальную угрозу целостности советского государства.

Наконец, в-пятых, по мысли С.В. Чешко «Главную роль в развале СССР сыграли действия российских радикалов во главе с Б.Н. Ельциным, которые систематически подрывали советскую власть изнутри и активно поддерживали национал-сепаратистов в других республиках. Главную же «стратегическую роль сыграли этнонационализм, возвращением которого десятилетиями занималось само советское государство» [1: 282].

Общественное признание книги С.В. Чешко, не оставшейся незамеченной, вдохновила автора на подготовку ее второго издания, в котором он не счел нужным вносить какие-либо изменения в созданную им концепцию. Как блестящий редактор, он чуть-чуть уточнил смысловое ядро своей концепции: «Недальновидность и слабость Горбачева, властолюбие Ельцина, своекорыстие или идеологический догматизм его сторонников и лидеров “радикал-демократов”, ортодоксальных консерваторов, а также правивших и оппозиционных этнических элит союзных республик по своей значимости и “объективности” оказались по крайней мере, не менее весомы, чем экономические проблемы и системные недостатки политического и государственного устройства СССР» [2: 4].

С главным выводом, сделанным С.В. Чешко почти два десятилетия тому назад, сегодня готовы согласиться многие исследователи. «Один из основных моих тезисов, – отмечалось в предисловии ко второму изданию, – состоит в том, что для либерализма и демократизации общества, решения экономических, социальных, культурных и этнополитических проблем вовсе не требовалось разваливать и уничтожать единое государство: следовало заниматься решением именно этих проблем. Развитие всех без исключения постсоветских государств подтвердило это» [2: 5].

Как достойный выпускник кафедры этнографии исторического факультета МГУ, С.В. Чешко искусно владел методологией конкретно-исторического и комплексного анализа, досконально знал доступные ему источники, прекрасно ориентировался в истории Отечества и в современной ситуации, что позволяло ему занимать принципиальную, самостоятельную позицию. Своим ставшим классическим анализом распада Советского Союза он опережал многих своих коллег и оппонентов в истолковании сути социально-экономических и этнополитических процессов, имевших место в Советском Союзе и предопределивших его гибель.

В ряде политически заостренных публикаций, написанных однако с безукоризненной академической аргументированностью и аккуратностью, С.В. Чешко обобщал кризис самоопределения, как универсального способа решения проблем этногосударственных отношений, резонно призвав экспертов к пересмотру некоторых положений международного права.

Однако, размышляя о судьбе новоиспеченных стран после развала СССР, в том числе о возможном воссоединении России и Белоруссии, он пояснял, что «не требуется никаких глубокомысленных размышлений, исследований, конференций и симпозиумов, чтобы понять, что народы двух государств стремятся к такому воссоединению. Уверен, если сегодня провести референдум с формулировкой “Согласны ли Вы с образованием единого политического государства без всяких условий”, то подавляющее большинство граждан России и Белоруссии выскажутся за это. И это будет та воля народа и народов, то самое самоопределение, которое узурпировали противники единства в пору их борьбы против СССР» [2: 13].

Выдвигая смелое решение принципа самоопределения в нациестроительной практике, С.В. Чешко не страшился брать удар на себя со стороны тех коллег, кто отстаивал износившиеся идеологические клише. Он отдавал себе, в частности, отчет в том, что его новаторские идеи могут вызвать не только неприятие, но и возмущение, поскольку шли вразрез с устоявшимися психологическими и идеологическими стереотипами, а также с позицией тех этнических элит, которые используют лозунг самоопределения в своих политических целях. Но он не боялся дискуссий, он шел навстречу им.

Работа над темой распада СССР и анализом этногосударственных отношений через призму норм международного права привела С.В. Чешко к необходимости разобраться в методологических основах парадигмы самоопределения и ответить на ряд бесконечно трудных вопросов: концептуализации, правового обеспечения и механизмов реализации принципов этнического (политического) самоопределения. Никто не предложил решения этой проблемы путем сравнения соотносительности самоопределения какой-либо части населения с сохранением территориальной целостности государства в контексте соотношения правовых основ индивидуальных и коллективных прав.

После распада СССР дело свелось к изменению лозунгов: на смену «укреплению дружбы народов», «расцвету и сближению социалистических наций и народностей», «оптимизации межнациональных отношений», «Дружбе и братству языков» пришли «возрождение национальных культур», «восстановление исторической справедливости», «обеспечение прав коренных народов». Надо полагать, С.В. Чешко в середине 1990-х годов внимательно следил за ходом разработки и принятия в 1996 г. закона «О национально-культурной автономии». Оригинальность и новаторство этого закона, переступившего догматику так называемого решения национального вопроса в СССР, привели его в фундаментальной статье «Кризис доктрины самоопределения» к тезису о том, что «для современной этнолого-правовой мысли все больше становится характерной тенденция рассматривать в качестве приоритетных, с точки зрения удовлетворения этнокультурных запросов и одновременно политизации этничности, экстерриториальные формы в виде национально-культурной автономии и других способов самоорганизации граждан».

Мучительно размышляя над проблемой самоопределения в глобальном и в микро-масштабном ракурсе, С.В. Чешко пришел к выводу о необходимости пересмотра принципов и теории международного права, регулирующего соотношение между правом на самоопределение и принципом сохранения территориальной целостности государства.

Свою позицию, основанную на принципе справедливости, С.В. Чешко обосновал тем, что «именно индивидуальные права и свободный индивидуальный выбор лучше всего обеспечивают и возможность коллективного самоопределения». При этом он был убежден, что приоритет индивидуальных прав обусловлен не только тем, что в демократическом обществе человек как таковой – главная социальная ценность и носитель фундаментальных гражданских прав, но и тем, что такой подход ведет к реализации и прав групповых. Исходной точкой для такой позиции – признания приоритета индивидуальных прав над групповыми – послужила «Всеобщая декларация прав человека», в преамбуле которой указывается на преимущественность прав человека по отношению к праву на самоопределение.

Читателей учебного пособия С.В. Чешко удивляло каким образом, обладая безмерной эрудицией, С.В. Чешко сумел вместить, как в китайские колодки, богатейшую информацию в краткое российское учебное пособие. В этом помогли его умение и способность мыслить конкретно и системно, что сказалось на качестве учебного пособия. Экономный подход позволил без потерь изложить трудоемкий материал, успешно пройти между Сциллой многословия и Харибдой обидных недоговоренностей из-за ограниченных размеров «социального заказа» (объема учебного пособия).

Учебное пособие, подобно мосту над бездной, соединило через полвека после знаменитого учебника С.А. Токарева берега вершинных достижений советской и достижения постсоветской этнологической науки. Учебное пособие С.В. Чешко «Эт-

нология и социальная антропология» (2014), совмещающее в себе итоги научных исследований автора и систематическое изложение и истолкование этнографических портретов многих народов мира, отвечает высоким требованиям преподавательской деятельности на кафедре этнологии.

Высокий уровень образования, получаемый воспитанниками знаменитой кафедры этнологии МГУ, обеспечивается, во-первых, лекциями и семинарскими занятиями под руководством ученых, имеющих мировое признание, во-вторых, высоким уровнем периодически обновляемых учебников и учебных пособий, в которых сочетается как глубина осмысления, так и доступность постижения излагаемого материала, в-третьих, атмосферой воспитания глубокой мотивации студентов и аспирантов, вступивших, благодаря кафедре, на стезю этнологии и социальной антропологии.

В отличие от учебного пособия С.А. Токарева («Этнография народов СССР», МГУ, 1958 г.), в котором подводились итоги развития этнографии, за истекшие несколько веков, перед учебным пособием С.В. Чешко стояла неизмеримо более сложная задача: подвести итоги преобразований за постсоветский период, а также представить панораму значительных концептуальных обновлений и состояния предметной области этнографии, переименованной в этнологию.

Оценивая достижения советских этнографов 1960–1970-х годов, С.В. Чешко пришел к выводу о том, что главным в советской теории этноса являлось «признание народов-этносов в качестве самостоятельных субъектов исторического развития и социального бытия» [4].

Нужно ли объяснять, что это признание имеет фундаментальное значение, так как позволяет выделить два направления в освоении истории и культуры человечества, особенно с момента появления наряду с сообществами народов-этносов и государственных образований. С.В. Чешко ставит точку над *i*, когда утверждает, что «невозможно отрицать объективность существования этнических общностей разных типов и таксонимических уровней, которые можно объединить общим, родовым понятием – этнос» [4: 8].

Почти полвека тому назад академик Б.А. Рыбаков на пленарном заседании Всесоюзного археологического, этнографического совещания по итогам полевых исследований (1973 г., г. Ташкент) угрожающе предупреждал этнографов о том, что «предметная область этнографии напоминает ему льдину, тающую под горячими лучами весеннего солнца». Этому, увы, фатальному, в чем-то недружелюбному прогнозу, прозвучавшему тогда, как приговор профессии этнографов, не суждено было сбыться. Успехи отечественной этнографии и ее законной наследницы – этнологии и социальной антропологии в убедительной форме отраженные в учебном пособии С.В. Чешко, а также в ряде его статей и итогов исследовательской работы, убеждают в несостоятельности пессимистического предсказания маститого советского ученого.

Предметная область этнологических исследований, как видится С.В. Чешко, не «таяла под лучами солнца», а, напротив, расширялась, «подобно снежному кому», благодаря не затухающему интересу общественности к соединению двух потоков исследовательских проектов – к этнологическому изучению групп людей и антропологическому постижению повседневной жизни индивида. Именно на пересечении коллективистских и личностных мотивов, интересов и практик в лоне ряда междисциплинарных дисциплин сохранила свои позиции этнология.

Антропологизация этнологии, как сподвижницы исторического знания, вероятно, будет пополняться обостренным вниманием к человеку, воспринимающему, отражающему и воспроизводящему этнокультурное наследие своего народа.

Следуя принципу справедливости, С.В. Чешко отмечает, что концепции этноса, основоположником которой являются С.М. Широкогоров и академик Ю.В. Бромлей, «предшествовали теоретические заходы по отдельным проблемам Н.Н. Чебоксарова, С.А. Токарева, С.А. Арутюнова и других ученых».

Не вдаваясь в острую полемику, развернувшуюся между сторонниками и противниками теории этноса – Ю.В. Бромлеем и Л.Н. Гумилевым – С.В. Чешко считал своим долгом серьезно отнестись к теории этногенеза, в которой чрезвычайно важная роль принадлежит «пассионариям, по той причине, что “пассионарность имеет энергетическую природу: пассионарии либо поглощают больше энергии, чем другие индивиды, либо умеют направить ее на определенные цели...”». И хотя, по заключению С.В. Чешко, обе концепции и Ю.В. Бромлея, и Л.Н. Гумилева «не пользуются популярностью в среде нынешних профессиональных этнологов», обе они занимают достойное место в истории науки и в расширении границ ее предметной области.

На рубеже XX и XXI веков развернулось нешуточное противоборство идей в понимании объекта и предмета, сути и содержания этноса и этнических проявлений, что нашло выражение в противостоянии двух конкурирующих научных направлений – примордиализма и конструктивизма. В постсоветских условиях либерализации публикаторской деятельности, когда объявилось несметное количество адептов и той, и другой концепции, трудно было бы расставить по полочкам сторонников примордиализма и конструктивизма. Никто не взялся за четкое проведение границ между теми и другими. Тем более что для представителей каждого направления характерны взаимные пересечения границ, явления интерференции, взаимодействия и взаимопроникновения, что привело к гибридизации и появлению инструментализма. И, осознанно обуздав свою эрудицию, С.В. Чешко, ограничивает собственную задачу краткими дефинициями сути примордиализма и конструктивизма, которые по мере определения и уточнения своих позиций, идут навстречу друг другу.

Примордиализм, согласно С.В. Чешко, «утверждает объективность существования этнических общностей, возникших в весьма отдаленные времена в результате расширения кровнородственных связей в древних общинах». Смысл конструктивистской концепции заключается в том, что этнические общности – «это полностью или в значительной степени искусственные образования, созданные этническими элитами для достижения тех или иных политических и экономических целей посредством этнической мобилизации “соплеменников”».

Обозревая преобразования и достижения отечественной этнологии, С.В. Чешко сделал вывод о том, что «В 1990-е годы быть уличенным в приверженности примордиализму означало примерно то же, что в советское время быть обвиненным в антиисторизме и идеализме. В последнее время публикации отечественных этнологов и дискуссии по теоретическим проблемам стали редкостью». Да, это действительно так. И не совсем так. В большинстве томов, увидевших свет по плану крупномасштабного проекта «Народы и культуры» (ответственные редакторы серии – В.А. Тишков и С.В. Чешко [1998–2012]) вопросы этногенеза народов, фрагменты их политических историй, характеристика системы жизнеобеспечения, элементов материальной и духовной культуры освещаются с использованием традиционных подходов, при-

сущих скорее примордиализму, чем абстрактному конструктивизму.

Редактированию тяжеловесных фолиантов этой многотомной серии С.В. Чешко посвятил значительную часть своей творческой биографии, в какой-то мере в ущерб своим профессиональным исследовательским интересам, пожертвовав при этом своими полевыми и теоретическими изысканиями. Его бескорыстное, исполненное благородства служение этой серии навсегда останется в памяти тех авторов, с которыми он вместе готовил рукописи к изданию. Рукой маститого редактора и эрудированного ученого С.В. Чешко порой на четверть так искусно сокращал представленную рукопись, что никоим образом не ущемлял авторского самолюбия.

С.А. Арутюнов высоко оценил полемику по поводу различных подходов к постижению сути этничности, в том числе примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского. «Надо признать, – писал он – что некоторые этносы действительно были в значительной мере сконструированы усилиями местной интеллектуальной верхушки и политиков, формировавшихся, хотя бы отчасти, под внешним цивилизационным влиянием» [6: 62]. Однако прямой конструктивизм, – по убеждению С.А. Арутюнова, – довольно редкое и очень новое явление. Большинство этносов появилось на свет без каких-либо конструкторских усилий, в результате более или менее стохастических процессов» [6: 62–63].

Завершая университетский курс, выпускники задумываются о роли этнологии в общественном развитии и о практической востребованности своей профессии. Эти настроения хорошо известны С.В. Чешко – исследователю, преподавателю и воспитателю. И, охранительно воспринимая предметную область этнологии, а вместе с тем и профессиональную специализацию студентов от чрезмерного расширения, или, напротив, неоправданного сокращения, С.В. Чешко завершает свой учебник отеческим напутствием, во-первых, о том, что в современных условиях «прикладное значение этнологии существенно увеличилось, неизмеримо расширилась сфера использования этнологических знаний», во-вторых, что «этнология – с присущей ей спецификой – представляет собой один из инструментов самопознания человечества», при том, что «потребность в познании – это то, что отличает человечество от прочей живой природы» [4: 220].

В отличие от профессорско-преподавательского коллектива, авторов солидного двухтомного «Народоведения» (М., 2012), завершающего учебное пособие напоминанием «Чему учит народоведение (этнология)» (т. 2, с. 242), сотрудник ИЭА РАН – С.В. Чешко указывает, кому и зачем она (этнология) нужна и в каких сферах жизнедеятельности она востребована [4: 221–224]. Понятное дело: в первом случае профессора кафедры этнологии МГУ озабочены обучением студентов, во втором случае авторитетный ученый, работающий в системе РАН, дает будущим коллегам путевку в жизнь в виде «дорожной карты».

По мнению коллег, С.В. Чешко отличали ответственность за выполненное дело, принципиальность и чуткость, живой ум, глубокая интеллигентность, неизменный интерес к современности, обаяние и добродетельность, справедливость и пунктуальность.

Как бывшему комсомольскому работнику, С.В. Чешко была присуща удивительная чуткость и чувствительность к трудам коллег по научному ремеслу. Показательны в этом отношении доброжелательные и вместе с академически принципиальные оценки публикаций коллег по Институту этнографии АН СССР, с которыми он сотрудничал и обсуждал политическую ситуацию с этнологическими и антропологическими позиций. Так, например, работа Ю.И. Семенова «Россия, что с ней случилось

в двадцатом веке» (1993) по оценке С.В. Чешко «представляет собой маленькую монографию или очень большую статью. Однако по своему концептуальному содержанию она может считаться одним из самых фундаментальных и оригинальных исследований в области советологии <...> Тематически шире и более популярно по жанру другая монография Ю.И. Семенова («Россия: что с ней было и что с ней происходит, и что ее ожидает в будущем», М., 1995 – М.Г.) [1: 11].

«Чрезвычайно острая по идеологической направленности работа В.И. Козлова “Русский вопрос” – по мнению С.В. Чешко – представляет собой попытку исследовать историю национальной политики в России и СССР вплоть до его распада, с точки зрения положения русского этноса. Подзаголовок книги “История трагедии великого народа” недвусмысленно свидетельствует о позиции автора» [1: 11].

«Монография в двух томах М.Н. Губогло (Переломные годы, т. 1. Мобилизованный лингвизм, 1993 – М.Г.) – пишет С.В. Чешко – посвящена исследованию одного из важнейших аспектов этнополитических процессов в годы перестройки – “языковой революции” – в союзных республиках, которая выражалась в борьбе за конституирование языков союзнореспубликанских этнонаций в качестве государственных и их возвышение по официальному статусу над русским языком.

Автор рассматривает эту «революцию» как первый этап и идеологическое обоснование суверенизации республик. Монография содержит обширный фактический материал и является на сегодня самым серьезным и обстоятельным исследованием “лингвополитических” процессов в СССР» [1: 11–12].

Уход С.В. Чешко – огромная, невосполнимая потеря для Института этнологии и антропологии РАН, для журнала «Вестник антропологии», для этнологической и антропологической науки. Ресурсы его творческого наследия – монографии, учебные пособия, блестящие научные статьи и яркая публицистика, незаменимый талант редактора, навсегда останутся востребованными для исследователей, посвятивших себя изучению истории, культуры и жизнедеятельности народов. Его трепетное отношение к народам России, в том числе малочисленным народам, страстное стремление поставить науку на службу Отечеству, были залогом дальнейшего этнологического и антропологического познания сущности этнических процессов и обществ, народов и этнических групп.

Принимая вступительные экзамены в аспирантуру родного Института, он болезненно переживал за падающий в постсоветский период низкий уровень этнографических знаний отечественной и мировой литературы.

В публикациях, в общественной деятельности и в активной работе на заседаниях Научного Совета при ИЭА РАН по защите кандидатских и докторских диссертаций, он неизменно выступал за оптимальное сочетание академической принципиальности, рациональности и справедливости в оценке обсуждаемых работ.

Высокий научный авторитет и широкое общественное значение более двадцати томов серии «Народы и культуры» был достигнут благодаря его щедрому редакторскому дару и непревзойденному профессионализму.

Он был страстным проповедником и сторонником повышения качества научных исследований и публикаций и вместе с тем поборником привнесения этнологических знаний в нацестроительную практику. Лучшим памятником Сергею Викторовичу Чешко будет наша память о нем и исполнение профессионального долга в соответствии с его заветами о справедливости, одержимости наукой, межэтнической лояльности и солидарности.

Литература

1. Чешко С. В. *Распад Советского Союза. Этнополитический анализ*. М. 1996. – 309 с.
2. Чешко С.В. *Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд.* – М.: ИЭА РАН, 2000.
3. Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // *Этнографическое обозрение*, 2001. № 2.
4. Чешко С.В. *Этнология и социальная антропология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования.* – М.: Издательский центр «Академия», 2014.
5. Токарев С.А. *Этнография народов СССР*. М.: МГУ, 1958.
6. Арутюнов С.А. *Силуэты этничности на цивилизационном фоне*. М., ИНФРА-М. 2012. 416 с.

References

1. Cheshko S.V. *Raspad Sovetskogo Soiuz. Etnopoliticheskii analiz*. Moscow, 1996. – 309 p. (In Russ.). [Cheshko S.V. The Collapse Of The Soviet Union. Political analysis. Moscow, 1996. 309 p.].
2. Cheshko S.V. *Raspad USSR: etnopoliticheskii analiz. 2-e izd.* Moscow: IEA RAN, 2000. (In Russ.). [Cheshko S.V. *The Collapse of the Soviet Union: political analysis. 2-e Izd.* Moscow: IEA RAS, 2000].
3. Cheshko S.V. Krizis doktriny samoopredeleniia. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001. No. 2. (In Russ.). [Cheshko S.V. Crisis of the doctrine of self-determination. *Ethnographic review*, 2001. No. 2].
4. Cheshko S.V. *Etnologiiia i sotsial'naia antropologiiia: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. obrazovaniia.* – Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia», 2014. (In Russ.). [Cheshko S.V. *Ethnology and social anthropology: studies. benefits for students. institutions of higher. educations.* Moscow: publishing center «Academy», 2014].
5. Tokarev S.A. *Etnografiia narodov USSR*. Moscow: MGU, 1958. (In Russ.). [Tokarev S.A. *Ethnography of the peoples of the USSR*. Moscow: Moscow state University, 1958].
6. Arutiunov S.A. *Siluety etnichnosti na tsivilizatsionnom fone*. Moscow: INFRA-M. 2012. 416 p. (In Russ.). [Arutyunov S.A. *Silhouettes of ethnicity on a civilizational background*. Moscow: INFRA-M. 2012. 416 p.].

© Ю.Д. Анчабадзе

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ ЧЕШКО: ПАМЯТИ ДРУГА И КОЛЛЕГИ

В январе 2018 г., едва подойдя к своему 65-летнему рубежу, ушел из жизни наш друг и коллега Сергей Викторович Чешко. Смерть человека всегда вызывает трагическое ощущение безвременности происшедшего, осознание некоей незавершенности жизненного предназначения, крушение нереализованных планов, обрушившейся

пустоты в локусе мироздания, который принадлежал уникальной и неповторимой человеческой личности. Уход Сергея Викторовича печалью и скорбью отозвался в коллективе Института этнологии и антропологии РАН, во всем российском сообществе этнологов и антропологов.

С.В. Чешко был одной из самых видных фигур в Институте этнографии/этнологии на протяжении последних десятилетий его истории. Положение и статус Сергея Викторовича были отражением его многогранной научной деятельности и выдающихся исследовательских достижений, значительной роли, которую он играл в организации жизнедеятельности института, а также его личных незаурядных человеческих качеств.

С.В. Чешко был воспитанником МГУ и уже на студенческой скамье проявилась его устремленность к исследовательской работе. Между тем, пройденный путь в науке не был прямолинейным. Молодой ученый начинал как американист, посвятив свою диссертацию индейской проблематике, защитив в 1986 г. свою работу «Этно-

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва, Ленинский пр. 32А). Эл. почта: anchabadze@list.ru. **Anchabadze Yuri D.** – Institute of Ethnology and anthropology (Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: anchabadze@list.ru.

культурные процессы в резервациях индейцев США в современный период». Индейская проблематика послужила основой для ряда других его опубликованных статей, в которых прослеживались процессы формирования надиндейской этнической общности, рассматривалась специфика семейно-родственных отношений у индейцев во второй половине XX века, анализировались историографические проблемы индеевистики и др. Авторским коллективом В.Г. Стельмаха, В.А. Тишкова и С.В. Чешко была издана монография «Тропой слез и надежд» (М.: Мысль, 1990), посвященная современному индейскому населению США и Канады.

В Институте этнографии С.В. Чешко начал работать в отделе Средней Азии и Казахстана и это естественным образом поменяло направленность исследовательских интересов ученого. Новая проблематика, которая стала занимать С.В. Чешко, была связана с этнокультурными процессами в регионе, современным состоянием и перспективами национального развития его народов. Особый интерес исследователя вызвали, в частности немцы Казахстана, которые представляли собой пример этнической общности, историческая жизнь которой протекала в тесных контактах и взаимодействиях с иноэтничным и иноконфессиональным окружением – специальные публикации С.В. Чешко были посвящены как собственно немцам Казахстана, так и группам немецких мигрантов, обосновавшихся в Тульской области.

Между тем, на рубеже 1980–1990-х гг. С.В. Чешко вновь обратился к новой исследовательской проблематике. Ее не пришлось «искать». Нараставшая динамика политических и социально-экономических процессов в стране актуализировала многие сферы этнической действительности. Резко обострившиеся национальные отношения поразили ряд регионов страны межэтнической конфликтностью и межобщинным противостоянием, страна скатывалась в глубочайший политический и экономический кризис, шла к распаду – все это настоятельно требовало активного научного осмысления и неотложного приложения исследовательских сил. С.В. Чешко не мог не откликнуться на этот эвристический вызов.

Он был не один – многие поспешили отметить на этой деланке. Однако С.В. Чешко обратился к данной проблематике не потому что в тот момент она стала «модной», оказалась в центре внимания СМИ и обеспеченности грантовой поддержкой разнообразных фондов и ассоциаций. Ученого направляли совсем другие чувства и соображения: это был порыв человека неравнодушного, который сам искренне переживал происходящее, понимая, что последствия затрагивают его личную судьбу, чувства и убеждения, противоречат мировоззренческим представлениям о перспективах и возможностях развития полиэтнического и поликультурного государственного сообщества евразийских народов. Немалым стимулом было и несколько идеалистическое желание подсказать власти предрекающим, как надо действовать в этих непростых условиях, как решать деликатные проблемы межэтнических отношений, выстраивая взаимодействие федерального центра и субъектов федерации. В то же время, вряд ли ученый был свободен и от чисто исследовательского интереса к проблемному полю, к возможности изучения быстро меняющейся действительности, к динамике разворачивающихся процессов.

Свою исследовательскую позицию по этому вопросу С.В. Чешко изложил в монографии «Распад СССР: этнополитический анализ» (М.: ИЭА РАН, 1993). Дальнейшие размышления по этой проблематике легли в основу другого монографического исследования «Распад Советского Союза: этнополитический анализ» (М.:

ИЭА РАН, 1996; 2-е изд.: М.: ИЭА РАН, 2000), основные положения которого были защищены в докторской диссертации 1996 г.

Впоследствии С.В. Чешко также тяготел к теоретическим аспектам этнологического знания. Он исследовал проблематику этнического самосознания и вообще – сложную динамику и иерархию социальных идентичностей. Сергей Викторович много размышлял над вопросом о месте этнологии в системе гуманитарного знания, о задачах современной этнологической науки в ее теоретическом, методологическом и прикладном аспектах. По-прежнему в поле его внимания находились протекавшие этнополитические процессы, эволюция традиционных культур в современном мире, механизмы функционирования культурных традиций в модернизирующихся социумах. Труды С.В. Чешко останутся основополагающими для отечественной этнологической науки начала нашего столетия.

Сергей Викторович обладал недюжинными организаторскими способностями. Это ярко проявилось в его деятельности в качестве ученого секретаря Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов АН СССР, но прежде всего в годы (1990–1991 и 1997–2009), когда он являлся заместителем директора Института этнологии и антропологии РАН. В его деятельности всегда чувствовались глубокое внимание и озабоченность делами института, заинтересованное сочувствие порой к самым обыденным перипетиям институтской жизни, готовность немедленно откликнуться на возникающие коллизии, направив административные возможности на эффективное решение возникших у подразделений или отдельных сотрудников проблем. При этом С.В. Чешко умел сплачивать коллектив, гармонизировать взаимозависимость объективных и субъективных факторов, определяющих сложную жизнедеятельность научного социума. В случае конфликта он всегда был готов предложить компромиссный вариант, но перед лицом необходимости и, не видя иного выхода, мог принять жесткие и однозначные административные решения.

Организаторские способности С.В. Чешко нашли воплощение и в других направлениях его деятельности. Так, в 1995–1997 гг. он возглавлял Центр междисциплинарных исследований ИЭА РАН, который координировал издание многотомной историко-этнографической серии «Народы и культуры».

Долгое время работа С.В. Чешко была сопряжена с журналом «Этнографическое обозрение», где в разные годы он был заместителем главного редактора (1994–2009 и 2011–2013), а в 2009–2011 гг. – главным редактором. Сергей Викторович принимал активное творческое участие в развитии журнала, с одной стороны, поддерживая и сохраняя его апробированные научные традиции, а с другой, способствуя содержательному и интеллектуальному обновлению нашего старейшего этнографического издания. В 2014 г. С.В. Чешко встал во главе нового издательского проекта. Отделом физической антропологии ИЭА издавался ежегодный альманах «Вестник антропологии». Было принято решение дополнить структуру альманаха равновеликим разделом по этнологии и социальной антропологии, превратив его в периодическое ежеквартальное издание. С.В. Чешко стал главным соредактором нового журнала, курируя его этнологическую часть.

Задача, стоявшая перед соредактором, была не из легких. Однако Сергею Викторовичу сразу же удалось придать «Вестнику антропологии» направление, которое определило ему прочную нишу в ряду других этнографических изданий. С тех пор научно-издательская стратегия журнала заключается в приоритетной презентации

новейших этнологических исследований, опирающихся на методы полевого этнографического изучения социальной действительности. В структурном построении номеров сочетаются традиционные для отечественной этнографии региональные исследования и тематические блоки, посвященные конкретной проблеме, объекту, процессу. С.В. Чешко значительное внимание уделял учебно-образовательным задачам журнала – с этой целью на страницах «Вестника антропологии» публиковался ряд программ и методических пособий. В журнале присутствует большой критико-библиографический раздел.

Сам Сергей Викторович был активным и заинтересованным автором журнала. Практически в каждом номере можно найти его публикации, которые отражали проблемные узлы, исследованию которых он посвятил последние годы своей жизни – это исторические, политические и правовые аспекты национальной политики, судьбы теории этноса в реалиях наступившего теоретико-методологического плюрализма, специфика научного этнологического нарратива и др. Большое внимание С.В. Чешко уделял жанру рецензий. Сергей Викторович считал важным не только обратить внимание читателей на наиболее важные и интересные новинки научной литературы, но и развить вводимые в научный оборот идеи и концепции, либо поддерживая взгляды и позиции автора, либо критически разобрав их слабые стороны и упущения. С.В. Чешко любил научные споры и сам был прекрасным полемистом.

При этом тексты Сергея Викторовича очень эмоциональны. Он вкладывал в них страсть и темперамент исследователя, для которого бесстрастная и скучная дескрипция не может отразить все нюансы понимания проблемы и ее актуализированного и дискуссионного звучания. В его работах, особенно полемического характера, можно встретить сарказм, юмор, скрытую насмешку, он «любил» ловить авторов на алогичности, бездоказательности, шаткости доводов и аргументов. Возможно, это кого-то обижало, накапливало обиды и возражения, но никто не мешал поднять перчатку и продолжить дискуссию, возможно, и приняв стиль оппонента, но не переходя очевидной этико-академической грани, которая неизменно оставалась табу для самого С.В. Чешко.

Сергей Викторович был человеком замечательных личных качеств. Насколько он был эмоционален в своих письменных текстах, настолько сдержан во внешнем общении. Он никогда не позволял своим эмоциям выплескиваться наружу, никогда не терял контроль над чувствами и настроением, не делал окружающих заложниками своих сиюминутных порывов. Независимо от привходящих обстоятельств, со своими контрагентами он неизменно оставался корректен, выдержан и учтив, демонстрируя то, что когда-то называлось давно забытым словом «воспитанность». По этой причине иным его характер мог даже показаться «холодноватым», но это заблуждение немедленно развеивалось при более близком и коротком знакомстве с Сергеем Викторовичем.

С.В. Чешко глубоко волновала проблемы смены поколений в науке, наследования традиций, которые должны передаваться в руки молодой генерации исследователей. Вероятно, поэтому он воспринимал своим долгом ежегодно принимать на себя обязанности председателя комиссии по вступительным экзаменам в аспирантуру ИЭА, а также комиссии по приему кандидатских экзаменов у готовящихся к защите аспирантов. Сергея Викторовича безмерно радовали блестящие ответы начинающих исследователей, огорчали незнание и поверхностная самонадеянность неопитов от науки. Стремясь помочь молодежи в освоении элементарных азов первоначальной

этнографии, С.В. Чешко написал блестящее пособие для студентов учреждений высшего образования «Этнология и социальная антропология» (М., 2014), которое ныне широко вошло в учебный оборот.

И еще одно, все реже встречающееся ныне качество, но которое было присуще Сергею Викторовичу: он никогда не мерил действительность критерием личной выгоды. За какое бы дело ни брался, его не волновали проблемы меркантильной личной заинтересованности. Мелочные расчеты типа, «а что я с этого поймею», «что это даст для моего отчета, моего “скопуса”» и т.д., были для него глубоко чужды и презираемы. Жизнь и работу он мерил иными критериями, главными из которых были задачи служения общему делу, улучшения работы института, поддержания его имиджа и авторитета, решения назревших проблем. А потому он щедро и не думая тратил время на организационные дела, на чтение и редактирование чужих текстов, подготовку рукописей к изданию, на приемные экзамены аспирантов, на издательские дела и многое другое. Такое отношение к делу обуславливали и другие качества его характера: надежность, верность, честность.

Уход С.В. Чешко стал трагической и невосполнимой потерей для коллектива Института этнологии и антропологии. Многие структурные направления работы, в которых непосредственно был задействован Сергей Викторович, еще долго не смогут набрать прежние обороты. Его имя и образ сохранятся в нашей памяти – пока мы живы, в отечественной науке – навсегда.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39+316.275

DOI:10.33876/2311-0546/2019-3-15/20-24

© Р.Н. Игнатьев

ПИСЬМА В БУТЫЛКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Автор, один из инициаторов «экспериментального направления» в российской антропологии, объясняет причины его появления и дает обзор статей, написанных участниками Первой международной конференции «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях | MAYDAY 2018» (Москва, 15-16 мая 2018 г.). Это размышления антропологов о различных путях развития дисциплины. По их мнению, в антропологии возможна реализация преемственности, соблюдения баланса старого и нового. Вместе с тем, потенциал представителей академической науки оказывается достаточным для новых смелых проектов.

Ключевые слова: Экспериментальная антропология, антропология, развитие науки, новые проекты, визуальность.

Представленные здесь статьи принадлежат участникам Первой международной конференции «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях | MAYDAY 2018», состоявшейся 15-16 мая 2018 г. на кафедре этнологии Исторического факультета МГУ и организованной при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-09-20017г) [1; 2].

Почему в названии соседствуют «письма в бутылке» и «академическая экспериментальность»? Можно выделить три важных компонента в том, что сегодня, на мой взгляд, составляет «экспериментальное направление» в российской антропологии:

1) работа представителей новых университетских центров антропологического знания (РГГУ, ЕУСПб, НИУ ВШЭ, РАНХиГС и др.)¹;

2) деятельность разнообразных независимых исследователей, разрабатывающих антропологические темы вне институций или в смежных средах²;

Игнатьев Роман Николаевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь. Эл. почта: roman.ignatiev@gmail.com. **Ignatiev Roman N.** – independent researcher. E-mail: roman.ignatiev@gmail.com.

¹ Примером здесь служит Александра Архипова и ее коллеги из группы «Мониторинг актуального фольклора» (МАФ) Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ) РАНХиГС.

² См. в качестве примера доклад «Обзор книг 2018. Новинки индеанистики» независимого исследователя Никиты Шишелова на Научно-популярном Семинаре им. А.В. Ващенко «Гайавата». Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=O4iJKSzZW-Q>. Дата обращения: 08.02.2019.

3) продукция сотрудников «старых» академическо-университетских центров антропологии/этнологии/этнографии (РАН, МГУ и др.)³.

Последовательность, в которой они перечислены, отражает наши реалии. Первые две фракции укрепились благодаря постсоветским общественно-политическим условиям и представители ее, участвовавшие в конференции, вскоре, как я надеюсь, опубликуют свои работы в других авторитетных изданиях. Третье направление получило возможность выступить в «Вестнике антропологии» благодаря С.В. Чешко, память о котором хранится в наших сердцах.

«Бутылочная почта», – не самый веселый способ коммуникации, – представляется мне метафорой последствий сложных процессов, затронувших российскую академическую науку. По известным причинам она оказалась перед выбором: определение и реализация новых задач или истощение в устаревших форматах. Хотя уже сейчас можно сказать, что потенциал и квалификация представителей третьей фракции достаточны для новых смелых проектов и движения вперед. Именно здесь возможны реализация преемственности и разумное соблюдение баланса старого и нового.

Важный вопрос заключается также в том, сохраняется ли шанс на объединение антропологического сообщества? На мой взгляд, такой шанс есть, однако формирование реально работающего сообщества антропологов требует, прежде всего, модернизации академического «ядра» российской антропологии.

Проведение конференции по экспериментальности – результат предыдущих инициатив: создания антропологического канала anthrotube (<https://www.youtube.com/anthrotube>) в 2016 г. и проведения секции «Экспериментальная антропология» на XII Конгрессе антропологов и этнологов России в 2017 г. [3]. Прежде всего, собрание «шоковым» образом показало неоднородность исследовательских подходов к эксперименту в широком диапазоне от университетских антропологов до представителей арт-среды. Заслуживает внимание факт, что часть профессиональных антропологов оказалась готова принять «экспериментальность» как «опыт», следуя по стопам А.А. Никишенкова: «смысл антропологии – это познание значимого другого, иного. “Experience” – опыт, но еще и эксперимент. Вместе с тем это уже эксперимент не в естественнонаучном плане, а эксперимент в литературоведческом плане» [4: 40].

Представленные статьи в целом следуют этой трактовке, однако не во всем. Читатель легко заметит в текстах сквозящий из экспериментальной «форточки» воздух, питающий мечту, наверное, каждого антрополога сообщить обществу «благую весть» о множестве путей и смелость самому сделать шаг в одном из этих направлений.

Ускорение-Гласность-Перестройка?

М.А. Никитин, один из инициаторов экспериментального направления в российской антропологии, считает его «реакцией на социальные и культурные метаморфозы». С точки зрения автора, «опыт западных ученых, которые разработали парадигму экспериментальной антропологии и проводят многолетние исследования в области экспериментальной антропологии, позволяют российским ученым приме-

³ Например, Рыжакова С.И. Фиранги: иностранцы, ставшие индийцами. Жизнь как этнографический эксперимент, а также Чининов И.В. Основные исследовательские направления антропологических наук в SETI («Поиск внеземного разума»), опубликованные в «Вестнике антропологии», 2018. № 1 (41).

нять их практики в текущих этнологических исследованиях и формулировать темы работ с перспективой получения эмпирических данных».

Пони на целине

В статье Е.В. Дёминой, Е.И. Лариной и С.Н. Мещерякова мы видим фиксацию обретения визуального «полевого» опыта студентами-антропологами, с одной стороны, и рефлексии руководителя полевой практики в отношении способов и смыслов визуализации. Эмоции и эмоциональность, детализация и вещьность заставляют почти полностью исключить «собственное присутствие на фотографиях, дабы избежать эффекта “студенты и преподаватель на практике”». Взаимодействие с информантами/консультантами происходит в общественно-исторических условиях, связанных, по мнению авторов, с «потерей моральных опор, стремительным движением социального лифта вниз, массовыми переселениями вследствие национальных конфликтов, демодернизацией жизни». Поэтому естественным становится эксперимент с визуальными «вещдоками» – своеобразная фотоинсталляция, включающая предметы, отражающие эмоциональную связь исследователя и информанта.

Безопасность и комфорт

Статья И.С. Савина обращает наше внимание к практике городской толерантности. Участники эксперимента включали в себя и тех, «кто имел опыт общения с мигрантами из Центральной Азии (по роду деятельности или из проживания в предыдущий период в этом регионе)», и они «имели гораздо более взвешенные и аргументированные мнения о жизни выходцев из этих стран в Москве, даже в случае, если эти мнения были негативными». Трудно не согласиться с выводом о том, что «если ты знаешь всех или почти всех, кого встречаешь во дворе, то у тебя нет “чужих” во дворе, ты и твои дети чувствуют себя в безопасности и комфорте». Подобный «эффект положительного влияния непосредственного контакта» достаточно хрупок, как показывает автор, и зависит от доброй воли всех участников.

Сложно угадать, ожидает ли нас длительный период горизонтальных интеллектуальных связей, усиление фрустрации гуманитарных исследователей и как следствие, все большая неоднозначность результатов или наоборот, прорыв в развитии дисциплины. Как бы то ни было, мы отправляем нашу «бутылочную почту». В добрый путь!

Литература

1. Функ Д.А., Игнатъев Р.Н., Филатова В.О. Международная конференция «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях» (Москва, 15–16 мая 2018 г.) // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки.* (92), июль–сентябрь 2018 г. № 3. С. 164–170. Доступ: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/bulletin_humanities_social/o_2078763 (дата обращения: 08.02.2019).
2. Игнатъев Р.Н., Филатова В.О., Функ Д.А., отв. ред. *MAYDAY 2018. Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях, 15–16 мая*

- 2018 г., Москва. Сборник тезисов. М.: МГУ, 2018. Доступ: https://drive.google.com/file/d/14ib_6MRBNBjQza5vqf0VsFGdvH7S90F2 (дата обращения: 08.02.2019).
3. Игнатьев Р.Н., Никитин М.А., отв. ред. *Экспериментальная антропология: тезисы докладов на секции «Экспериментальная антропология» XII Конгресса антропологов и этнологов России (3–6 июля 2017 г., Ижевск)*. М., 2017. Доступ: <https://drive.google.com/open?id=0B9Y660LYEu1Ga3FyNURCYzNRN0k> (дата обращения: 08.02.2019).
 4. Никишенков А.А. Лекция № 11. 17 декабря 1997 г. Интерпретативный поворот. Культурная критика, феминистская антропология, критика экспериментальности, завершение кризиса (Подготовлена к публикации Т.Б. Андреевой и А.В. Турским) // *Исторические исследования*, 2016. № 4. С. 29–45. Доступ: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/61/152> (дата обращения: 08.02.2019).

References

1. Funk D.A., Ignat'ev R.N., Filatova V.O. Mezhdunarodnaia konferentsiia "Eksperimenty i eksperimental'nost' v antropologii i mezhdistsiplinarykh issledovaniakh" (Moskva, 15–16 maia 2018 g.), *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovani. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 3 (92), *iiul'-sentiabr' 2018 g.*, ss. 164–170. Dostup: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/bulletin_humanities_social/o_2078763 (data obrashcheniya: 08.02.2019). (In Russ.) [Funk D.A., Ignat'ev R.N., Filatova V.O. The International Conference "Experiments and Experimentality in Anthropology and Interdisciplinary Studies (May 15–16, 2018). Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences, 2018. No. 3 (92). Pp. 164–170. Available at: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/bulletin_humanities_social/o_2078763 (accessed 08.02.2019)].
2. Ignatiev R.N., Filatova V.O., Funk D.A., отв. red. *MAYDAY 2018. Eksperimenty i eksperimental'nost' v antropologii i mezhdistsiplinarykh issledovaniakh, 15–16 maia 2018 g., Moscow. Sbornik tezisev*. М.: МГУ, 2018. Dostup: https://drive.google.com/file/d/14ib_6MRBNBjQza5vqf0VsFGdvH7S90F2 (data obrashcheniya: 08.02.2019). (In Russ.) [Ignatiev R.N., Filatova V.O., Funk D.A., eds. MAYDAY 2018. Experiments and Experimentality in Anthropology and Interdisciplinary Studies (May 15–16, 2018). Abstracts. Moscow: Moscow State University, 2018. Available at: https://drive.google.com/file/d/14ib_6MRBNBjQza5vqf0VsFGdvH7S90F2 (accessed 08.02.2019)].
3. Ignatiev R.N., Nikitin M.A., отв. red. *Eksperimental'naia antropologiya: tezisy dokladov na sekcii "Eksperimental'naia antropologiya" XII Kongressa antropologov i etnologov Rossii (3–6 iuliia 2017 g., Izhevsk)*. Moscow, 2017. Dostup: <https://drive.google.com/open?id=0B9Y660LYEu1Ga3FyNURCYzNRN0k> (data obrashcheniya: 08.02.2019). (In Russ.) [Ignat'ev R.N., Nikitin M.A., eds. XII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia (Izhevsk, 3–6 July, 2017). Panel 22. Experimental anthropology. Abstracts. Moscow, 2017. Available at: <https://drive.google.com/open?id=0B9Y660LYEu1Ga3FyNURCYzNRN0k> (accessed 08.02.2019)].
4. Nikishenkov A.A. Lektsiia No. 11. 17 december 1997 g. Interpretativnyi povорот. Kul'turnaia kritika, feministkaia antropologiya, kritika eksperimental'nosti, zavershenie krizisa (Podgotovlena k publikatsii T.B. Andreevoi i A.V. Turskim). Istoricheskie issledovaniia, 2016. No. 4. Pp. 29–45. (In Russ.) [Nikishenkov A.A. Lecture 11. December 17, 1997. Interpretative turn. Cultural criticism, feminist anthropology, criticism of experimentality, the end of the crisis (Prepared for publication by T. Andreeva and A. Tursky. History Studies. Journal of the History Faculty. Lomonosov Moscow State University, 2016. No. 4. Pp. 29–45. Available at: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/61/152> (accessed 08.02.2019)].

R.N. Ignatiev. Messages in a Bottle: Experimentality of Russian Anthropology in the early 21st Century.

The author, who is the pioneer of the "experimental approach" in Russian anthropology, explains its causes and makes a review of the articles published by the participants of the First International Conference "Experiments and Experimentality in Anthropology and Interdisciplinary Studies | MAYDAY 2018" (Moscow, May 15-16, 2018). These are anthropologists' reflections about the ways of advancement of the discipline. According to them, it's possible to implement continuity and balance the old and the new. At the same time, the capacity of academic researchers seems to be sufficient for new ambitious projects.

Key words: *Experimental anthropology, Anthropology, , science development, new projects, Visualization.*

© М.А.Никитин

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ИЛИ ЭМПИРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ!?

Автор приводит свои аргументы в ответ на критические суждения по отношению к одной из новейших и активно пропагандируемых идей – идеи «экспериментальной антропологии». По мнению автора, концепция экспериментальной антропологии имеет потенциал получения верифицированного знания.

Ключевые слова: экспериментальная антропология, междисциплинарность, эмпирическая антропология, антропологическая скорость.

...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. (Ин. 20:25)

Данное сообщение написано в поддержку предложения одного из главных редакторов (С.В. Чешко) журнала «Вестник антропологии» о создании дискуссионного поля на его страницах: «чтобы дать адептам непривычных идей высказаться, а коллегам познакомиться с новациями в науке» [1]. Таким образом был инициирован своеобразный научно-издательский эксперимент в виде предоставления карт-бланша потенциальным авторам.

Не претендуя не только на оригинальные идеи, но и на приверженность им, я решил написать текст, посвященный одному мероприятию творческих исследователей, которое также было скептически анонсировано в упомянутой статье.

Термин «эксперимент» и его производные в российском антропологическом дискурсе появились два года назад и в первое время они звучали метафорически и провокационно. Его тиражирование и ротация имели все признаки научного хайпа¹. В 2016 г. авторами идеи было озвучено предложение сформировать в Ассоциации антропологов и этнологов России Комиссию по экспериментальной антропологии. Сопроводительное письмо, приложенное к заявке, по мнению членов Президиума Ассоциации, было неубедительно и основания, изложенные в нем, не соответствовали принципу создания комиссий в организации. Они, как известно, формируются на базе уже существующих научных направлений нашей науки. Тем не менее, высокое собрание, отдавая должное проявленной инициативе, ради чистоты эксперимента, приняло решение поддержать проведение в рамках XII Конгресса ААЭР в Ижевске

Никитин Максим Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32А). **Nikitin Maxim A.** – Institute of Ethnology and anthropology RAS (Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: proisel@gmail.com.

¹ Хайп – нелогизм от английского «hype» – шумиха, ажиотаж.

секции по Экспериментальной антропологии. Руководителям удалось собрать кворум докладчиков для того, чтобы секция состоялась.

Авторы идеи конструктивно восприняли критические замечания и в последующем учли их при корректировке концепции экспериментальной антропологии. Следует отдать должное их организаторским способностям, которые позволили привлечь новых апологетов экспериментальности и 15–16 мая 2018 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований прошла международная конференция «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях». В ее работе приняли участие ведущие этнологи и антропологи, занимающиеся междисциплинарными исследованиями: Д.А. Функ, С.В. Соколовский, В.И. Харитонов, М.Л. Бутовская и др., а также аспиранты профильных научных центров.

Тон дискуссии задал декан Исторического факультета МГУ И.И. Тучков, который в своем приветственном слове отметил важность попыток проведения экспериментов в гуманитарных науках. Директор Центра интерактивных сознаний Орхусского университета, профессор Андреас Рёпсторфф в начале своего выступления с удовлетворением отметил положительные моменты, связанные с актуализацией вопросов экспериментальности в мировой и российской этнологии и антропологии. Для поддержания формирующегося тренда он не преминул воспользоваться возможностью выступить на первом профильном научном форуме в России с докладом «Экспериментальная антропология: от включенного наблюдения до активного участия». Он также как и И.И. Тучков призвал этнологов и антропологов смелее прибегать к экспериментальным методам исследования, не смотря на очевидные этические сложности, возникающие при данном способе получения верифицированного антропологического знания.

Он выделил следующие интерпретации экспериментальной антропологии:

1. возможность применения метода эксперимента;
2. профильный научный авангардизм;
3. интерактивное участие исследователя в эксперименте, при котором он является не только сторонним наблюдателем, но и погружается в сценарий происходящего, становясь частью опыта, меняя роль объекта и субъекта. Последняя трактовка успешно применяется исследователями Центра интерактивных сознаний в работе.

По мнению г-на Рёпсторффа, дихотомия лаборатории и поля преобразуется благодаря диалектическому синтезу в новые исследовательские возможности и способна придать новый импульс этнографическому методу. Кроме того, эксперимент может дать исследователю новые формы диалога, как с полем, так и с коллегами из других дисциплин. В качестве примера он рассказал об опытах по сканированию мозга в ходе исследования его контекстных реакций на определенную информацию и других способах применения результатов экспериментов в работах антропологов. Эффективность подобных наблюдений за субъективной реальностью увеличивается пропорционально прогрессу вычислительных систем и других технических возможностей специализированных лабораторий [2].

Д.А. Функ обратил внимание на ответственность антрополога, который использует экспериментальные подходы в своей работе. О том, что этика исследований – это область знаний, которая активно развивается в последние годы, говорила в ходе кру-

глобо стола «Этика эксперимента» Е.К. Соколова. В отличие от западной этической повестки с ее жесткими протоколами, отчетами и постоянными дебатами научного сообщества, российская практическая этика исследований не регламентирована, и исследователь часто предоставлен сам себе в своем этическом выборе.

С.В. Соколовский в своей презентации рассмотрел перспективы экспериментальной антропологии в контексте автоэтнографических исследований [2: 8]. По его мнению, антропологические исследования изначально являются качественными, но при этом субъективными в силу методологической специфики. Все попытки обобщения информационного материала обычно сводятся к «совокупности стилистических приемов, создающих эффект объективности за счет удаления из текста (и стирания из полевых дневников) всех субъективных моментов в попытках отражения реальности, как она существует «сама по себе». Поэтому любые формальные попытки объективации исследований ведут лишь к закономерному недоверию у окружающих, и информация «будет ощущаться ими как полуправда, неправда, или даже как неприкрытая ложь». Нерепрезентативность этнографических исследований изначально обусловлена и поэтому квантификация результатов крайне затруднена. Следовательно, автоэтнография является честным экспериментом, практически уникальным в нашей науке.

Естественнонаучную повестку, которую предложил А. Рёпсторфф, и агностицизм С.В. Соколовского большинство участников изящно обошли, поэкспериментировав с темами (предметами) исследования. Достаточно познакомиться с программой конференции. Названия докладов говорят сами за себя. Спектр затронутых тем включал в себя доклады о сканировании мозга человека, изучении особенностей коэволюционного бытия городской фауны и другие редкие для научных мероприятий антропологов сюжеты.

Особенно выделялась группа исследователей, занимающихся цифровой антропологией. Интернет-среда – это и поле, и, одновременно, цифровое отражение «обычной» жизни. Количество «оцифрованной реальности» и цифровых следов «аналоговой реальности» в настоящее время растет не степенно, а скорее экспоненциально. Анализ этих данных открывают перед исследователями дополнительные возможности по изучению предмета этнологии и культурной антропологии с учетом высокой степени объективности и репрезентативности.

В ходе конференции были представлены различные практики применения экспериментов в этнологических исследованиях. Большой интерес вызвали «результаты глубинного анализа, производимого во время беседы (согласно конструктивистскому пониманию памяти) с информантами в определенных социальных, культурных и коммуникационных условиях, отчасти создаваемых и контролируемых исследователем» [2: 18]. Все это, по мнению автора идеи, позволяет говорить об устном воспоминании как об эксперименте.

Одним из наиболее сложных экспериментов был опыт контролируемого взаимодействия представителей «разнокультурных сообществ» в ходе реализации нескольких проектов стратегий интеграции местных жителей и мигрантов из Центральной Азии в нескольких районах Москвы. Автор в своей работе ставил под сомнение степень репрезентативности результатов наблюдений, так как вероятность спровоцированного экспериментом общения в реальных условиях вряд ли могла состояться. Корреляция между «лабораторными» моделями и жизнью важна при определенных задачах исследований, как правило, связанных с практическим применением научных решений [2: 22].

Два научных мероприятия, организованные под эгидой экспериментальной антропологии, показали потенциал направления и способность развиваться с учетом актуальных научных тенденций. Опыт западных ученых, которые разработали парадигму экспериментальной антропологии и проводят многолетние исследования, позволяют российским ученым применять их практики в текущих этнологических исследованиях и формулировать темы работ с перспективой получения эмпирических данных.

В природе, как известно, нет прямых линий. До недавнего времени считалось, что в гуманитарных науках тоже. Возможно это так, но кривые тоже можно измерять, даже метаморфозы самих предметов исследования. Многие критики относятся к данному подходу как к неопозитивизму, но последний усиливает свои эпистемологические позиции по мере прогресса вычислительных систем и накопления цифровых данных.

Обращаясь к вопросу о «квантификации» количественных исследований, стоит в очередной раз упомянуть о цифровой антропологии. Избежать редуцированных подходов при конверсии качественных данных в количественные помогает интегральный анализ цифровых следов, которые человек оставляет в ходе своей жизни. Очевидно, что персональные лог-файлы² цифровых профилей увеличиваются, как уже упоминалось, экспоненциально. Они включают в себя сведения о здоровье, геопозициях, перемещениях, потребительской активности, коммуникациях, симпатиях, антипатиях, профессиональной деятельности и т.д. Если в настоящий момент ученые дискутируют о необходимости онлайн-офлайн-параллельных исследованиях человека, то в ближайшее время, скорее всего, эти понятия будут нивелированы и цифровые данные о человеке будут представлять тотальные сведения. Наступают времена, когда оператор системы управления базами данных сможет за 5 минут получать антропологические сведения, на которые у работающего классическими методами этнографа уходили годы полевой и архивной работы. Антропологам еще предстоит осмыслить эти возможности. Для этого им необходимо получить легальный доступ к базам данных. В настоящее время они используются лишь маркетологами крупных компаний, политтехнологами общественных и политических организаций, сотрудниками органов государственной власти. Искусственный интеллект сможет выполнять и уже выполняет рутинные сопоставления намного лучше человека, одновременно оперируя глобальной совокупностью данных, включая библиотеки, музеи и архивы.

Антропологические процессы современности отличаются заметной динамикой и не учитывать фактор скорости в гуманитарных и общественных науках не представляется возможным. Вслед за «антропологией движения» [3], «антропологией времени» [4] коллеги объявили о создании «антропологии скорости» [5]. По-моему, достаточно было бы разработать понятие «антропологической скорости» и не усложнять избыточными направлениями предметную область дисциплины. Антропология движения обладает достаточной ёмкостью для рассмотрения в антропологическом контексте понятий «время» и «скорость». Последняя, в самом широком смысле – это антропологические изменения за единицу времени, а время, будучи в известной степени условным конструктом, отличается не только при субъективном восприятии, но и в физическом смысле, так как по-разному течет даже на разных высотах над уровнем моря.

Экспериментальная антропология не ставит своей целью создание велосипеда или локализацию свежих и перспективных наработок коллег из других стран. Она не претендует и на научный авангардизм в век хорошо забытого старого.

² Цифровые информационные блоки с хронологической информацией о субъекте.

Но в действительности это квазинаучное направление следует отнести к тенденции, которую обозначили коллеги в работе «Инновации в антропологии» [6], так как оно является логической реакцией на социальные и культурные метаморфозы, вызванные прогрессом. Это косвенное свидетельство в пользу того, что экспериментальная антропология – это один из способов получения верифицированного знания. А эксперимент – научный прецедент, которым может воспользоваться исследователь. Поэтому экспериментальная антропология должна стать, прежде всего, синонимом эмпирической антропологии.

Литература

1. Чешко С.В. «Экспериментальная антропология». И встретились две черепахи... // *Вестник антропологии*, 2018. № 1 (41). С. 69–75.
2. Игнатъев Р.Н., Филатова В.О., Функ Д.А. отв. ред. *Mayday 2018. Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях*, 15–16 мая 2018 г., Москва. Сборник тезисов. М.: МГУ, 2018 (электронное издание). –57 с.
3. Головнёв А.В. *Антропология движения (древности Северной Евразии)*. Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
4. Ssorin-Chaikov N. Two Lenins: a brief anthropology of time. University of Chicago Press, 2017.
5. Duclos V., Sanchez T., Vinh-Kim C. Nguyen *Speed: An Introduction* // *Cultural Anthropology*, 2017 (February). Vol. 32, issue1. Pp. 1–11.
6. Соколовский С.В. отв. ред. *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях*. М.: ИЭА РАН, 2015.

References

1. Cheshko S.V. «Eksperimental'naya antroplogiya». I vstretilis' dve cherepakhi... *Vestnik antropologii*, 2018. No. 1 (41). Pp. 69–75. (In Russ.) [Cheshko S.V. «Experimental Anthropology. And Two turtles met. *Anthropology Herald*. 2018. № 1 (41) , ss. 69–75.
2. Ignatiev R.N., Filatova V.O., Funk D.A. отв. red. *Mayday 2018. Eksperimenty i eksperimental'nost' v antropologii i mezhdistsiplinarynykh issledovaniyakh*, 15–16 may 2018 g., Moskva. Sbornik tezisov. Moscow: MGU, 2018 (elektronnoe izdanie). – 57 s. (In Russ.) [Ignatiev R.N., Filatova V.O., Funk D.A (eds.). May 2018. Experiments and Experimentality in Anthropology and Interdisciplinary studies. May 15–16 2018. Moscow. Abstracts. Moscow: MSU, 2018.
3. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoi Evrazii)*. Yekaterinburg: UrO RAN; Volot, 2009. 496 p. (In Russ.) [Golovnev A.V. *Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)*. Yekaterinburg. UrO RAN; Volot, 2009. 496 p.].
4. Ssorin-Chaikov N. Two Lenins: a brief anthropology of time. University of Chicago Press, 2017.
5. Duclos V., Sanchez T., Vinh-Kim C. Nguyen *Speed: An Introduction. Cultural Anthropology*, 2017 (February). Vol. 32, issue1. Pp. 1–11.
6. Sokolovskii S.V. отв. red. *Innovatsii v antropologii: novye napravleniya, ob"ekty i metody v rossiiskikh antropologicheskikh issledovaniyakh*. Moscow: IEA RAN, 2015. (In Russ.) [Sokolovskii S.V. (ed.) *Innovations in Anthropology: New Branches, Objects And Methods In Russian Anthropological Studies*. Moscow: IEA RAS, 2015].

M.A. Nikitin. Experimental or empirical anthropology.

The author presents his arguments to the critics of the new conception of the experimental anthropology. The author considers experimental anthropology as potential way to get verified results of studies.

Key words: *experimental anthropology, interdisciplinarity, empirical anthropology, anthropological speed.*

© *Е.В. Дёмина, Е.И. Ларина, С.Н. Мещеряков*

ЦЕЛИНА: ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВОСПРИЯТИЯ

В статье представлена экспликация идеи экспериментального исследования визуальных антропологических практик на основе фотографий, созданных непрофессиональными авторами в ходе экспедиции на Целину в Оренбургской области. Фотографии рассматриваются как в репрезентативном аспекте, так и в качестве материала для анализа представлений, поведения и установок непрофессиональных фотографов и респондентов в историческом, антропологическом и визуальном контекстах. Проводится анализ взаимодействия практик интервью и фотографирования; рассматривается этос встречи фотографа и модели; уделяется внимание особенностям перспективы фотографов и объектов съемки, обусловленных культурными и историческими различиями.

Подобная оптика, направленная на полученный в ходе экспедиции визуальный материал, позволяет рассмотреть характерные образы эпохи освоения Целины («целинная степь», «город-сад», «первоцелинник» и т.п.) в свете исторической памяти, раскрывающейся в столкновении эстетических регистров и зрительных практик трех сторон: антрополога, фотографа и респондента.

Ключевые слова: визуальная антропология, антропология образа, визуальная история, историческая память, любительская фотография, полевая практика, Целина.

Эксперимент визуализации

В августе 2017 г. и августе 2018 г. в Оренбургской области работала этнографическая студенческая экспедиция исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Е.И. Лариной по изучению наследия Целины. Полевое исследование невозможно без визуализации окружающего мира, съемки «типов и видов», при котором и сами исследователи становятся объектом, попадающим в

Дёмина Евгения Викторовна – независимый исследователь. Эл. почта: demina_z@mail.ru. **Demina Evgeniya V.** – independent researcher. E-mail: demina_z@mail.ru.

Ларина Елена Игоревна – к.и.н, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, 1). Эл. почта: ei-larina@mail.ru. **Larina Elena I.** – Moscow state University (Moscow, Leninskie Gory, 1). E-mail: ei-larina@mail.ru.

Мещеряков Сергей Николаевич – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, 1). Эл. почта: momon@acie.ru. **Mescheryakov Sergey N.** – Moscow state University (Moscow, Leninskie Gory, 1). E-mail: momon@acie.ru.

объектив камеры. Интенсивность процесса съемки была высока и определялась тем, что единодушно констатируют все исследователи визуальной культуры – у людей развился инстинкт фотографирования, «современный мир наполнен визуальными образами» [1: 5], с одной стороны, и фактором новизны места пребывания, побуждающим удивляться чаще, чем в привычных условиях, с другой. Осенью 2017 г. возникла идея организовать в стенах факультета фотовыставку. Поиск идеи, концепции выставки, отбора фотографии подвел нас к этнографическому эксперименту и размышлениям о проблемах визуализации этнографического поля, которые изложены в данной статье.

Почему мы говорим об этнографическом эксперименте? Экспериментом наше мероприятие стало постфактум, но сценарий происходящего вполне можно считать экспериментом. Все без исключения участники экспедиции брали с собой в поездку фотокамеры. В течение двух недель они находились в одних условиях, в одних и тех же местах, видели в основном одних и тех же людей и проводили время за одними и теми же занятиями: это были поездки, общение с «проводниками», интервью с респондентами, посещение школьных и краеведческих музеев. Общими рамками являлись лишь границы этнографического поля, с которым взаимодействовали участники, время, и ситуация поездки: летняя антропологическая практика. В сущности, никаких предварительных рекомендаций к фотографированию не было, не говорилось также ничего и о том, что фотографии будут включены в экспозицию выставки или станут предметом изучения. Все участники снимали то и так, что и как считали нужным. В каждом индивидуальном случае могли сочетаться и чередоваться как цели вдумчивого антропологического наблюдения, стихийного научения практикам антропологического фото, цели технической фиксации (документов, вывесок и пр.), так и личные цели памятных туристических снимков для соцсетей или домашнего просмотра, а также и цели художественные. В итоге получился большой массив фотографий.

Рис. 1. Фермерская точка Самата Сальменова в исчезнувшем ауле Сарыбулак, Акбулакский р-н (автор фото С. Мещеряков, 2017).

Осенью мы стали готовиться к выставке по результатам экспедиции 2017 г. Когда мы просматривали визуальный материал, включавший разноформатные фотографии и видео, перед нами стояла задача сформулировать концепцию, которая могла бы его собрать и структурировать. Сначала на горизонте брезжила идея сгруппировать снимки вокруг той или иной социально значимой темы, вроде общения в гостях, диалога традиции и современной городской цивилизации, устройства приусадебной территории, современного быта жителей Целины. Это отвечало бы нашим собственно антропологическим научным интересам и принципам работы в поле. Была также мысль объединить все в некий компилятивный, «мягкий» по своим считываемым смыслам, документально-ориентированный художественный образ Целинного края. Но вскоре мы обнаружили, что сам состав общего фотографического материала наделяет любую выставку хорошо заметным смыслом: у каждого участника сложился значительный корпус фотографий, который отражает индивидуальную картину визуального восприятия и визуального поведения. Подчас эта перспектива заметно отличается от того, как видели и как фотографически фиксировали ту же реальность другие участники поездки. Она имеет свою логику осмысления визуальной информации, логику интерпретации той или иной визуальной темы, свой набор излюбленных тем, частоту и манеру фотографирования и многое другое. При отборе фотографий для выставки мы отставили в сторону взгляд художника-творца *sub specie aeternitatis*, и вместо того, чтобы представить законченный и продуманный, целостный образ Оренбургской Целины как этнографического поля, решили выявить и представить на выставке разнообразие индивидуальных перспектив и визуальных практик в этом поле.

Позднее у нас возникло желание организовать виртуальную выставку, которая могла бы включить многое из того, что, к сожалению, не вместила выставка реальная. Был сделан сайт steppe.info. Разветвленность его структуры позволяет использовать данный ресурс как платформу для исследовательских практик разного направления.

Во-первых, это классическое изучение фотографий как *material evidence*. Вещи, машины, тетради, разнообразные альбомы, школьные экспозиции, посуда и т.д., — все они, запечатленные на фотокамеру, эффективно стимулируют память полевых исследователей, заставляют фокусировать внимание на практиках пользования вещью и на осмыслении (понимании) вещи респондентами, фигурами поля в разнообразных контекстах.

Во-вторых, это развитие основной идеи: исследование индивидуальной перспективы фотографа-любителя. Мы взяли интервью у всех участников с акцентом на визуальный и фотографический опыт, навыки, привычки и вкусы человека. Каждое интервью в свою очередь актуализирует различные визуальные темы и особенности визуальных практик, которые впоследствии можно изучать, например, коммуникативную составляющую фотографической практики, связь фотографирования с просматриванием, выкладыванием в сети, в Instagramm, психологический аспект фотографии и другое.

В-третьих, это образы, имагология и иконология. Площадка дает возможность репрезентировать уже сложившиеся образы: в отсканированном виде фотографические серии Целиной кампании второй половины прошлого века, опубликованные и не вошедшие в номера советских газет, выставки и альбомы, каноничные картины художников-соцреалистов, а также исследования расхожих и ставших традиционными образов, символов, таких как первая борозда, трактор, образ первоцелинника, образы

труда, степи целинной и преобразенной, город-сад и т.д. Нас интересовало, как эти образы приобретают в новых интерпретациях иные оттенки или перетолковываются.

Не будучи профессионалами, наши фотографы делали порой снимки странные. Подобные фотографии, как правило, составляют своего рода «белый шум», оседают в цифровой памяти участников, их практически не увидишь в публичном пространстве. Наличие странных фотографий позволило исследователям визуальных образов находить в разных фотографиях сюрреалистскую иронию – странность, трогательность [2: 99]. Именно поэтому мы решили создать не просто выставку, а выставку-исследование процесса запечатления фотографами-любителями. И в этом процессе, безусловно, были моменты незапечатленности, невовлеченности в процесс: «Фото не просто результат встречи фотографа с событием; съемка – сама по себе событие и событие с преимущественным правом: соваться в происходящее или же игнорировать его» [2: 22].

Те, кто фотографировал, руководствовались двумя соображениями. Первое было связано с собственно тематикой поездки. Второе можно передать цитатой из Сьюзен Сонтаг – «все равно послушны подспудным императивам собственного вкуса и понятий» [2: 16]. И далее: «Даже когда снимают неразборчиво, беспорядочно, бездумно, это не отменяет дидактичности предприятия» [2: 17]. Будучи путешественниками, а этнографическая экспедиция всегда является, прежде всего, путешествием, даже делая снимки бездумно, мы неосознанно фиксируем что-то необходимое: «Всякое путешествие является культурным, даже если оно является бесцельным. Фланеры, неторопливо разглядывающие симпатичных девушек, гуляки, блуждающие по улицам в поисках кофейнь или рюмочных, являются не песчинками в водовороте времени, лоскутками разноцветной жизни больших городов, они – весьма утонченные культурные машины, оснащенные чувствительными оптическими, вкусовыми, обонятельными, тактильными приборами» [3: 410]. Создавая фотовыставку, а впоследствии сайт «Целина», мы отбирали непрофессиональные фотографии, каждый раз задаваясь вопросом – почему был снят именно этот объект? Почему он был запечатлен таким образом?

Снятые на камеры цифровых «мыльниц» и телефонов, все эти фотографии сделаны во время обычных экспедиционных мероприятий: в гостях у респондентов во время или после интервью, когда за объективом находится второй и третий интервьюер; по дороге на интервью, на обед или в общежитие; в автобусе, маршрутке, во время переезда в другой район; при осмотре школьных и районных краеведческих музеев, Музея истории целины и Музея летчика-космонавта В.М. Комарова. В нашу подборку попали фотографии разных жанров: портреты, сцены общения, виды поселков, сельских дворов и степного ландшафта, фото вещей и интерьеров, памятников и музейных экспозиций, переснятые семейные фотоальбомы, награды, настенные постеры и картины. Тематически фотографии тоже не едины: общение во время интервью; вид и пространственное устройство целинных поселков сегодня; интерьеры, домашний мир собеседников; репрезентация целинной кампании в монументах, книгах, школьных и районных музеях Оренбургской области; сосуществование архаичных и современных форм хозяйствования и быта; взаимодействие советской идеологии, массовой культуры, традиции и религии в современном селе и т.д.

Мы практически полностью исключили собственное присутствие на фотографиях, дабы избежать эффекта «студенты и преподаватель на практике». Посети-

тели выставки и сайта увидели пространство и время, связанные с Оренбуржьем, целинным наследием, культурным разнообразием. Каждый испытывал эмпатию – кто-то вспоминал, как сам ездил на целину, кто-то был шокирован увиденным и давал социальную оценку об «отработанном ресурсе», кого-то зацепила красота степей, кто-то улыбался наивности снимков, но общим был эффект, который можно передать словами штатного фотографа исторического факультета Ивана Ильяшенко: «Я чувствую движение ветра».

Визуализация и коммуникация. Разговор и знаки

Экспедиционная практика, помимо сбора материалов и обретения профессиональных навыков – это опыт общения и взаимодействия с чужим жизненным миром. Это относится и к общению в прямом смысле слова – к языковой и эмоциональной коммуникации с респондентами, администрацией, учителями и музейщиками, водителями, батюшками и имамами, вахтерами общежитий, продавцами магазинов, прохожими и т.д. И это относится в той же мере к взаимодействию с миром вещей, пространством и условиями жизни, часто непривычными, малознакомыми жителям мегаполиса.

Посещение без вмешательства в чужую жизнь, обычно укладывающееся в трех-четырёхчасовые временные рамки, тем не менее, оставляло свой след, нередко взаимный. В различных ситуациях мы задавали себе вопрос, можно или нельзя снимать, этично это или нет? Вот один яркий эпизод взаимного потрясения. В 2017 г. трое студенток возвращались после самостоятельного интервью с первоцелинницей с такими лицами, что идущая навстречу руководитель практики Е.И. Ларина мысленно уже перебирала все худшие варианты случившегося. Оказалось, что уже глубоко пожилая первоцелинница расплакалась. Для студенток это было первое самостоятельное интервью в их жизни, интервью с чаепитием. Но слезы этой женщины создали другой эмоциональный фон, они чувствовали себя виноватыми, причиной горьких слез, они страдали от этого, все внимание оказалось поглощено переживаниями собеседницы. Е.И. Ларина с облегчением рассмеялась и взяла на себя смелость предложить студенткам объяснение, что это были слезы своего рода «катарсиса», облегчения – бабушка жила одна, ее дети давно переехали в город, навещают по возможности, но не часто, в деревне все и все друг про друга знают, и вдруг приходят трое девушек в том возрасте, в котором эта женщина круто изменила свою жизнь, приехала на Целину, ее трудовые победы чествовали, она в свободное время бегала на танцы, создавала свою семейную жизнь, была счастлива полной мерой. Она была молода. В последние годы ее жизнь протекала, скорее всего, обычным чередом, пожилые знают друг про друга многое, молодое поколение живет своей жизнью, а она неожиданно стала кому-то интересна, ее жизнь кого-то заинтересовала, в девушках она увидела, как бы свою молодость. Тогда студентки перестали фотографировать свою собеседницу, почувствовав неловкость, а спустя месяцы глядя на ее фотографию испытывают те же чувства, потрясение от того, как подействовал их приход на собеседницу. Мы уверены, что можно было бы сделать снимок плачущей женщины, что доверительность, искренность в общении гарантировали ее лояльность. Другой вопрос – кто готов был бы нажать на кнопку? Опытный антрополог мог бы тактично и бережно зафиксировать тяжелый момент, восприняв его также визуально. Подобная ситуация никогда не может стать универ-

сальной. Помимо внешних условий: возраст, пол, этно-религиозная принадлежность, социальный и служебный статус участников интервью, гораздо большую роль играют внутренние обстоятельства: стиль ведения интервью – кратковременное, анкетное, а значит более жесткое, или пространное, приближенное к естественной беседе за чаем, а также личности участников. Студенты посчитали происходящее слишком болезненным и личным, чтобы можно было думать о вмешательстве в какой-либо иной роли, кроме роли соболезнующих собеседниц; фотографировать, превращая человека в телесную модель, значило бы скрыться, абстрагироваться, отказать в сочувствии. Даже в менее тяжелых ситуациях интервью фотография может казаться нарушением тайны личного, вторжением в интимную сферу собеседника. Разговор должен быть непринужденным, свободным, позволяющим некоторые отступления от негласного этикета официальности. Робость, как и желание делать снимки незаметно, способствует тому, что большое количество снимков студентов будет сделано при таких внутренних и коммуникационных обстоятельствах именно в непринужденной ситуации.

Этот случай можно рассматривать и с позиции достижения подлинной цели путешествия, «которая состоит в изменении самого себя путем столкновения с Другим <...> если исчез Другой, значит нет и меня самого. Вернуться к себе – значит найти и признать Другого <...> переносить и принимать не только его мысли, но и лицо, голос, запах <...> главное – это добрая воля к коммуникации со стороны хозяина» [3: 412–413]. Это соответствует главному требованию к осмыслению истории, которое выдвинул Поль Рикер: «Глубинное требование герменевтики: всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого текста он хочет сделать его своим, собственным; расширение самопонимания он намеревается достичь через понимание другого. Таким образом, ясно или неясно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого» [4: 25].

При выборе ракурса, кадрирования и т.д. фотограф черпает образы из своего банка памяти, в том числе из опыта чтения лиц. Это значит, что он идентифицирует жест, мимику, позу модели с выражением той ли иной эмоции, душевного состояния, отношения к окружающим и миру вообще. Тем не менее, самым ценным наблюдением при изучении портрета, является связь между фотографией и коммуникативной ситуацией, в которой находится модель и фотограф.

Подчас портретные снимки делаются из вежливости, на память о встрече, их

Рис. 2. Вера Аверьяновна. Пос. Бурлык, Беляевский р-н
(автор фото Д. Шляхта, 2017).

просят сделать сами респонденты, иногда даже сами берут в руки фотоаппарат и снимают группу этнографов с односельчанами. Чаще всего портреты в экспедиции делаются во время или после интервью, являются продолжением общения и одновременно его визуальной фиксацией. Именно характер разговора обычно заставляет фотографа выбрать тот или иной жест, выражение лица, схватить «самую суть» человеческого характера таким, каким он вырисовывается в процессе общения.

Когда человека фотографируют, он участвует в подготовке снимка, старается выглядеть подобающим с его точки зрения образом, улыбается или принимает солидный вид. Стоит вспомнить в этой связи фотопроект Администрации по защите фермерских хозяйств в США, когда во время Великой Депрессии фотографы снимали семьи безработных. Те принимали позы, располагались по отношению друг к другу – в соответствии с образцами семейных фотографий, символизирующими единство, сплоченность, психологическое и финансовое благополучие семьи, т.е. социальную норму, потому что сама семейная фотография стала социальной нормой. В свою очередь фотографы в зависимости от задачи находили те ракурсы и детали, которые передавали бы их понимание общепринятых представлений о бедности, безнадежности положения, но и чувстве собственного достоинства, человеческой красоте и искренности.

Это устремление распространяется не только на человека как объект фотосъемки. Показательный случай произошел в п. Теренсай. В деревнях особое значение имеет вечернее возвращение скотины с пастбища. Деревня «встречает коров», в ожидании обменивается новостями-сплетнями, еще недавно повсеместно девушки и молодые женщины специально принаряжались к этому моменту. Это событие всегда зрелищно – пастух гонит звучное стадо в предзакатный час в особом солнечном освещении. Студентка стала фотографировать красную степную корову в лучах оранжевого солнца и тут хозяйка коровы заволновалась: «Ой, вы корову фотографируете? Зачем эту? Она такая худая... Лучше бы другую...» [5]. Все должно быть достойным и красивым. Это фотография, а значит и фоторепрезентация чужой репрезентации¹

В фотографиях, отобранных для выставки, социальной нормой выступали представления о том, как, например, делались статьи о передовиках производства и ветеранах в районных газетах в советское время, фотографии на документы, а для младшего поколения – селфи и фотографии в социальных сетях. Вряд ли найдется кто-то, кто не смотрел фильм «Девчата» (1961 г.). Хотелось бы напомнить эпизод, когда Илью Ковригина, героя Николая Рыбникова, в морозном заснеженном лесу заждались бригада и фотокорреспондент газеты, чтобы сделать для газеты снимок передовика и победителя соцсоревнования. Замерзли, уже не раз перекурили, пока появился сердитый на почве любовной неурядицы Ковригин. На просьбу фотографа улыбнуться Ковригин ехидно выставил плечо с бензопилой вперед, гордо поднял голову и улыбнулся широкой улыбкой. Этот кадр всегда воспринимался как ехидная выходка киногероя. Новое видение пришло во время посещения Музея Целины в пос. Комсомольский Адамовского р-на Оренбургской области – а ведь именно такой ракурс долгие годы являлся каноническим для фотографирования передовиков, именно такие фотографии в Музее – массовый артефакт.

Такой же распространенной стала и следующая подготовка к репрезентативному

¹ О том, как те или иные фрагменты действительности общество или индивид осознанно выставляет напоказ см. [1: 27, 64].

фотографированию, для предполагаемой дальнейшей публикации. Как если бы это были протокольные снимки, фиксирующие официальное мероприятие.

Мы не раз брали интервью у заслуженных передовиков производства, даже Героев социалистического труда и во время интервью часто щелкали затворами. Но обязательно наступал момент, когда родственники, общественные активисты, представители администрации просили собеседника надеть пиджак с наградами, специально всегда готовый к подобного рода встречам. И вот собеседник надевает такой пиджак поверх домашней одежды (конечно, тапочки, тренировочные брюки, рубашка) и начинается официальная фотосъемка «по пояс». Безусловно, предполагается, что именно эти фотографии войдут в газетную или журнальную статью, книгу (обычно собеседникам неясно, для чего собирается материал, но есть опыт и даже некоторая привычка давать интервью).

Рис. 3. Третий слева – Жуков Михаил Федотович, Герой Социалистического Труда. Пос. Теренсай, Адамовский р-н (автор фото: Е. Демина, 2017).

Коммуникативность фотографии состоит также в том, что фотограф пытается понять эти представления своих моделей, учесть их, или, напротив, проигнорировать, но во всяком случае заметить и прореагировать, выполнить предлагаемые условия и сформировать свое видение. Постоянное фотографирование в экспедиции изменяет взгляд на мир и самого фотографа: «Этос фотографии – воспитание в нас (по выражению Мохой-Надя) “усиленного зрения”» [2: 129], и потенциального зрителя фотографии, создавая социально-психологический обмен. Каждая фотография обладает своей «символической эффективностью» (К. Леви-Стросс), содержит в себе рефлексии всех акторов в создании кадра, вопрос лишь в том, кто и как умеет увидеть и «прочитать» эти символы.

Маркеры поля

Помимо людей, своеобразными собеседниками фотографа становятся также символы и памятники, все через что официально представлялась кампания по освоению целинных и залежных земель в массовой пропаганде, т.е. в изобразительном материале газет, фотобуклетов, в живописи, монументах, в декорации и сценическом оформлении юбилеев и празднеств в разные годы советской власти и сейчас. Это всегда репрезентация, рассчитанная на определенное восприятие, предлагающая нам определенный образ мысли.

Для современной молодежи и студентов, в частности, почти не заставших советской власти и коммунистического воспитания, для людей разной политической ориентации, даже для каждого из авторов статьи эти мемориальные объекты и произведения массовой пропаганды видятся неодинаково. Для поколения нулевых знакомство с соцреалистическими образами стало уже путешествием в страну прошлого. Оно напоминает строки Иосифа Бродского из стихотворения «Торс» о впечатлениях вымышленного странника:

Если вдруг забредаешь в каменную траву,
выглядающую в мраморе лучше, чем наяву...
можешь выпустить посох из натруженных рук:
ты в Империи, друг...
Это – конец вещей, это – в конце пути
зеркало, чтоб войти.

В этом плане, фотографии передают и репрезентативный замысел памятников, и наше отношение к ним: их забытость, их значимость для людей, посвятивших свой труд поднятию Целины и реализации возвышенных призывов комсомола и партии, их стилистическую несочетаемость с нашей одеждой и общим видом, нашими представлениями о прошлом и современном (масштаб расхождения можно выразить высказыванием учительницы иностранных языков из совхоза Буртинский: «Раньше кто были Героями? Люди труда. А сейчас – артисты. И награждают, и награждают. У Валерии Орден дружбы. А какой у них труд?» [6])

Среди прочего в экспедиционных фотографиях обязательно найдется такой их тип, как фотография достопримечательности. Почти туристическая. Если ты побывал в Венеции, сделай снимок у Сан-Марко, в Москве – на Красной площади. Иначе не поверят, что был. Такие же знаковые образы инстинктивно мы ищем везде, куда бы ни попали. В контексте «целины» считается обязательным сделать фотографии в пшеничном поле, у Музея Целины в пос. Комсомольский или по диагонали от него на ул. Голованова у дома, в котором во время съемок фильма располагалась столовая, у любого из многочисленных тракторов на постаменте (ДТ-54 или С-80). Как на вопрос о том, «что могло бы стать знаком Оренбуржья?» ответила одна из авторов этой статьи Евгения Демина: «До поездки я бы сказала, что граница Европа – Азия, а после – любой памятник-трактор». Этот целинный символ присутствует в каждом райцентре, многих поселках, чаще встречаются только памятники Ленину, неизменно подновленные, подкрашенные серебрянкой или мелом, даже если селение буквально вымирает, как, например прииск Кумак Ясненского района, в котором из двух тысяч

жителей осталось домов 15². Лениниана Оренбуржья заслуживает отдельной статьи, но хотелось бы отметить, что в основе такой консервации лежит приверженность идее «власть – народу», общечеловеческим ценностям, которые закладывались в фундамент советского общества, обоснование и поддержка смысла той жизни, которой жили уже пожилые советские люди, чьи ценности и моральные нормы были практически де-завуированы в 1990-е годы, а некоторые категории типа «счастье в труде» исчезли вместе со своей исторической эпохой [7].

Механизм восприятия места через достопримечательность выделяет в потоке наблюдений некие особые знаки, максимально непередаваемые на язык нашего повседневного опыта, как бы принадлежащие другому языку. Они, тем не менее, важны, так как символизируют собой уникальность места, края, народа, некоего стоящего за поверхностью фотографии объекта и отсылают к нему. Механизмы референции таких особых знаков позволяют сравнить их со знаками литературного письма [8: 51–52]³. По Барту, всякая литература состоит не только из слов и предложений человеческого языка и авторского стиля, в ней обязательно имеются знаки более высокого порядка, позволяющие

Рис. 4. Памятник «Покорителям целины», 1979. Пос. Иртишский, Новоорский р-н. (автор фото: И. Кадыш, 2017).

² Невозможно удержаться от комментария по поводу новшества в оформлении городов России – установки в каждом городе знака-стеллы «Я люблю (в виде сердечка) и название города», который полностью стирает уникальность и индивидуальность места, запечатленного на фотографии, но железобетонно документирует присутствие в этом месте. Например, мы всей командой в августе 2018 г. сфотографировались у подобного знака в г. Ясный Оренбургской области. Масшты трактора, наоборот, формируют своеобразие и узнаваемость целинного края.

³ Приведенная ниже пространная цитата позволяет понять связь между фотографией и письмом: «Общей чертой любых разновидностей интеллектуального письма является то, что язык здесь перестает быть особой, привилегированной областью и стремится превратиться в наглядный опознавательный знак социального обязательства. Приобщиться к такому языку, обособившемуся под напором тех, которые на нем не говорят, значит выставить напоказ и подтвердить самый акт совершившегося выбора; письмо здесь превращается в своего рода подпись, которую мы ставим под коллективным заявлением, даже если не принимали никакого участия в его составлении. Освоить или, лучше сказать, присвоить то или иное письмо – значит сэкономить на самих предпосылках сделанного нами выбора, это значит объявить, что причины такого выбора подразумеваются сами собой. Вот почему всякое интеллектуальное письмо является первым среди всех возможных “скачков интеллекта” <...> Более чем когда бы то ни было форма оказывается самодовлеющим объектом, опознавательным знаком коллективной и охраняемой собственности. И этот объект подобен сберегательному вкладу, он функционирует как экономический показатель. При помощи этого объекта индивид, занимающийся письмом, дает знать о своем обращении в известную веру, избавляясь при этом от труда объяснять историю своего обращения» [8: 68–69].

отличить литературный текст от обыденной речи или технического описания. Это может быть словечко или запоминающийся синтаксис, как упомянутые Бартом ругательства Эбера в «Папаше Дюшене». Их функция выходит за пределы отражения метатекстовой реальности (факта) или выражения субъективных смыслов. Они сигнализируют об особом режиме коммуникации автора – текста – читателя.

Выявить подобный знак в «визуальном тексте» не так-то просто именно из-за необходимости упоминать слово текст в кавычках в отношении визуального. Фотография является косвенным свидетельством деятельности фотографа, создается не им исключительно, а в процессе проявления света на поставленном определенном образе негативе. Тем не менее, с развитием интернета, фотография в наши дни социализирована даже больше, чем это было во времена Барта, Бенямина и Сонтаг. Всякая манипуляция с фотокамерой вписывается в десятки устоявшихся, развитых, нормированных социальных практик и чрезвычайно коммуникативна. Благодаря виртуализации многих сфер жизни, ясность связи фотографии с действительностью, документальная природа фотографии сильно замутнены. Фотография воспринимается как осознанный выбор взгляда, темы, морального отношения, эстетической ценности. Творческие потенциалы фотографии стали доступны чрезвычайно широкому кругу людей, каждому, у кого есть современный телефон. Техническая легкость сделала фотографию важным средством творческого самовыражения, служащего формированию публичного имиджа человека, который в условиях виртуализации личного общения, работы, учебы, культурной деятельности, становится достоянием все более широкого круга людей. Эти процессы сильнейшим образом способствуют семиотизации фотографии. Таким образом, можно говорить о существовании особого типа визуальных знаков, отсылающих к художественному статусу или жанровой принадлежности. Так, фотографии путешествий, фото-травелогисты обязательно имеют свои опознавательные знаки. Этнографическая или антропологическая фотография – тоже. Достопримечательность может быть знаком и того, и другого типа письма. Но в фотографии-травелоге главным является отсылка к ситуации «я здесь был», приветствуются знаки личного присутствия, а экзотизм или буквальная считываемость знаков места должны быть проявлены безотносительно реальной связи этих знаков с жизнью предполагаемого объекта исследования (этно-территориальной, социальной группы и т.д.) Назовем эту референцию с антропологическим объектом исследования «маркером поля». В нашем случае это могут быть памятники-трактора, витражи с серпом и молотом, вручную сделанные альбомы с фотографиями Ленина – свидетели социалистической эпохи, а с другой стороны – кулпытасы и оренбургский караван-сарай, домашняя церковь в Акбулаке, степные мазары и пейзажи как знаки фронта Европы и Азии.

Эти достопамятные объекты, эти специальные знаки воспринимаются как событие, которое лучше доверить беспристрастному объективу, чем описывать своими словами, фотографируя их, мы иногда пытаемся зарезервировать возможность другого взгляда, более адекватного их языку. Отношение к ним сразу опосредуется отношением к подразумеваемой культуре и ее носителям, потому что мы исходим из того, что есть другой взгляд, свойственный той или иной культуре или сообществу, которые мы изучаем, и именно для него этот знак обладает первым смыслом, ценен, важен и релевантен. Такими снимками в том числе конструируется образ «этнографического поля», например, Оренбургской Целины.

За кулисами официоза в наши дни появились другие образы и предметы из повседневной жизни целинников, которые могут заинтересовать разве что любителей «блошинных рынков», старьевщиков. Сюда можно отнести в том числе призы и целинные поделки, сделанные умельцами того же района, дешевая женская бижутерия, часики – личные предметы, служившие украшением в тяжелых условиях не только жизни, но порой и родов «в борозде», рушники с целинной вышивкой. Эти предметы довольно часто попадали в наши объективы именно из-за своей странности, и в этом смысле понятно, почему в фотографиях находят черты сюрреализма: «У сюрреалистов их острое зрение старьевщиков было нацелено на то, чтобы отыскать красоту в вещах, которые другим людям кажутся уродливыми или неинтересными и несущественными – в безделушках, примитивных или мещанских предметах, в городском утиле» [2: 109].

Антрополога за фотоаппаратом от фоторепортера новостей или журнала «National Geographic» отличает именно эта острота зрения, умение выделять детали – вещи, их сочетания, среду их помещения, движения людей и выражения их лиц, – не поверхностные и небанальные «маркеры поля», вроде трактора, которые создают антропологичность фотографии, позволяют увидеть общество и его историю в зависимости от различных признаков, присущих системам отношений, которые их определяют, в понимании антропологического К. Леви-Строссом и П. Рикером (Рикер цитирует К. Леви-Стросса [4: 57]). Подобные «маркеры поля», попадающие в объектив праздного обывателя, играют скорее роль «маркеров места», или маркеров человеческого сообщества (народа, уммы), но это уже будут не антропологические, а обыденные компетенции. Именно глубина антропологического интереса меняет границы и свойства этнографического поля, а вместе с ним и маркировку мест/сообществ в сторону антропологичности.

Голос дома – доместикация поля

Опознавая пространство, наши глаза ищут в окружающем мире знакомые очертания и связи, отождествляют наблюдения с образцами, уже после того замечают отличия. Узнавая вещь, а затем запечатлевая их на фото, мы присваиваем, одомашниваем незнакомое пространство, втягивая его в освоенный нами жизненный мир: сфотографировать – значит присвоить фотографируемое. Это может быть мебель, белье,

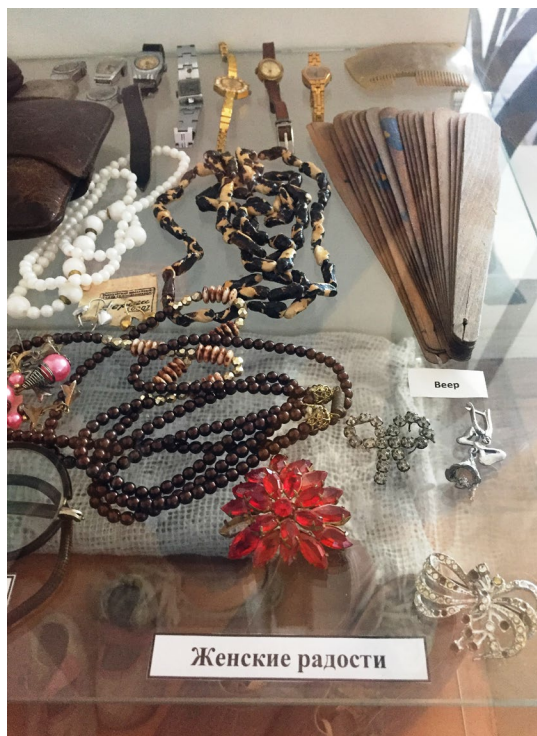

Рис. 5. Районный музей пос. Беляевка, Беляевский р-н
(автор фото: И. Кадыш, 2017).

тарелки, двери, окошки и фронтоны домов, широкие проезды в степных поселках, скудость зелени и линия горизонта, репродукции картин в домашних интерьерах (особенно яркий эффект произвела на нас больших размеров репродукция «Моны Лизы» Леонардо да Винчи в раме). Куда бы мы ни поехали, мы везем с собой образы своего одомашненного пространства.

Рис. 6. Пос. Буртинский, Беляевский р-н (автор фото: С. Мещеряков, 2017).

Растущая из этого визуальная логика заставляет нас обращать внимание на тот или иной объект, увязывать фрагменты мира так, чтобы подчеркнуть их странность, своеобразие или обычность, стандартность, то есть их отношение к «дому». Так, многие бытовые фотографии свидетельствуют о том, что запечатленные скатерти и плоски, обои и оконные рамы уже не являются или никогда и не были частью повседневной жизни фотографа, иначе бы он с большой вероятностью автоматически пропустил опознанные предметы и не стал бы фотографировать. Тем не менее, в них он видит примечательную вариацию привычных вещей из своего жизненного мира, он пытается увидеть в чужом пространстве домашнее.

Особое место занимает в экспозиции фотография игрушечного пони на фоне пшеницы. При всей комичности, она символична. Поле созревшей пшеницы, согнувшейся под тяжестью зерен – это, конечно, канонический символ Целины, его можно встретить во всех газетах, грамотах, юбилейных фотобуклетах, на памятниках и т.д. Сделать фотографии на фоне этого поля нам предложила директор Музея в пос. Адамовка Татьяна Александровна Кожина. А игрушка, точь-в-точь как мишка Тедди у инфантильного и асоциального персонажа мистера Бина, заменяет на фото хозяина и свидетельствует: «я здесь был», таким образом, кусочек дома просто наложен на достопримечательность из далекого мира. Наивный способ присвоения «поля». Эта фотография как бы говорит: как ни пытайся представить жизнь людей

их же словами и образами, все равно это будет лишь твоя интерпретация, все равно в ней отразишься в первую очередь ты, как пони на Целине.

Рис. 7. Пос. Адамовка, Адамовский р-н (автор фото: Л. Чиркина, 2017).

Коль скоро фотография запечатлевает без изъятия целый фрагмент мира, мы доверяем ей: она не упустит невнятных деталей. Копируем знаки и лишаем «другое» таинственности, делая его стандартной зримой поверхностью, общей для всех. Таким образом, фотография компенсирует растерянность, которую человек ощущает при встрече с непонятым.

В силу своей природы, фотография не является изобразительным искусством в чистом виде. По словам Михаила Рыклина «ценностью отныне наделяется не искусство как таковое, а уникальный момент, когда неискусство становится искусством» [9: 151]. Она есть выхваченный фрагмент действительности и сохраняет в себе непроизвольное, она не складывается из знаков. Можно сказать, что фотография есть место встречи знакового мышления зрителя и бесформенной, свободной пульсирующей данности света. Так, при снимке памятника, в кадре замирают проросшие швы старой плитки, красные звезды на оградах, цвета и фактуры окружающей растительности, оттенки солнечного света. Все это, не нарочно попавшее в кадр, может быть воспринято не сразу. Но дома в Москве, когда ты вновь рассматриваешь сделанные снимки, ищешь в них ответы на вопросы, возникшие в ходе вычитки интервью или при формулировании предположения. Всякий раз, когда меняется угол зрения, при очередном прочтении фотографии как визуального сообщения второстепенные прежде детали могут стать смыслообразующим элементом. В конечном счете, наш опыт пополняется не только осмысленной информацией, но и этой неозначенной и полусознанной.

«Вещественные свидетельства»

В разных странах мира в рамках международного гуманитарного проекта Material Evidence, посвященного истории современных вооруженных конфликтов, состоялся ряд фотовыставок, особенностью которых стало присутствие артефактов, предметов, изображенных на фотографиях и вывезенных из районов боевых действий, выполнявших функцию подтверждения подлинности снимков, свидетельств и доказательств трагических событий в Сирии, Украине, Афганистане. Ассоциация с этим проектом возникла после экспедиции 2017 г. Оставив в стороне политический характер проекта, мы сосредоточились на его репрезентативной структуре – запечатленных и вывезенных предметах. Мы перед собой не ставили такой задачи – собрать предметы, попавшие в кадр. Наличие этих предметов со своей историей у каждого мы обнаружили уже по возвращении. Фотографии с ними были сделаны на месте непредумышленно, ситуативно.

Трудно ошибиться, если утверждать, что каждый из этнологов привозит из экспедиций несущественные, но знаковые, семантически значимые, хранящие тепло прикосновений предметы. Мы обнаружили, что у каждого из нас в рюкзаках нашлись такие предметы, также ставшие объектами наших «целинных» фотографий. Обретенные предметы возвращают нашу память в контексты, которые мы можем вспомнить, в которые мы можем погрузиться.

Вообще присутствие на выставках документальной фотографии вооруженных конфликтов артефактов, бесспорно, свидетельствует о потере доверия к реалистической функции фотографии. Само по себе это хорошо показывает особенность восприятия фотографии или вещи как визуального (а здесь еще тактильного, трехмерного) доказательства реальности того, что запечатлено на небольшой плоской фотобумаге. Фотография выступает здесь дискурсивным средством говорения о военном конфликте; убеждающим. Если эта реальность знакома и хорошо освоена человеком, фотография заставляет найти отраженному на ней сюжету место в собственных воспоминаниях, тем самым активизирует воспоминания. Если человек с ним не знаком, то фотография реальности будет активизировать воображение (социальное, техническое, эстетическое). Узнавание, воображение и воспоминание здесь очень тесно взаимосвязаны. Происходит это посредством выделения детали, примеривания к ней разных контекстов. В принципе взятая на память вещь мало чем отличается от самой фотографии, тоже сделанной во многом на память и то, и другое – кусочки, фрагменты того далекого от нас края. Здесь уместно вспомнить фильм-шутку Жана Люка Годара «Карабинеры»: солдаты, привезшие домой в качестве военного трофея ящик с фотографиями [2: 12]. Коллекционирование мира. Коллекция как каталог воспоминаний. Но в фотографии есть и другая сторона, вызывающая недоверие: фотомонтаж, обработка в программах PhotoShop, Corel PhotoShop и других, да и обычные кадрирование и экспонирование, выбор места, времени суток и ракурса, композиции может радикально изменять возможности осмысления кадра. Можно снимать ужасы войны, можно – покой и безмятежность не достигнутых волнениями и перестрелками кварталов, можно вызывать эстетическое удовольствие от доведенных до парадного блеска орудий, стройных шеренг и слаженных действий военнослужащих, а можно вызывать мгновенное возмущение и ненависть от сцен немотивированного насилия, неадекватного реагирования, также вызывать брезгливость. Манипулятивные возможности фотографии хорошо осоз-

наны. Неслучайно же сюрреалистические эксперименты привели к таким явлениям, как разоблачения фотографий (подделок, мистификаций). Достаточно привести примеры знаменитых намеренных мистификаций со времен детства фотографии: от автопортрета Ипполита Баярда как утопленника, фей из Коттингли до «Смерти республиканца» Роберта Капы и художественного «Полета в пустоту» Ива Кляйна. Эта ситуация имеет, впрочем, и положительную сторону. Она призывает опознавать, устанавливать происхождение той или иной попавшей в кадр детали, как это делал фотограф из знаменитого фильма Антониони «Фотоувеличение». Инстинктивно мы все это делаем и не испытываем серьезных подозрений в фальсификации. Так работает мышление современного человека, живущего в средокрестье инфопотоков и при засилье медиа, и все же привыкшего верить своим глазам, ведь фотография по природе притягивает к передаче реальности, а мы воспринимаем ту реальность, за кулисами фотобумаги, осваиваемся в ней, хотя не всегда готовы ее принять, или даже воспринять. Исследователь же, равно как и респондент, рассматривая эти фотографии, может мгновенно подтвердить реальность деталей примерами, случаями из собственного опыта жизни в запечатленной реальности⁴. Ценность фотографий заключается также и в обилии незапланированных подробностей. Эта нестрогость языка фотосообщения допускает соседство деталей, складывающихся при определенном угле зрения в самостоятельное сообщение, совершенно не входившее в намерения фотографа. Фотографии участников экспедиционной практики, а также отраженные на них фотографии из семейных архивов и школьных музеев – это богатый материал для самых разных интерпретаций, «лирических отклонений», припоминаний широкого круга вовлеченных в эту реальность людей.

Тыковка

Тыковку подарили Елене Лариной в с. Чапаевка первоцелинники Иван Владимирович и Вера Дмитриевна Кочергины. Хозяева похвастались своим огородом, когда мы уже уходили после интервью, показали «груши» на плетях, оказалось – маленькие тыковки. Тут же эти «груши» были сорваны и подарены всем участникам интервью, авторам данной статьи. Тыковка Евгении и Сергея стухли довольно быстро после приезда в Москву. Для Елены Лариной тыковка приобрела особый смысл: «Меня греет. Неловко было, что сорвали для нас. Так-то они сад украшали, вход в дом. Я все думала, что она быстро завянет, погибнет. Бережно в рюкзаке возила. Потом уже дома тыковка всю осень до Нового года украшала мой «кабинет» – подоконник на кухне. Невероятно густой и теплый желтый цвет. Всем хвасталась: «Эту тыковку мне Герой социалистического труда подарил». То есть для меня очень глубокое теплое воспоминание о той семье заключено в этой тыковке, не она сама, конечно. Слезы, которые старик едва сдерживал, пытаясь рассказать о детстве на оккупированной территории и в концлагере, его смех, большого

⁴ О фотографическом интервью, когда стимулирующим средством для разговора с респондентом и основным предметом обсуждения становятся фотографии, специально подобранные интервьюером или имеющиеся у самого респондента см. [1: 67–72]. Организация интервью в таком случае не обязательна, человек и сам может просматривать фотографии, скажем, на интернет-ресурсе, и извлекать из своей памяти произвольные воспоминания, или чем-то личным обусловленное толкование фотообразов. Фотография обладает куда большим правом провоцировать память и воображение зрителя, чем речь человека. Фотографии не нужны оправдания, объяснения, она кажется анонимной, поскольку представляется не образом, а самой неотвратимой и неимитируемой реальностью.

специалиста «резать загонки», «мазутного тракториста», гармониста. Понимаете? Тыковка от Героя. Вроде в тех краях героев немало, но здесь-то их нет. И вот свободой он дорожит, ни в те времена, ни в 90-е никуда не съехал. А еще вспоминаю его слова «Здесь можно было затеряться». И силуэт у тыковки красивый, стройный. За осень полегчала она, высохла. С весны опять стоит на подоконнике» [10].

Веточка тун

«Их было несколько в моем рюкзаке, какие-то осыпались и не доехали. Одну оставил, лежит теперь в ящичке с саше и личными письмами. Эти веточки подарили нам в молитвенном доме Покрова Пресвятой Богородицы пос. Акбулак. Православного храма в Акбулаке пока нет, строят, долго строят, но пока не достроили. Вновь деньги кончились – на 8-м метре от земли, как гласит объявление. Зато есть нечто удивительное. Вот идешь по поселку: все дома-саманки направо и налево, беленые, о двух-трех небольших оконцах, чтоб зимой тепло не выпускали слишком: в степи на растопку дров не напасешься, или торфа. И вот еще один обычный дом. Только у него на зеленой крыше вдруг кованый крест. Это и есть храм. Старый закрыли еще в 1934 г., завалили зерном⁵. С переходом села в Оренбургскую область вопрос о его культовом использовании был закрыт. Не берусь сказать, как долго домик этот служит в Акбулаке храмом, но видимо, уже давно: мы шли туда поговорить с настоятелем, но отца Вадима Татуса не застали, а назавтра уехали на север в сторону Урала. Вообще, конечно, необычное зрелище, я такого до того не видел. За выцветшем на солнце обычным дощатым зеленым забором самодельная, сбита из досок зеленая звонница высотой с садовую водонапорную башню, входишь в дом с северной стороны⁶. Внутри нас встретили две женщины из прихода, они убирались, шваброй широкие половые доски натирали, до боли напоминающие школу рыжегрунтовым масляным цветом. Посреди храма большая круглая беленая печь. Рядом же аналой с напестольной иконой Преображения. На стенах другие, есть какие-то редкие из домашних молельниц, с миру по нитке собранные, начала XX века, на первый взгляд.

Мы попали на третий день празднества Яблочного Спаса. На аналое цвела оазисом уложенная зелень, а еще виноградные гроздья, яблоки и даже бананы⁷. Пока мы осматривали церковь и перекидывались парой слов с женщинами, 4-летняя Дина все бегала вокруг анаоя и засматривалась на фрукты. Ну как тут устоять. Тем более что ребенок с яблоком в этот праздник, говорят, особенно сочетаются. Сначала все начина-

⁵ В период атеистической борьбы советской власти верующие часто спасали храмы, мечети, превращая их в зернохранилища. Сакральное отношение человека к хлебу вне зависимости от политического режима действительно не только спасало святыне места в материальном плане, но и предотвращало их осквернение – в церкви Тотмы был организован лимонадный цех «Буратино», этот пример, в нашей практике, оказался самым кошунственным. Наиболее частым было приспособление помещения под ремонт тракторной техники, склады, красные уголки и клубы, наиболее характерные в 1930-е годы.

⁶ Справедливости ради надо отметить, что такой вход был открыт на время затянувшегося ремонта.

⁷ Каждый из нас по-своему расценил наличие бананов на аналое, поэтому мы сочли необходимым дать этнографический комментарий. Изначально праздник был связан с освящением плодов, собранных в наших широтах. В московских храмах вообще аналои украшают цветами, а плоды освящают на столиках во дворе. Наличие экзотических бананов не соответствует Уставу Церкви, но и не запрещается. Своего рода – это проявление чувства прекрасного прихожанами – фруктовое разнообразие, дополнительная красота, да и плоды уже не столько выращивают, сколько чаще приобретают в магазинах.

лось прилично, сдержанно, потом усилиями сердобольных смотрительниц от оазиса остались одни веточки, все мы были награждены кто освященным виноградом, кто мандарином, кто бананом, появились пакеты, и ко всему тому – вот веточки туи» [11].

Камень

«Был день, когда мы поехали далеко в степь на желтом школьном автобусе, какие ходили еще в 1980-х, а может и раньше, его выпускал курганский завод, КАвЗ. От Жанаталапа вверх по пересохшим ручейкам, притокам Бурты. За рулем Виктор, немногословный, скромный, но с таким умным прищуром во взгляде, разговором-прибауткой и смешливыми такими зоркими глазами. Суховатый, невысокого роста, прирожденный водитель: терпеливый, осторожный, неутомимый и находчивый. Двигатель ревел на поворотах; покинув трассу, покатили по грунтовке, перепрыгивая с ревом холм за холмом. Дорога в степи от бездорожья не слишком отличается. Встречается немало дорог без асфальта, с насыпным покрытием в виде известняка, гальки, но там, куда мы ехали, был просто проторенный путь, где не боронят землю.

Ехали мы к Соленому урочищу – сакральному источнику, где из-под холма с почитающегося святым захоронением целителя бьет соленый ключ, и все там в этой жирной воде купаются, оздоравливаются и грязью натираются, кто во что горазд. Где вода выходит, там словно День Творения – зеленеет все, растения выше поднимаются, птицы копят, вот и люди стянулись. Поодаль от этого места, примерно в двух километрах, на холме испещренном камнями, галькой, норами, с найденной огромной барсучьей норой с несколькими выходами, – стоят, чуть покосившись, три кулпытасы – камни на могилах целителей или старый родовой мазар. Вот мы закарбакались на нашем желтом автобусе как смогли высоко на холм, – вышли. В экспедиции день этот был “разгрузочный”, без интервью.

А все-таки особое чувство посещает, когда не видишь вокруг ни души, ни ЛЭПа, ни строеньица, когда во все стороны стелется, не засоряя горизонт зданием ли деревом, плавно перекатывающаяся степь, как застывшее море, сложившееся первобытными движениями земли нечеловеческой силы и размаха, где владевает, не встречая сопротивления, крепкий ветер – там гордо стоят эти намогильные знаки, усыпальница рода, без всяких оград.

Я подобрал камешек на холме, красноватый, перевитый черной жилкой. В нем словно замерла былинная борьба. Так вышло, камни привозил я из тех мест, которые наполняли особым чувством полноты жизни и свободы. Когда хочется касаться именно земли, и вспоминать о ней, ничто рукотворное не подходит. Так, привез когда-то целую грудку с Байкала, когда ходил в школе в свой первый большой поход, и решил поступить на истфак. Что-что, а в Оренбуржье бы я иначе не побывал».

Духи

«Эти духи мы купили в магазине при мечети Хусаиния в Оренбурге. Я еще долго ходила и думала, стоит ли их покупать. Первый раз, когда увидела, не стала брать, подумала, что не нужны они мне и пользоваться ими я точно не буду. Мы ушли из магазина, а мысль о покупке этих духов никак не хотела уходить из моей головы. Я сразу обратила внимание на обе эти баночки. У одной очень понравился запах: такой сладковато-свежий и очень нежный, девичий. Вторые духи как у мамы были в моем детстве – j'adore. Их запах мне совсем не нравится, но в нем

ощущение. Ощущение детства, понимаете? Я решила, что обязательно их куплю для мамы, может, они до сих пор ей нравятся. (Оказалось, что уже нет). А другими духами я постоянно пользовалась в экспедиции. В жару всегда запахи распространяются сильнее, зачастую не самые приятные, а я кисть поднесу к носу, понюхаю и мне легче. Духи кончились уже давно, а я иногда открываю баночку, вдыхаю оставшийся аромат и будто снова в Оренбуржье».

Е.Л.: «В 2018 г. мы со студентами гостевали у имама г. Ясный Советбека Успановича Айманова, с которым я знакома с 2006 г. Регулярно он доставал из кармана небольшой флакончик подобных духов и всех нас умащивал на запястье рук. Я еще пошутила, что мы теперь “одним миром мазаны”. Таким образом и мои воспоминания при виде флакончика связано с Оренбуржьем, с одной стороны, с миром ислама и другом-имамом – с другой» [12].

Перья

«Перышки собирала Дина, выискивала, вглядывалась. Они мягче и легче степного ковыля, кажется, взлетят вот-вот, ковыль же цепляется к одежде, к ногам острыми кончиками, колкий и шершавый. Искали вместе в небе местных птиц, что-то, что наконец окажется точкой притяжения для взгляда, а иначе – только край земли, линия между степью и небом. Даже не помню, видели ли хоть одну, ту, что возможно потеряла перо, но искали настойчиво. Только помню ожидание – вдруг найдется эта точка, мячик, вспрыгнувший, оторвавшийся от земли.

Наверное, одно из перышек нашлось возле памятника летчику-космонавту Комарову. Летчик-космонавт тоже посреди степи, вырывается в небо, обратно, и деревца, которые его окружают – тоже вертикаль, которой так не хватает. Действительно ли не хватает?

Дина глазастая, перышек набралось – полные карманы, вылетают оттуда, когда я пытаюсь достать крышечку от камеры, платок, мелочи разные. Вылетают и планируют снова, опускаются на землю. Я говорю, что вернется птица, подберет потерянное» [13].

Е.Л.: «Воспоминание Жени провоцирует мою память на прямую ассоциацию с эпизодом 2006 г., когда я работала в экспедиции у казахов Кош-Агачской степи Горного Алтая. Я с вполне детской радостью подбирала перья ярко рыжего цвета, как потом выяснилось от красной утки, складывала между листами полевого дневника. Во время интервью перышки выпали, и молодые женщины-казашки с округленными глазами стали уверять, что нельзя собирать такие перья, иначе с ума сойдешь. Каждый раз, глядя на них, вспоминаю тот день и кош-агачскую степь».

Роза

Е.Л.: В 12 км от г. Ясный в целинное время построили поселок с соответствующим названием «Целинный». Трактористом по комсомольской путевке приехал сюда Фаниль Рахимзянович Мустафин, затем стал комбайнером, бригадиром, впоследствии директором совхоза, после председателем профсоюза. Рассказывал о целинной повседневности, о том, «что справедливость любил», а когда назначали директором, приехал на партком в шотландке и брюках, за что получил нарекание, почему не в костюме и галстуке. Мы рассматривали его награды, грамоты, похвальные листы; потом пили чай с блинами. К нему (меня и студентку 1 курса магистратуры Елену

Кузнецову) привез имам Советбек Успанович. Стали прощаться во дворе и Фаниль Рахимзянович срезал две прекрасных розы – в резко континентальном климате степей вырастить, а тем более сохранить их не просто. Красные розы с упругим стеблем, сочными листьями, нежным ароматом. Долго-долго не отпускали нас Фаниль Рахимзянович с супругой, провожали взглядом машину. В тот же день вложила розу в рассказы В. Даля. Засушенная, она хранит свою красоту и тепло когда-то первоцелинника, директора совхоза, ныне пенсионера [14].

Обретение «Целины»

Визуальный проект, о котором мы здесь рассказали, представлен, повторим, на созданном нами сайте «Целина» – steppe.info. Каждый из нас – знаток своей исторической или художественной проблематики. Объединяет нас страсть к полевым этнологическим исследованиям, практическая работа с людьми и приобщение к таким исследованиям студентов.

В силу возраста у нас разный полевой стаж, но очевидное единомыслие в отношении недавнего прошлого Отечества. У каждого из нас органично вызревали те вопросы, которые определили создание данного ресурса. Мы наблюдали «минуты роковые» в истории Отечества – коренной слом общества советского и конструирование суверенной демократической российской республики, сопровождавшиеся хаосом экономическим, политическим, мировоззренческим. Тем ярче на этом фоне выступали трагедии человеческих судеб, связанные с потерей моральных опор, стремительным движением социального лифта вниз, массовыми переселениями вследствие национальных конфликтов, демодернизацией жизни и пр. И все же перед нами были люди, которые рассказывали о «счастье в труде» – на стройках коммунизма или в освоении целины, о совести у всех, «хотя никто в бога не верил», о социальной справедливости и коллективизме. При этом нас посвящали в некоторую параллельную жизнь с ее традиционными социальными и религиозными практиками, высмеивали «номенклатуру» или тунеядцев, все еще с оглядкой вспоминали трагическое прошлое, которое теперь принято называть «исторической травмой». Перед нами неизбежно вставали вопросы: С каким прошлым мы расстаемся? Что такое «советский человек»? Что из себя представляет «советское общество»? Почему такой разрыв между теми, кто идеализирует советскую эпоху и теми, кто презирует, употребляя слова «совок», «коммуняка»? Как осмысливаем мы, а двое из нас рождены в СССР, свое детство, жизнь наших родителей? Почему спустя 30 лет советское прошлое все еще является актуальным настоящим – от проявлений в повседневной жизни (дома, в которых мы живем, праздники, которые мы празднуем и пр.) до проектов на государственном уровне (например, с одной стороны, десталинизации, с другой – установки памятников тому же Сталину), от замалчивания, например, эпохи массового террора и пристального внимания к деятельности общества «Мемориал» до героизации личностей, являвшихся организаторами террора?

Во время общения со студентами мы неожиданно почувствовали себя в роли «сталкеров». Оказывается, мы можем многое растолковать современному поколению о советском прошлом: о клятве пионера, о словах «хвост» и «отоварить», о моральном кодексе коммуниста, о счастье обладать вымпелом передовика и о поездке в Болгарию, – обо всем. Мы можем раскрыть смысл целинной частушки:

*Рис. 8. Памятник Ленину-гимназисту. Пос. Теренсай, Адамовский р-н
(автор фото. С. Мещеряков, 2017).*

Девки любят комбайнеров,
Бабы любят шоферов.
Девки любят из-за славы,
Бабы любят из-за дров.

Мы можем на словах диалектически примирить советскую трагедию и счастье, показать, что и в ГУЛАГе пребывали самые ярые оппоненты, убедить, что в советском человеке одинаково уживались тунейдство и гордость за достижения народного хозяйства. Растолковать, как при неприязни к советской идеологии и «деревянному» языку первомайская демонстрация или день колхозника вызывали неподдельную радость у их участников, как форсированная модернизация уживалась с общинным сознанием колхозников, а новые советские ритуалы сочетались с религиозными практиками. Нами движет чувство долга перед всеми теми, кто делился с нами своими воспоминаниями – крестьянами и рабочими, партработниками и диссидентами, родителями, бабушками-дедушками и ровесниками, из чьих историй складывается история нашей страны. Нам бы хотелось отстаивать бережное отношение к историческому наследию, умение «читать» и понимать советскую эпоху с ее сложнейшим, зачастую эзоповым языком. Мы стоим на позиции неангажированного, внеидеологического (неважно, вне идеологии коммунизма, национализма или казенного патриотизма) представления о советском прошлом, умения считывать нарративы, созданные на языке различных социально-политических эпох.

Нам было важно создать поколенческую коммеморацию, сохранить историческую память о Целине тех, кто ее создавал. Пьер Нора сделал акцент не на «национальной истории», а на коллективной и индивидуальной памяти об истории и на «следах» истории [15], оставленных в памяти фактах, людях, символах прошлого с обретшим полновесность настоящим. П. Нора предлагал изучать не столько про-

шное, которое через события само порождало смыслы, а то, как постоянно происходит обращение к нему, как его используют, даже им злоупотребляют, как оно присутствует в настоящем, в политических манипуляциях; то, каким образом создается и передается традиция, как память транслируется в общественное сознание через систему образования, литературу, искусство, прессу, когда важной составляющей становится «изобретение наследия». В этом процессе символическую и функциональную роль играют «места памяти» – материальные объекты, которые превратились в культурные символы.

Мы стремились зафиксировать то, что было, «следы памяти». Исследователи фотографии единодушны в признании ее сущности: как писал Вальтер Беньямин о фотоснимках – «доказательства, представляемые на процессе истории» [16: 93–94]; Ролан Барт вторит – «фотография (ибо в этом ее нозма) устанавливает подлинность существования» [17: 133], «Нозма фотографии проста, даже банальна: «это было» не содержит никакой глубины [17: 142]. И все-таки мы хотели создать эту глубину через ту фотографическую изобразительность, благодаря которой наступает обретение («on retrouve») не только прошлой истории, но также ее наследия, ее современности, настоящего, которое Рэй Бредбери называл «прошлым для будущего» («451 градус по Фаренгейту»). Мы делали фотографии, которые «слабой нитью привязывают нас к прошлому» [2: 29] – целевые этнографические, технические и художественные, туристические и символические. Процесс фотографирования основывался на образах памяти фотографа, вкусах и саморепрезентациях интервьюеров или же происходил случайно, создавая обилие незапланированных подробностей. В итоге из индивидуальных перспектив складывался целостный образ Оренбургской целины.

Во время работы в августе 2018 г. в библиотеке п. Теренсай Адамовского р-на библиотекарь спросила: «Это вы уже к 65-летию готовитесь? Вот молодцы» [5]. Действительно, для жителей целинного края Целина еще не стала историческим прошлым, есть запрос на особые практики в памятную дату, но за пределами Оренбуржья в России, скорее всего, единицы, главным образом профессионалы, вспомнят об этих событиях. Наш интерес не был привязан к такому государственно-юбилейному хронометражу. Наш жизненный опыт обогатился, горизонт взгляда расширился, но мы по-прежнему не перестаем удивляться теми, кто гордо говорит про себя: «У нас одна нация – целинники» [18].

Литература

1. Штомпка П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*: Учебник. М.: Логос, 2010. 168 с.
2. Сонтаг С. *О фотографии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
3. Марков Б.В. *Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации*. СПб.: Наука, 2011. 667 с.
4. Рикер П. *Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике*. М.: Медиум, 1995. 415 с.
5. Полевые материалы авторов. Оренбургская обл., Адамовский р-н, пос. Теренсай, 2018 (август).
6. Полевые материалы авторов. Интервью с Лидией Ивановной Корочкиной. Совхоз Буртинский, Беляевский р-н, Оренбургская обл., 2018 (август).
7. Попов Б.Н. *Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни*. М.: Наука, 1986. 96 с.
8. Барт Р. *Нулевая степень письма*. М.: Академический проект, 2008. 431 с.
9. Рыклин М. Роман с фотографией // Барт Р. *Camera lucida. Комментарий к фотографии*.

М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 150–186.

10. *Воспоминание Е. Лариной*. Май 2017 г.
11. *Воспоминание С. Мещерякова*. Май 2017 г.
12. *Воспоминание А. Бадчинских* (май 2017 г.) с дополнением Е. Лариной (август 2018 г.).
13. *Воспоминание Е. Деминой* (май 2017 г.) с дополнением Е. Лариной (август 2018 г.).
14. *Воспоминание Е. Лариной*. Август 2018 г.
15. Nora P. *Les Lieux de Memoire*. Т. III. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1993.
16. Беньямин В. *Краткая история фотографии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 168 с.
17. Барт Р. *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 192 с.
18. ПМА, п. Теренсай, Адамовский р-н, Оренбургская обл., август 2018 г., интервью с Лень Оксаной Владимировной.
19. ПМА, Интервью с Т.А. Кожинной п. Адамовка, Оренбургская область 28 августа 2018 г.

References

1. Sztompka P. *Vizual'naia sotsiologiya. Fotografii kak metod issledovaniia*. Moscow: Logos, 2010. (In Russ.). [Sztompka P. *Visual Sociology: Photography as a Research Method*. Moscow: Logos, 2010.]
2. Sontag S. *O fotografii*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. (In Russ.). [Sontag S. *On photography*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016.]
3. Markov B.V. *Liudi i znaki: antropologiya mezhluchnostnoi kommunikatsii*. St. Petersburg: Nauka, 2011. (In Russ.). [Markov B.V. *People and Signs: Anthropology of Interpersonal Communication*. St. Petersburg: Nauka, 2011].
4. Ricœur P. *Konflikt interpretatsii: Ocherki o germenевtike*. Moscow: Medium, 1995. (In Russ.). [Ricœur P. *The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics*. Moscow: Medium, 1995].
5. Polevye materialy avtorov. Orenburgskaia oblast', Adamovskii raion, poselok Terensai, 2018 (august). (In Russ.). [Field materials of authors. Orenburg region, Adamovsky district, Terence settlement, 2018 (August)].
6. Polevye materialy avtorov. Interv'iu s Lidiei Ivanovnoi Korochkinoi. Sovkhoz Burtinskii, Belyaevskii r-n, Orenburgskaia oblast', 2018 (august). [Field materials of authors. Interview with Lydia Ivanovna Kurochkina. State farm Burtinsky, Belyaevsky district, Orenburg region, 2018 (August)].
7. Popov B.N. *Vzaimosviaz' kategorii schast'ia i smysla zhizni*. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.). [Popov B.N. *Interrelation of Happiness and Meaning of Life Categories*. Moscow: Nauka, 1986].
8. Barthes R. *Nulevaia stepen' pis'ma*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2008. (In Russ.). [Barthes R. *Writing Degree Zero*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2008].
9. Ryklin M. Roman s fotografiei. Barthes R. *Camera lucida. Kommentarii k fotografii*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. Pp. 150–186. (In Russ.). [Ryklin M. Romance with photography. Afterword in: Barthes R. *Camera Lucida: Reflections on Photography*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. Pp. 150–186].
10. *Vospominanie E. Larinoi* (may 2017). (In Russ.). [Memory E. Larina (may 2017)].
11. *Vospominanie S. Meshcheriakova* (may 2017). (In Russ.). [Memory Meshcheriakova (may 2017)].
12. *Vospominanie A. Badchinskikh* (may 2017) s dopolnieniem E. Larinoi (august 2018). (In Russ.). [Memory of A. Bachinsky (may 2017) with the addition of E. Larina (august 2018)].
13. *Vospominanie E. Deminoi* (may 2017) s dopolnieniem E. Larinoi (august 2018). (In Russ.). [Memory of E. Demina (may 2017) with the addition of E. Larina (august 2018)].
14. *Vospominanie E. Larinoi* (august 2018). (In Russ.). [Memory E. Larina (august 2018)].

15. Nora P. *Les Lieux de Memoire*. T. III. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1993.
16. Benjamin W. *Kratkaia istoriia fotografii*. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. (In Russ.) [Benjamin W. *A Short History of Photography*. Moscow: Ad Marginem Press, 2017].
17. Barthes R. *Camera lucida. Kommentarii k fotografii*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. (In Russ.) [Barthes R. *Camera Lucida: Reflections on Photography*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016].
18. *Polevye materialy avtorov*. Poselok Terensai, Adamovskii r-n, Orenburgskaia obl., avgust 2018 g., interv'iu s Len' Oksanoi Vladimirovnoi. (In Russ.). [*Field materials of the authors*. Terenzi settlement, Adamovskiy R-n, the Orenburg region, August 2018, interview with Lazy Oksana Vladimirovna].
19. *Polevye materialy avtorov*. Interv'iu s T.A. Kozhinoi poselok Adamovka, Orenburgskaia oblast' (28 august 2018). (In Russ.). [*Field materials of authors*. Interview with T. Kozhina. Adamovka district, Orenburg region (august 28, 2018)].

E.V. Demina, E.I. Larina, S.N. Meshcheryakov. Tselina: The photographic practices of perception.

The paper presents the results of an experimental study on practices in visual anthropology based on photographs made by amateur authors during an expedition to «Tselina» (virgin lands) in Orenburg Oblast. The study considers photographs both in their representative aspect and as a material for the enquiry on perspectives, behavior and attitudes of amateur photographers and their models in historical, anthropological and visual contexts. The article analyzes the interaction between interview and photography practices, along with the ethos of photographer – model encounter, paying attention to ways of seeing particularities both determined by cultural and historical differences.

Such an optics aimed at the visual material obtained during the expedition allows examining of typical images of the Soviet 'Tselina' campaign in the light of historical memory, which manifests itself in an impact of aesthetical registers and visual practices of the three parts of the process: the anthropologist, the photographer and the model.

Key words: *visual anthropology, anthropology of the image, visual history, historical memory, amateur photography, field practice, «Tselina».*

ПРАКТИКИ ЛОКАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РАЗНОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ КАК ПОЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

В статье предпринята попытка представить мероприятия, направленные на взаимную интеграцию разнородных, в том числе мигрантских, сообществ в Москве в виде этапов антропологического эксперимента. Анализируется правомерность сопоставления практик, направленных на позитивное взаимодействие москвичей и мигрантов, и делаются практические выводы, полученные на основе мероприятий, проведенных в локальном контексте одного двора. Среди этих выводов: необходимость сочетать задачи интеграции разнородных сообществ с повседневными потребностями их членов; избегание ситуации, в которой интеграция проводится ради интеграции, а не для реализации жизненных потребностей и стратегий членов сообщества. Также важным условием успешной адаптации мигрантов является использование уже существующих среди местных жителей традиций и инструментов самоорганизации на уровне локальных сообществ.

Ключевые слова: интеграция на уровне локальных сообществ, межобщинное повседневное взаимодействие, организаторы сообществ, управление инструментами коммуникации.

Эксперимент — активное и целенаправленное вмешательство в протекание изучаемого процесса, изменение объекта или его воспроизведение в специально созданных и контролируемых условиях. В ходе эксперимента изучаемый объект фактически изолируется от побочных влияний, затемняющих его сущность, и представляется в «чистом виде». [1: 48]

В связи с тем, что за последние 15-20 лет состав населения российских городов заметно изменился, в том числе под влиянием зарубежной трудовой миграции, различные аспекты взаимодействия местных жителей и мигрантов стали предметом многочисленных исследований и излюбленной темой научных и журналистских публикаций. Их количество, особенно в последние 5 лет, трудно даже оценить, поскольку не все исследования проводятся в рамках более или менее фиксируемой в научных статьях академической деятельности, но часто являются итогом работы гражданских организаций, ориентированных не на публикации, а на позитивные изменения в изучаемой среде. Автору по роду деятельности приходилось участвовать как в академических, так и в активистских исследованиях, либо совмещать в одном проекте и первые и вторые, что нашло свое отражение в публикациях.

Савин Игорь Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, улица Рождественка, 12/1). Эл. почта: savigsa@inbox.ru. **Savin Igor S.** — Institute of Oriental studies (Moscow, Rozhdestvenka street, 12/1). E-mail: savigsa@inbox.ru.

* Статья написана при поддержке гранта ПФИ Президиума РАН «Культурно-сложные общества в Центральной Азии и на Кавказе».

Исследования академического характера, посвященные взаимодействию мигрантов и принимающего сообщества и проведенные в Казахстане, Оренбургской области и Москве отражены в научных публикациях [2; 3; 4; 5]. А исследования, призванные определить стратегии деятельности по изменению ситуации в рамках прикладных проектов – в статьях и брошюрах, описывающих практические аспекты локальной интеграции местных жителей и мигрантов [6; 7].

Но и в том, и в другом случае логика исследования исходила из тезиса: для того чтобы респонденты отвечали наиболее искренне и для того, чтобы определить, насколько данная проблема актуальна для них в повседневной жизни и значима вне ситуации опроса или интервью, вопросы должны звучать как можно более естественно, не выходить за пределы привычных тем и проблем, обсуждаемых в рамках бытовых забот. Поэтому, в ходе интервью мы никогда и не спрашивали собственно о мигрантах, приезжих, людях, которые появились во дворе, на улице недавно и т.д. Интересовались тем, что **вообще** беспокоит людей с фокусом на ближайшее социальное окружение: соседей, живущих во дворе, близлежащих кварталах и т.д.

Не были исключением и проекты, специально направленные на организацию новых форм взаимодействия разнókультурных сообществ в нескольких районах Москвы. Их за последние годы было три. Один из них «Разработка моделей снижения конфликтности и содействия взаимной интеграции представителей разных культур в рамках повседневного взаимодействия» выполнялся на средства государственной поддержки, выделенные на основании распоряжения Президента Российской Федерации № 115-рп от 29 марта 2013 года. Проект реализовывался на протяжении ноября 2013 г. – сентября 2014 г. на двух площадках: дворовая территория вокруг «этнического кафе» около метро «Войковская» и два клуба единоборств, где занимаются преимущественно мигранты из Киргизии. Осенью 2015 года был создан Центр межкультурного взаимодействия на базе библиотеки в районе Хохловка при поддержке Института «Стрелка». Осенью 2016 года было оказано содействие формированию «Поликультурного этнического центра» на базе диаспорных организаций из Киргизии, в районе Братеево.

Во всех этих случаях практической работе предшествовал исследовательский этап: проводилось интервьюирование местных жителей, владельцев и сотрудников кафе, сотрудников местной администрации и органов самоуправления собственников квартир, работников и руководителей управляющих компаний в сфере ЖКХ, привлекающих иностранных трудовых мигрантов, активистов из числа мигрантов, диаспорных организаций, сотрудников образовательных учреждений, организаций гражданского общества, работающих в данном районе. Помимо этого, составлялись пространственные модели изучаемого района, его «ментальные карты» с указанием наиболее посещаемых и неблагополучных мест, мест с нехорошей репутацией, анализировались причины формирования этих территориальных особенностей. Исследования проводились с использованием волонтеров из числа студентов-архитекторов и урбанистов Института «Стрелка», а также социальных географов-магистрантов географического факультета МГУ [7].

Одним словом, все делалось для того, чтобы избежать вторжения в уже сложившуюся на уровне отдельного двора или района социальную ткань повседневных взаимодействий, не ощущаемых жителями как повод для высказываний, рефлексии, специального внимания. Постепенно, наводящими вопросами мы хотели выяснить,

насколько сегодня важны для жителей отдельного двора изменения, произошедшие в демографическом составе населения города в целом и некоторых сегментов общественной деятельности, в частности. Заметили ли они, что теперь вокруг них все чаще встречаются люди, которые выглядят несколько иначе, чем они сами или их соседи. Когда же выяснялось, что эти изменения им заметны и не всем они нравятся (в одном изучаемом дворе было недовольство «этническим» узбекским кафе и антикавказскими надписями на стенах, в другом высказывались жалобы на поликультурный центр, который открыла киргизская диаспора), то начались сфокусированные исследования условий взаимодействия «местных» и «приезжих». Помимо изучения факторов, затрудняющих или облегчающих эти взаимодействия, в рамках проекта нужно было разработать рассчитанный на несколько месяцев план мероприятий, направленных на повышение уровня взаимного доверия друг к другу в ходе регулярного общения разных сообществ по поводу совместного решения возникающих сложностей. Вот тогда-то и возникло ощущение, что у нас есть возможность провести «натурный контролируемый эксперимент», поскольку планирование мероприятий предполагало «вмешательство экспериментатора в естественный ход событий» [8: 202–203].

Тем более, что одной из функций социального эксперимента является «достижение эффекта в практически-преобразовательной деятельности» и в нашем случае сутью проекта является «экспериментальный поиск эффективных приемов управления» [8: 201]. Мы не собирались проверять объяснительные гипотезы, которые сводились к нескольким тезисам «теории контактов», согласно которой «взаимодействие само по себе различными способами (совместное проживание, дружба или даже брак с мигрантами) создает более толерантное восприятие мигрантов среди принимающего населения» [9: 456; 10]. Тем более, что эти тезисы в целом подтверждались на материалах интервью с москвичами. Те из них, кто имел опыт общения с мигрантами из Центральной Азии (по роду деятельности или во время проживания в предыдущий период в этом регионе) имели гораздо более взвешенные и аргументированные мнения о жизни выходцев из этих стран в Москве, даже в случае, если эти мнения были негативными.

Наша задача состояла в другом: в ходе реализации проекта мы стремились выяснить, каким образом возможности непосредственного общения между жителями конкретных дворов и кварталов Москвы и трудовыми мигрантами, живущими или работающими по соседству, могут изменить их в целом настороженное восприятие друг друга? В свою очередь, возникали вопросы о том, в формате каких ситуаций или площадок будет организовано это общение, кто будет организатором местных сообществ, какие темы будут обсуждаться, какие общие задачи решаться?

Вот тут и начался **эксперимент**, поскольку из всех поставленных вопросов, мы имели некоторое представление об ответах только на последний из них. Все остальное предстояло выяснить методом последовательного использования нескольких моделей взаимодействия, которые предстояло создать местным жителям с нашей помощью. Согласно нашей концепции, тот формат мероприятия, который окажется наиболее успешным (привлечет наибольшее число участников, даст больше отзывов от участников и окружающих) и будет рассматриваться оптимальным. Мы рассматривали таким образом апробировать несколько моделей.

Начали с выяснения потребностей в общении разных сообществ. Не все отнеслись к такому общению однозначно позитивно. Часть жителей большого двора (700

квартир) в районе станции метро «Войковская» были настроены так, что заявили: *«А мы категорически против, чтобы из узбеков и русских делать “москвичей”. И мигрантов, которые хотят быть современными жителями города у нас тоже немного. Большинство хочет просто денег и койко-места в подвале»* (ПМА 1: С.К.), *«Они не собираются ассимилироваться, более того, они постепенно пытаются создать районы компактного проживания, где начинают устанавливать свои порядки»* (ПМА 1: В.К.). Сходное мнение озвучил разнорабочий из Таджикистана 42 лет, который уже 12 лет работает в продуктовом магазине в этом же дворе: *«Всех, кого нужно, я знаю, зачем мне с другими знакомиться. Вдруг, кто-то что-то кому-то расскажет и я потеряю работу»* (ПМА 1: Б.С.). Возможно, все дело было в отсутствии у него легального трудоустройства, хотя он утверждал, что с этим все в порядке. Тогда, может быть, сработала многолетняя привычка находиться в тени, даже если ситуация уже этого не требовала. В общем, он отказался участвовать в «организованном общении». Еще более определенно высказался мастер участка управляющей компании, которая организовывала уборку этого и соседних дворов силами работников из Таджикистана: *«Нашим таджикам интеграция не нужна, они все и так интегрированы. Вы занимайтесь со своими москвичами интеграцией, они все националисты. Для них все делаешь, а они все пишут и жалуются. Сам я, – добавил он, – не буду паспорт своей родины менять, даже на московскую прописку, мне моей ереванской хватает»* (ПМА 1: М.Т.). Как кажется, мастер был недоволен нашим предложением, не потому, что он против интеграции или взаимодействия, а потому, что он не хотел упускать любые социальные контакты нанятых им иностранных граждан из-под своего контроля. Эта версия подтвердилась в ходе отдельной беседы с руководителем управляющей компании, тоже «патриотом своей страны», который прямо просил не писать ничего об их компании и рабочих, а также не поднимать шума. Видимо, дело было в нежелании придавать огласке некоторые подробности найма этих рабочих; может быть, не хотели афишировать условия контракта или условия проживания. В дальнейшем, дворники-сотрудники этой компании участвовали в наших мероприятиях помимо воли своего начальства, но в гораздо меньшей степени, чем нам хотелось.

Таким образом, **первый** вывод появился в ходе нашего эксперимента, тогда, когда он еще не начался, на этапе планирования. Выяснилось, что в основе отсутствия постоянных контактов между сообществами лежат не только предубеждения (уверенность в наличии у «них» негативных намерений в отношении «нас»), которые были слышны в ответах местных жителей и сотрудника управляющей кампании. Помимо этого, отказ от взаимодействия может быть продиктован обстоятельствами и мотивами практического характера, в нашем случае – опасениями нарушить ареол непрозрачности над существующими условиями (возможно, не вполне законными) уже существующих контрактов по привлечению иностранных работников в Москву. Если предубеждения мы были готовы попробовать преодолеть с помощью организации, то структурные факторы, формирующие трудовую этику иностранных работников и их работодателей, пришлось оставить за рамками эксперимента. Тем самым он потерял право называться *натурным*, поскольку не отвечал требованию сохранения естественного хода событий в сообществе, где проводился эксперимент.

С другой стороны, в этом же дворе жили и работали люди, которые хотели взаимодействия сообществ в рамках нашего проекта. Группа местных жителей вырази-

ла огромное желание участвовать во всех мероприятиях и быть их организаторами. Из предварительных бесед выяснилось, что они не были против работы иностранных рабочих во дворе и еще до проекта пытались организовать неформальное, хотя и нерегулярное взаимодействие с соседями-мигрантами на основе взаимовыгодных обменов услугами и доброжелательного отношения. Их мотивом было как естественное человеческое сочувствие к тем, кто находится в чужой стране, так и желание вовлечь жителей дома хоть в какие-то совместные действия для того, чтобы можно было сформировать более-менее консолидированное мнение «собственников квартир» в ходе переговоров с Управой и другими организациями на темы, далекие от интеграции мигрантов. Позже мы узнали, что инициативной группой нашего проекта стали активисты одной части жильцов дома, вступивших в конфронтацию с другой частью жильцов дома. Соответственно «не наши» жители дома первоначально стали естественными противниками всех начинаний инициативной группы «наших» жителей, в том числе проекта по взаимодействию с иностранными мигрантами. Потом все это выяснилось и ситуация изменилась. Нашим союзником и участником проекта стал также хозяин кафе со смешанной узбекско-европейской кухней, которое располагалось во дворе. Во-первых, он сам был узбек из г. Ош и сочувствовал всем начинаниям, призванным облегчить включение мигрантов в жизнь местного сообщества. Во-вторых, был заинтересован в создании благоприятного отношения к своему кафе со стороны жителей дома. Как только кафе открылось, на него писали жалобы жители соседних квартир (запах, шумные кампании, фейерверки) и хозяин уже предпринимал попытки развития программ повышения «лояльности» местных жителей, за счет скидок для «старших по подъезду». Когда он узнал о проекте, то охотно согласился предоставлять помещение и продукцию ресторана (на возмездной основе, но по льготной цене) для мероприятий проекта, понимая, что чем больше жильцов двора ближе познакомится с кафе и его продукцией, тем меньше будет негативного к нему отношения.

Таким образом, появился **второй** вывод не начавшегося еще эксперимента – ис-

Рис. 1. Эмблема проекта «Диалоги об интеграции» (фото автора, 2014).

кать прагматические мотивы, которые отвечают повседневным чаяниям потенциальных участников и соответствуют задачам проекта. Иными словами, нужно выяснять в ходе предварительных интервью как взаимодействие с мигрантами поможет решению вопросов, связанных с жизнью двора или микрорайона, которые беспокоят людей, планирующих принять участие в интеграционных мероприятиях. Не всегда это так очевидно, как обнаружилось в

вышеприведенных примерах. В ходе предварительных бесед, совместно с их участниками, был сформулирован еще один мотив присоединения к подобным проектам «обычных» жителей двора – комфортизация социального пространства двора через включение в него посредством знакомства всех людей, которые находятся там более – менее регулярно: других жителей, дворников, работников кафе и магазинов, расположенных поблизости, сотрудников фирм, работающих по благоустройству двора и т.д. Иными словами, если ты знаешь всех или почти всех, кого встречаешь

во дворе, то у тебя нет «чужих» во дворе, и ты, и твои дети чувствуют себя в безопасности и комфортно. Эта идея даже легла в основу эмблемы нашего проекта (см. рис.1, 2.).

Иностранные рабочие были лишь частью потенциальных «чужих» во дворе. В ходе нашего проекта многие жильцы задумались о возможности и необходимости регулярных встреч вне контекста интеграции мигрантов для того, чтобы просто познакомиться с соседями. Таков был **третий вывод** нашего эксперимента, начавший вырисовываться до его начала: интеграция мигрантов возможна только там, где есть первичные самоорганизовавшиеся структуры локального социума. Это могут быть как товарищества собственников жилья, так и советы «старших по подъезду» или иные инициативные группы, лишь бы они работали регулярно и чтобы их деятельность была известна значительной части жильцов.

Эти предварительные выводы в целом подтвердились в ходе проведения массовых мероприятий проекта. Первым таким мероприятием стало совместное празднование жильцами дома, работниками «этнического» кафе, иностранными рабочими, приглашенными активистами гражданских организаций двух значимых праздников: Новруза (нового года по лунному календарю), который очень популярен у среднеазиатских народов и празднуется 21-22 марта, и Пасхи, широко отмечающейся доминирующим в Москве православным населением 22 апреля 2014 г. После долгих согласований решено было поставить столы с угощениями прямо во дворе и вокруг них устроить небольшую концертную программу силами как жильцов и иностранных работников, так дружественных проекту организаций: этнокультурных центров, Советов ветеранов, школы русского языка (ныне закрытой), организаций, работающих с детьми с особенностями развития.

Все прошло довольно весело (рис. 3 и 4). На одном столе соседствовали куличи, крашеные яйца, плов, сумалак (традиционное среднеазиатское весеннее лакомство, готовящееся из проросшей пшеницы). Силами девушек, работающих недалеко от «нашего» двора и привлеченных Узбекской национально-культурной автономией

Рис. 2. Фотоколлаж, созданный на основе фото И. Савина и И. Гуцина (2014).

Рис. 3. Подготовка к празднованию Пасхи и Науруза (фото автора, 2014).

г. Москвы, было исполнено несколько узбекских танцев, русские песни пели учителя школы русского языка, а ученица этой школы прочитала стихотворение М. Цветаевой, которое звучало очень актуально:

«Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем...».

Десятки жильцов, спешащих по двору по своим делам, останавливались и присоединялись к празднику. Были и те, кто, наоборот, после раздумий удалялись в противоположный от наших столов конец двора и неодобрительно поглядывали в нашу сторону. Наглядная агитация без заблаговременного разрешения управы, которое мы не успели получить, запрещена, поэтому оповещение жильцов двора взяла на себя инициативная группа из числа правления собственников жилья. Но, как выяснилось позднее, наши партнеры сообщили о празднике лишь лояльным к себе людям, тогда как остальные оказались в неведении. Можно понять их удивление и возмущение, когда они увидели у себя во дворе картину яркого празднества, на который их не пригласили и о котором им не сообщили. Хотя свои претензии они выражали весьма интересным образом: «А почему у Вас только узбекские красавицы, а где же наши, русские!?». В ответ пришлось сказать, что русские красавицы – это они сами и пригласить их к столу. Но не все жильцы последовали этому призыву. Одна из них, самая активная подошла с претензиями, а в самом конце еще и сказала, что все мы сделали неправильно. Когда мы попытались выяснить, в чем заключалась наша ошибка? Нам было заявлено, что мы не «с теми людьми связались, и все надо было организовать по-другому». Теперь стала ясной причина их недружелюбного отношения к нашей, как нам казалось, очень нужной всему двору инициативе. К сожалению, у нескольких жильцов двора мигранты и люди другой культуры будут теперь ассоциироваться с «не теми людьми» и вряд ли станут им ближе, хотя абсолютно все жители не скрывали своего интереса к ярким танцам и живописному столу, даже если демонстрировали свое равнодушие и неприятие. С другой стороны, гораздо больше людей, ранее ничего не знавших о проекте, подходили к столу, пробовали угощение, выражали свое одобрение и пытались вспомнить какие-то приятные истории, связывающие их со Средней Азией (такое обозначение региона наиболее распространено среди жителей – И.С.) или с жителями этого региона. То есть, эффект положительного влияния непосредственного контакта был ощущаем уже во время первого мероприятия проекта, несмотря на недовольство части жителей двора. Один из руководителей Узбекской НКА Москвы даже вспомнил по этому поводу узбекскую пословицу: «Если в деревья кидают палки, значит, на них есть плоды». Говоря иначе, люди почувствовали в нашем дворовом празднике нечто нужное для себя, даже, если не были довольны своей ролью в нем.

Несмотря на неоднократные уведомления местной управы (через электронные письма и звонки), ни один из ее сотрудников не был замечен на празднике. Правда, во время его проведения во дворе появился полицейский (возможно участковый) и стал задумчиво прогуливаться в дальней части двора. Но к нам так и не подошел. Не менее противоречивая ситуация получилась и с самими иностранными мигрантами, работающими в данном дворе, ради которых и затевался проект. Именно в этот день их (случайно или намеренно) отправили работать куда-то далеко, и они смогли

участвовать в праздничном застолье не с самого начала, тайком от начальства. Но и этого времени было достаточно, чтобы их (с помощью председателя таджикского культурного центра) представили местным жителям и познакомили с теми из жильцов, с кем они еще не были знакомы.

Во время последующих мероприятий закономерности поведения мигрантов и жителей двора были сходными: сначала непродолжительное отчуждение и настороженность, а потом, по мере отыскания точек соприкосновения – дружеское общение и планирование встреч или разнообразных инициатив уже вне рамок нашего проекта. Мы все время старались предложить отличающиеся тематические форматы, чтобы выяснить «интеграционный потенциал» каждого из них.

Очень просто все получилось во время встречи на 9 мая активистов районного Совета ветеранов, расположенного в этом же дворе, и живущих неподалеку ветеранов и пенсионеров из числа граждан стран Центральной Азии, которые были информированы с помощью киргизских и узбекских этнокультурных организаций. Среди них нашлось несколько мужчин – военных пенсионеров, которые тут же опознали своих «товарищей по оружию» и к концу встречи уже сформировали собственную программу мероприятий на ближайшее время (рис. 5).

Во время встречи детей из культурно отличающихся обществ им было предложено нарисовать комиксы, под руководством приглашенных нами художников из проекта «Коммиссия» (миссия комиксов – И.С.). Сначала дети расселись по разным столам по принципу степени знакомства (киргизские дети со «своими», так же и русские, и узбекские). Но когда перед ними встала задача по очереди придумывать дальнейшие действия рисуемого персонажа, то им пришлось узнавать детали развития событий у своих соавторов с других столов. А, поскольку это делать удобнее,

Рис. 5. Встреча ветеранов одного из московских районов и киргизской и узбекской диаспор (фото автора, 2014).

Рис. 6. Конкурс комиксов для детей из разных сообществ (фото автора, 2014).

Рис. 7. Пока дети рисуют... Дискуссия об особенностях кухни разных народов (фото автора, 2014).

А, поскольку это делать удобнее,

когда твой соавтор сидит рядом, то вскоре все дети перемешались, сгруппировавшись, исходя из потребностей творческих задач (рис. 6). В это время их мамы, попробовав находящиеся на столе блюда узбекской кухни, стали обсуждать свои собственные любимые блюда и обмениваться рецептами (рис. 7). Мы всегда имели в планах проведение мастер-классов традиций разнообразных национальных кухонь, но не хотели, чтобы это было организовано кем-то извне. И вот случилась ситуация, когда это произошло само собой в процессе непосредственного общения и знакомством с новыми способами приготовления и подачи разных блюд. Иногда возникали забавные случаи, когда, одна из местных жительниц пообещала в следующий раз принести вкуснейшую свиную шейку и показать, как ее готовить, считая, что она будет прекрасно сочетаться с вкусным рисом из плова. Возникла пауза, после которой ее визави по столу из Узбекистана объяснила ей, что они не очень приветствуют свинину. По лицу москвички было видно, что она сильнейшим образом удивлена, как они могут обходиться без такого мяса, но постепенно она осознала это и они совместно рассмотрели вариант того же блюда из говядины. А одна из хозяек-киргизок, все же, попросила рецепт блюда из свиной шейки, сказав, что у нее в семье «молодые, которые давно работают в России, уже едят свинину и им это пригодится».

Рис. 8. Встреча с режиссером и актерами спектакля «Акын опера – 2» (фото автора, 2016).

Еще одной гранью изменения устоявшихся стереотипов о центральноазиатских мигрантах стала встреча жителей двора с актерами и режиссером нашедшей в свое время оперы «Акын-2» (лауреата театральной премии «Золотая маска»), в которой главные партии исполняли мигранты, импровизировавшие на темы главных забот мигрантской жизни. В ходе встречи актеры, которые в обычной жизни занимаются самой простой работой (грузчик, уборщик), рассказали о своей жизни, проиллюстрировав ее свежими импровизационными стихами (рис. 8). Зрители были в восторге. Как

кажется, они впервые ощутили не только естественное человеческое сочувствие к людям «на чужбине», зарабатывающим свой нелегкий хлеб в разлуке с семьями, не только сопричастность со своими партнерами в проекте по «комфортизации своего жизненного пространства». В их глазах был неподдельный интерес, к людям, которые, несмотря на свою неприметную роль в экономике Москвы и жизни двора, оказываются носителями древних художественных традиций, таланта и обаяния.

Были опробованы и другие форматы встреч, например, молодежный, где планировались предстоящие спортивные состязания между смешанными командами, состоящими как из местных игроков, так и из приезжих. Кроме того состоялись выездные встречи с посетителями Отделения дневного пребывания граждан пожилого возраста и инвалидов, с детьми и родителями – активистами некоммерческой организации, работающей с людьми с особенностями развития. В конце лета сами жители вышли с инициативой организовать благодарственный обед для строительной бригады, которая занималась благоустройством двора и по просьбе жильцов, выполняла их рекомендации по формированию удобной для них среды, а также часть работы выпол-

нила бесплатно. Благодарные жильцы решили ответить строителям совместным обедом и обратились за помощью к нам, причем, часть расходов готовы были нести самостоятельно. Этот обед состоялся в рабочий полдень, собрал около 50 жильцов и примерно 15 рабочих и прошел в теплой, но будничной обстановке, без какого-либо ажиотажа. То есть, обрел черты той самой повседневности, к которой мы стремились: у жителей сформировались навыки самоорганизации и они готовы были включать в число «своих» иностранных рабочих, без каких-либо инициатив со стороны проекта (рис. 9).

Рис. 9. Обед благодарения в завершение работ по благоустройству двора (фото автора, 2016).

Конечно, у части жителей двора осталось отстраненное отношение и к инициативной группе проекта из числа своих соседей, и к самим мигрантам, но попыток помешать мероприятиям проекта или как-то оспорить их необходимость не предпринималось. Зато у тех, кто постоянно общался с находящимися во дворе иностранными рабочими, возникли неформальные взаимовыгодные устойчивые отношения с ними. Нам известно лишь о нескольких единичных случаях, хотя возможно, их было больше. Активист проекта – учительница русского языка на пенсии – взялась учить детей дворника и рабочего магазина русскому языку, отказавшись брать деньги с них. В ответ рабочий магазина предложил приносить ей домой продукты по звонку и рассчитываться на месте. Семейная пара несколько раз угостила дворников яблоками и другими дарами с дачи, которые раньше просто оставались там гнить. В ответ те предложили помощь в виде бесплатных услуг грузчиков в ходе идущего у дачников ремонта квартиры. Две пенсионерки в выходной день провели для группы дворников (не только из «нашего» двора) экскурсию по микрорайону с рассказом о наиболее значимых местах (парки, скверы, официальные инстанции) и истории заселения района (как она представляется на уровне дворовых легенд). Муж одной из завсегдатаев наших встреч, адвокат, бесплатно предложил свои услуги для урегулирования сложных ситуаций в правовой сфере, если они случатся у мигрантов, работающих во дворе. Один такой случай произошел на наших глазах: были подготовлены документы для поступления в обычную школу сына дворника, у которого не было всех подтверждений предыдущих этапов обучения с родины. В результате помощи адвоката в составлении правильных запросов, все необходимые документы были получены в течении трех недель и мальчик в сентябре пошел в школу.

Трудно судить, какие из этих инициатив окажутся долговечными, а какие одноразовыми, но традиции и инструменты их осуществления были заложены. В одной статье нет возможности рассказать обо всех видах активности, осуществленных в рамках проектов по локальной интеграции на разных площадках, но основные выводы, сделанные при разработке модели «повседневной интеграции на локальном уровне в масштабах одного двора» применимы и для работы в других случаях.

Во-первых, о нашем проекте можно в полном смысле слова говорить как о собственном антропологическом эксперименте. С одной стороны, его участники продолжали жить и действовать в естественной для себя обстановке (свой двор, своя секция единоборств

и т.д.). С другой стороны, предложенные нами ситуации, в ряде случаев игнорировали условия, которые в иной обстановке препятствовали бы самостоятельному взаимодействию разнородных групп (нежелание начальства, взаимное недоверие и т.д.).

Во-вторых, наш проект убедительно показал справедливость тезисов «теории контактов» (хотя это и не входило в число наших первоочередных задач) и, главное, позволил сделать несколько важных выводов прикладного характера, способных оптимизировать дальнейшие усилия по интеграции в Москве разнородных, в том числе, мигрантских сообществ.

Что касается «теории контактов», то она была полностью подтверждена. В ходе проекта у нас в одном дворе сложились две группы жильцов. Одна, в силу разных причин была ориентирована на взаимодействия с трудовыми мигрантами, другая нет. Мы наблюдали, что контакты первой группы все время расширялись и приобретали все более разнообразные и ориентированные на удовлетворение конкретных запросов участников формы. Тогда как жильцы второй группы, так и не вступили во взаимодействие с мигрантами и сохранили свое настороженное к ним отношение, хотя и могли наблюдать за мероприятиями проекта, проходившими прямо у них перед глазами на протяжении нескольких месяцев.

Если говорить о выводах прикладного характера, то можно отметить следующее:

- интеграционные мероприятия наиболее эффективны в том случае, если способствуют удовлетворению насущных повседневных потребностей взаимно интегрирующихся разнородных сообществ. Отыскать и сформулировать эти потребности – залог успеха любой активности в направлении успеха интеграции. При всем значении (информационном, эмоциональном) мероприятий «фестивального» характера, они не способны долгосрочно влиять на мотивацию рутинных стратегий людей вне праздничной обстановки и важны только как первый этап последующих видов активности;
- мероприятия по «интеграции разнородных, в том числе мигрантских сообществ», будут эффективны только в том случае, если на локальном уровне у местных жителей сформирована потребность и традиции самоорганизации в рамках локального социума. В этой деятельности очень важна роль организаторов сообществ (community organizers) в виде активистов ассоциаций собственников квартир, старших по подъезду, активистов гражданских организаций и т.д. В противном случае все мероприятия будут носить разовый характер и не окажут влияния на последующее взаимодействие.

Полевые материалы автора (ПМА 1), собранные осенью 2013 г. и в январе-сентябре 2014 г. в районе метро «Войковская» в ходе исследований по проекту «Разработка моделей снижения конфликтности и содействия взаимной интеграции представителей разных культур в рамках повседневного взаимодействия» (респонденты – С.К. 1946 г.р.; В.К. 1938 г.р.; Б.С. 1968 г.р.; М.Т. 1988 г.р.).

Литература

1. Отоцкий Г.П.; Кузьменко Г.Н. (под ред.) *Социальная антропология: учебник и практикум для академического бакалавриата*. М.: Издательство Юрайт, 2016.
2. Савин И.С. Социальные стратегии трудовых мигрантов из Узбекистана в России и Казахстане // *Государственный суверенитет vs. Право наций на самоопределение. Сборник научных статей* / отв. ред. Л. Рябинин. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2011. С. 221–244.

3. Савин И.С. Особенности (анти-), (про-)миграционной риторики в современной России и интеграционные процессы // *Миграции в историко-антропологической перспективе. Материалы IX Конгресса этнографов и антропологов России* / под ред. Е. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 8–21.
4. Космарская Н.П., Савин И.С. «Расскажите о вашей жизни в этом городе...»: исследование отношения москвичей к миграции и мигрантам // *Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений* / Ред. Степанов В.В. М.: ИЭА РАН, 2015–2016. С. 60–69.
5. Kosmarskaya N., Savin I. Everyday Nationalism in Russia in European Context (Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration) // *The New Russian Nationalism, 2000-2015: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism*. Ed. by P. Kolsto and H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. Pp. 132–159.
6. Савин И.С. *Интервью в интернет-издании «Colta.ru» «Как старомосквичи и новомосквичи обедают вместе»*. Текст Н. Зотовой, 23 мая 2014 г. Доступ: <https://www.colta.ru/articles/society/3312> (дата обращения 13.10.2018).
7. Савин И., Савина М., Корюхин Д. Вызовы и перспективы добрососедства глазами мигрантов и москвичей // «Свои» и «чужие»: *толерантность, стереотипы, права* / Сост. О. Федорова. М.: Московская Хельсинкская Группа, 2016. С. 25–37.
8. Ядов В.А. *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. Самара: Самарский университет, 1995.
9. Hayes B.C. and L. Dowds Social contact, cultural marginality or economic self-interest? Attitudes toward migrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2006. Vol. 32. № 3. Pp. 455–476.
10. Martinovic B. The inter-ethnic contacts of immigrants and natives in Netherlands: a two-sided perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2013. Vol. 39. № 1. Pp. 69–85.
11. Каменщиков А., Резванова И., Савин И.С., Сухов А. «Поиск путей снижения конфликтности и содействия взаимной интеграции представителей разных культур в условиях повседневного взаимодействия». Пятигорск: Альфа-Принт, 2014. 48 с.

References

1. Otyutsky G.P., Kuzmenko G.N. (pod red.) Sotsial'naia antropologiya: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2016. Pp. 48. (In Russ.). [Otyutsky G.P., Kuzmenko G.N. (eds.) Social Anthropology: A Textbook and Practical Workshop for Academic Baccalaureate. Moscow: Yurait Publishing House, 2016. Pp. 48]
2. Kosmarskaya N.P., Savin I.S. «Rasskazhite o vashei zhizni v etom gorode...»: issledovanie otnosheniia moskvichei k migratsii i migrantam. *Migratsiia i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nabliudenii*. Stepanov V.V. (ed.). Moscow: IEA RAN, 2015–2016. Pp. 60–69. (In Russ.). [Kosmarskaya N. P. Savin I. S. «Tell us About your life in this city...»: a study of the attitude of Muscovites to migration and migrants. *Migration and migrants in Russia and the world: the experience of socio-anthropological and ethnographic observations*. V.V. Stepanov (ed.). Moscow: IEA RAS, 2015–2016. Pp. 60–69].
3. Savin I.S. Sotsial'nye strategii trudovykh migrantov iz Uzbekistana v Rossii i Kazakhstane. *Gosudarstvennyi suverenitet vs. Pravo natsii na samoopredelenie. Sbornik nauchnykh statei*. L. Riabinin (ed.). Moscow: Izd-vo GU VShE, 2011. Pp. 221–244. (In Russ.). [Savin I. S. Social strategies of labor migrants from Uzbekistan to Russia and Kazakhstan. State sovereignty vs. The right of Nations to self-determination. Collection of scientific articles. L. Ryabinin (ed.). Moscow: HSE publishing House, 2011. Pp. 221–244.
4. Savin I.S. Osobennosti (anti-), (pro-)migratsionnoi ritoriki v sovremennoi Rossii i integratsionnye protsessy. *Migratsii v istoriko-antropologicheskoi perspektive. Materialy IX Kongressa etnografov i antropologov Rossii*. E. Filippovoi (ed.). Moscow: IEA RAN, 2012. Pp. 8–21. (In Russ.). [Savin I. S.

- Features of (anti -), (Pro-)migration rhetoric in modern Russia and integration processes. *Migration in historical and anthropological perspective. Proceedings of the IX Congress of ethnographers and anthropologists of Russia*. E. Filippova (ed.). Moscow: IEA RAS, 2012. Pp. 8–21.
5. Kamenshchikov A., Rezvanova I., Savin I.S., Sukhov A. «Poisk putei snizheniia konfliktnosti i sodeistviia vzaimnoi integratsii predstavitelei raznykh kul'tur v usloviakh povsednevnogo vzaimodeistviia». *NKO «Mezhdunarodnoe nenasilie»*. Piatigorsk: Al'fa-Print, 2014. 48 p. (In Russ.). [Kamenshchikov, I. Rezvanova, I.S., Sukhov, «Search for ways to reduce conflict and promote mutual integration of representatives of different cultures in the conditions of everyday interaction». *NGO «International nonviolence»*. Pyatigorsk: Alpha-Print, 2014. 48 p.
 6. Savin I.S. Interv'iu v internet-izdanii «Colta.ru» «Kak staromoskvichi i novomoskvichi obedaiut vmeste». Tekst N. Zotovoi, 23 may 2014. Dostup: <https://www.colta.ru/articles/society/3312> (data obrashcheniia 13.10.2018). (In Russ.). [Savin, I.S. Interview in the online edition «Colta.ru» «As stromoski and novomoskovka have lunch together». The Text N. Zotova, may 23, 2014. Access: <https://www.colta.ru/articles/society/3312> (accessed 13.10.2018)].
 7. Savin I., Savina M., Koriukhin D. Vyzovy i perspektivy dobrososedstva glazami migrantov i moskvichei. «Svoi» i «chuzhie»: *tolerantnost', stereotipy, prava*. O. Fedorova (ed.). Moscow: Moskovskaia Khel'sinskaia Gruppa, 2016. Pp. 25–37. (In Russ.). [Savin I., Savina M., Koriukhin D. Challenges and perspectives of the neighbourhood through the eyes of migrants and residents. «Their» and «others»: *tolerance, stereotypes, rights*. O. Fedorov (ed.). Moscow: Moscow Helsinki Group, 2016. Pp. 25–37.
 8. Otyutsky G.P.; Kuz'menko G.N. (pod red.) *Sotsial'naia antropologiya: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata*. Moscow: Izdatel'stvo Iurait, 2016. (In Russ.). Otyutsky G. P.; Kuzmenko G. N. (ed) *Social anthropology: tutorial and workshop for academic bachelor degree*. Moscow: Yurayt Publishing House, 2016.
 9. Yadov V.A. *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody*. Samara: Samarskii universitet, 1995. (In Russ.). [Yadov V. *Sociological research: methodology, program, methods*. Samara: Samara University, 1995].
 10. Hayes B.C. and L. Dowds Social contact, cultural marginality or economic self-interest? Attitudes toward migrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2006. Vol. 32. No. 3. Pp. 455–476.
 11. Martinovic B. The inter-ethnic contacts of immigrants and natives in Netherlands: a two-sided perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2013. Vol. 39. No. 1. Pp. 69–85.
 12. Kosmarskaya N., Savin I. Everyday Nationalism in Russia in European Context (Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration). *The New Russian Nationalism, 2000–2015: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism*. P. Kolsto and H. Blakkisrud (eds.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. Pp. 132–159.

I.S. Savin. Local integration of diverse communities as a field of anthropological experiments (the case of Moscow).

The aim of article is to represent activities carried out within the project on local integration between diverse (including migrant) communities as stages of an anthropological experiment. In the focus of the analysis are not only the criteria to compare applied activity and anthropological experiment but also practical recommendations on how to improve intercommunity interactions in the local context of one particular yard in Moscow. Among these recommendations there are: to combine the goals of intercommunity integration with the day-to-day needs of local people, to try to avoid integration for the sake of integration itself and not for realization of life strategies of community members. For successful integration of migrants it is also essential to exploit practices and institutes of self-government that already exist among the old residents.

Key words: *integration of diverse local communities, intercommunity day-to-day interaction, community organizers, management of intercommunity communication.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 39+81.37+811.511.2

DOI:10.33876/2311-0546/2019-3-15/67-79

© Ю.Н. Квашнин

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СДВИГЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ *ДОМ*,
ПОСЕЛОК, *ГОРОД* В НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье исследованы проблемы семантического сдвига значений слов дом, поселок, город в ненецком языке. Основываясь на описаниях, извлеченных из словарей и историко-этнографических трудов, установлено, что раньше ненцы обозначали словами жилище и поселение исключительно традиционные чумы и стойбища. В ходе исторических процессов, проходивших на протяжении веков на территории проживания ненцев, широких контактов с русскими переселенцами, они не заимствовали напрямую новые для них русские слова, а стали называть стационарные дома и поселки по-ненецки. На этих примерах мы можем наблюдать, как в языке происходит адаптация традиционных слов и понятий в условиях постоянно меняющегося окружающего мира.

Ключевые слова: тундровые ненцы, чум, стойбище, дом, поселок, город, семантический сдвиг

Введение

Язык тундровых ненцев относится к числу (пока еще) живых языков¹. Как и другие языки народов Севера и Сибири, он развивался на протяжении нескольких столетий, изменяясь под влиянием действовавших на него факторов и обогащаясь, при необходимости, словами из языков соседей. В советское время лексический состав ненецкого языка пополнился большим количеством непереводаемых технических и номенклатурных терминов. Некоторые ненецкие слова изменили свое лексическое значение. В настоящей статье речь пойдет о значениях слов *дом*, *поселок*, *город*, изменявшихся в ходе исторического развития территорий, на которой проживали тундровые ненцы.

В нашем исследовании мы оставили в стороне специальную литературу по вопросам семантики, и опирались в основном на словари, составленные лингвистами

Квашнин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (Тюмень, ул. Малыгина, 86). Эл. почта: ukwa@yandex.ru. **Kvashnin Yuri N.** – Institute of the Problems of Northern Development of the Tyumen Scientific Center SB RAS (Tyumen, Malygina str., 86). E-mail: ukwa@yandex.ru.

* Работа выполнена по госзаданию – проект № АААА-А17-117050400143-4.

¹ По классификации ЮНЭСКО язык тундровых ненцев относится к языкам, определённо находящимся под угрозой исчезновения [1].

и этнографами XX в., а также на историко-этнографические описания исторических процессов, происходивших у ненцев.

От Лапландии до Лены

Народы, говорящие на языках самодийской группы, расселены сегодня на огромных просторах Северной Евразии от р. Мезени до р. Хатанги. Еще в первой половине XVIII века В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» писал о них следующее: «... а от Двины до гор Поясных ныне самоедь, сами зовутся самио и самогиты, живут в лесах без домов и переходят на запад до Лапландии, а на восток до реки Лены» [2: 297]. Вслед за советским историком И.М. Калининым хочется сказать, что нам не известен источник, из которого Татищев почерпнул эти сведения [3: 77]. Вероятно, территория расселения самоедов в то время не была столь обширной, хотя отдельные кочующие семьи могли достигать и указанных пределов.

Ненцы осваивали бескрайние просторы тайги и тундры на протяжении нескольких столетий. Согласно одной из ведущих научных гипотез, они, как и другие самодийские народы, являются потомками населения кулайской археологической культуры, сложившейся в Сургутско-Нарымском Приобье к середине I тыс. до н.э. Начиная с I в. до н.э. часть самодийцев стала продвигаться на север и к V в. н.э. достигла Обской губы и устья р. Таз [4: 132; 5: 224].

Самодийские предки тундровых ненцев постепенно освоились в Северном Приобье, в юго-западной части полуострова Ямал и в Северном Зауралье, затем перевалили через отроги Полярного Урала и к XI в. кочевали уже на правобережье нижнего течения р. Печора.

В «Повести временных лет» говорится, что жители Новгородской земли того времени имели довольно четкое представление о народах, проживавших между рекой Печорой и Уральскими горами. Свидетельством тому является «Рассказ новгородца Гюряты Роговича о дивном чуде в Югорской земле» 1096 г., включенный в Лаврентьевскую летопись. Во вступлении к основному повествованию говорится о Печёре, Югре и Самояди, как об уже известных новгородцам народах. Только Печёра уже платила дань Великому Новгороду, а Югра и Самоядь еще не были ею обложены [6: 150–151].

В 1525 г. «самоедь югорская», что живет по р. Оби, была принята в русское подданство. Это было закреплено жалованной грамотой царя Василия III и позже подтверждено грамотой 1597 г. царя Федора Ивановича. Судя по некоторым названиям родов, указанным в грамоте (Карачей, Лехей²), ненцы в XVI в. периодически перекочевывали через Урал с печорской стороны на обскую и обратно, а дань платили на Печоре (в г. Пустозёрске) [7: 10–11].

На запад от Печоры самоеды продвигались неспешно. Возможно, на это было несколько причин: малая численность ненцев и недостаток у них ездовых оленей, а также сопротивление их натиску со стороны коренных обитателей Севера – полулегендарного народа сихиртя, этническая принадлежность которого до сих пор остается загадкой [4: 46–48]. Предположительно лишь к XV в. ненцы добрались до р. Мезень, где были на долгое время остановлены русскими переселенцами, двигавшимися им навстречу. Косвенным подтверждением этому служит «Жалованная несудимая грамо-

² Харючи – один из главных родов сибирских тундровых ненцев. Лэхэ – один из главных родов европейских ненцев.

та Канинским и Тиунским самоедам» 1545 г. царя Ивана Грозного. Самоеды жаловались царю на то, что Печеряне и Пермьки отнимают у них «рыбные ловли и звериные ухажай» по рекам Пёша, Волонга, Индига, Железная, там, где рыбачили и охотились их отцы и деды (территория от Канинской тундры до низовий Печоры) [8: 182–184].

В середине XVII века отдельные семьи Канинских самоедов кочевали уже далеко к западу от Мезени, доходя до Архангельска в устье р. Двины и до владений Крестного монастыря в устье р. Онеги [3: 77–79]. Путешественники и исследователи XVIII в. отмечали в своих путевых заметках и научных трудах, что самоеды Тиунского (Тиманского) берега периодически подходят к Архангельску со стадами оленей, а некоторые живут невдалеке практически постоянно, изготавливая для продажи на корабли различные деревянные изделия [9: 64–81; 10: 205, 225].

В конце XIX века небольшая группа ненцев поселилась на Кольском п-ове. По переписи населения 1897 г., их насчитывалось там 25 чел. Это были, в большинстве своем, наемные пастухи богатых коми-ижемских оленеводов, с 1887 г. начавших осваивать крайний северо-запад Архангельской губернии [11: 26–27; 12: 28, 43].

На п-ове Ямал северной границей самоедских кочевий до XVII в. были две реки с названием Сё-яха, протекающие по центральной его части. Западная Сё-яха (по-русски – Мутная), является правым притоком р. Морды-яха (Мурты-яха), впадающей в залив Карского моря Мутный Шар. Восточная Сё-яха (по-русски – Зеленая) впадает в Обскую губу. По этим рекам и системе озер Нёй-то (между ними – Ю.К.) проходил волок, как один из участков морского хода русских промышленников на Мангазею. В документах того времени говорится, что «по обе стороны Мутные реки временем кочует самоедь Карачея» [13: 74]. Зеленая река носила тогда название Сё-Яга-Бануйта, т. е. «проходная река племени Вануйта» [14: 88].

В том же XVII в. ненцы стали откочевывать от Оби на восток, за реки Надым и Пур. Затем в дальнейших поисках новых охотничьих угодий и попытках избежать уплаты ясака они постепенно освоили территории на Тазу и Енисее. Официальные документы 1636 г. и 1657 г. отмечают «Пуровскую юрацкую самоедь» в междуречье Пура и Таза и в устье Таза. На Енисее отдельные ненцы-юраки³ кочевали уже в 1636 г. К концу столетия они заняли все низовье Таза, дойдя до старого Мангазейского городища [13: 135–136; 15: 164]. Картографические материалы второй половины XVII – начала XVIII века дают нам наглядное подтверждение архивным документам. В «Этнографическом чертеже Сибири» 1673 г. обозначен район расселения юрацкой самоеды – от Тазовской губы до Енисея. На «Чертеже земли Туруханского города» Семена Ремезова 1701 г. отмечена р. Нижняя Хета (совр. Большая Хетá), возле которой написано – «А по ней приходят юрацкая самоед немирная чрез Таз ис Пура» [16: 41; 17: 15; 18: 143]. Постоянный приток в междуречье Таза и Енисея новых насельников ненцев привел к тому, что часть проживавших здесь энцев была вынуждена уйти на правый берег Енисея, другие были ассимилированы [4: 129; 19: 96–97]. Перекочевки ненцев с обской стороны на енисейскую продолжались и в XIX в. Только в 1915 г. часть ненцев, приписанных к Обдорской инородной управе, но кочевавших вблизи Енисея, получили разрешение уплачивать ясак в Дудинке [4: 172].

³ Этнониму юраки, на наш взгляд, до сих пор не найдено точного научного объяснения.

Чужое и свое

Кочевой образ жизни ненцев никогда не предполагал постройку ими стационарных поселений, поэтому в ненецком языке слова, обозначающие современные *дом*, *поселок*, *город* изначально имели несколько иной смысл. Опираясь на доступные источники и литературу, попробуем разобраться в этом вопросе.

Начнем с дома. Конусообразное переносное жилище ненцев, не только в просторечии, но и в официальных документах, с давних пор именуется *чумом*. В одной из отписок тобольских воевод 1644 г. сказано: «... *служилые люди, купили у Харвы с товарищи десять постелей оленьих на муку, а купя муку, поехали та самаядь в свои чумы*» [6: 32].

Мало кто задумывается, что чум не ненецкое, но и не русское слово. Оно было заимствовано русскими из удмуртского языка, в котором означает клеть, амбар, т.е. помещение, комната в здании [20: 738]. Отдельно стоящая жилая или хозяйственная постройка имела конусообразную форму. В словаре М. Фасмера, со ссылкой на словарь В. Даля о чуме написано кратко – «вотяцкое жильё». У Даля развернуто – «вотяцкая, вотская изба, жильё; летняя изба, холодная, но жилая, с огнищем посредине; бывает и у русских» [21: 381; 22: 633].

У родственных удмуртам коми, живущих к северу и северо-востоку от них, это слово произносится и пишется как *чом*. У коми-пермяков оно обозначает то же, что и у удмуртов – нежилое помещение или летнюю избу [23: 540], у коми-зырян – шалаш, лесной домик [24: 415; 25: 706], у коми-ижемцев – шалаш оленеводов [26: 236].

Коми-зырянами *чом* часто использовался при артельной охоте в тайге. Обычно сооружался односкатный или каркасный шалаш, который покрывали сосновой и еловой корой, ветвями и сеном. Коми-ижемские промысловики, тесно контактировавшие с ненцами, сооружали для ночлега каркасный конусообразный шалаш типа ненецкого оленеводческого чума [27: 125–127, 134]. Кочевые оленеводы-ижемцы Приуральского, Надымского и Пуровского р-нов ЯНАО до сих пор используют *чом* в качестве основного жилища в тундре [28; 29; 30].

В русский лексикон слово чум, в значении конусообразная постройка, стало входить не ранее XIII–XIV вв. В этот период на р. Вятку, в ее среднем течении, где жили северные удмурты, активно переселялись крестьяне из Владимиро-Суздальской и Нижегородской земель. [31: 20; 32: 36–37; 33: 34]. Относительно мирное сосуществование приводило к взаимному влиянию русских и удмуртов в сфере материальной культуры и языка.

Слово чум употребляется и ненцами, но только в разговорах на русском языке. По-ненецки они называют конусообразную постройку, крытую оленьими шкурами или брезентом – *мя*⁴, что переводится как жилище ≈ дом (*мяндер* – обитатели жилища, семья) [34: 36; 35: 280]. По мере укоренения русских на территориях, населенных ненцами, последние стали называть *мя* некоторые новые для них здания и помещения, например, *яля мя* – горница (букв. светлое жилище, светлица), *хэхэ мя* – церковь (букв. жилище духов), *лекар мя* – больница (букв. жилище лекаря, доктора), и, даже, *палка мя* – туалет (букв. жилище экскрементов).

Местонахождение чума или нескольких чумов у тундровых ненцев называется *чэсы* – стоянка, стойбище (временный поселок) [36: 274]; у лесных ненцев – *чысы*

⁴ Чтобы не затруднять чтение, ненецкие слова мы будем писать без диакритических знаков, принятых в словарях.

[37: 101]. Со временем это обозначение было перенесено ненцами и на оседлые поселения, в результате чего возникли такие словообразования как *нэсындер* – в значении житель поселка (деревни, села), *завод нэсы* – заводской поселок и др. [35: 423].

Ненцы, кочующие по тундре с большими стадами оленей, устраивали свои стоянки-нэсы в глубине материка. Малооленные ненцы, занимались сезонным ловом рыбы и морским зверобойным промыслом на морских и речных мысах, именуемых по-ненецки *саля* (в русской огласовке *сале*). На таких мысах в советское время часто обустраивали базы оседлости и фактории для ненцев. Некоторые из них впоследствии разрослись и превратились в села или национальные деревни – Яр-Сале, Сюнай-Сале, Тарка-Сале, Яптик-Сале, Салемал, Матюй-Сале, Тибей-Сале, Мара-Сале, городами – Тарко-Сале или, наоборот, стали небольшими полярными станциями – Марре-Сале. Среди вышеперечисленных выделяется с. Газ-Сале – Газовый мыс, основанное в 1963 г. на одной из газоносных площадей Тазовского р-на ЯНАО. Кроме того, Обская губа издавна называлась ненцами *Саля яв* – море (большая вода) с мысами.

На этом фоне совершенно неуместно выглядит попытка тюменского филолога Х.Ч. Алишиной поставить в один ряд ненецкое **саля** – **мыс** с древним тюркским (хазарским) **сала** – **поселение**, выдавая это за один из фактов тесного взаимодействия тюрков и самодийцев в древности [37: 90–91].

Название г. Салехард (нен. Саля харад), столицы Ямало-Ненецкого автономного округа, переводится как Поселение на мысу. В названиях еще нескольких населенных пунктов Заполярья также присутствует существительное *хард*. Например, пос. Хоседахард⁵ – Поселение на березовой сопке и пограничная застава Талотехард⁶ – Поселок на р. Талота⁷ в Ненецком автономном округе Архангельской области; пос. Тухард – Огненный поселок (поселок газовиков⁸) в Таймырском Долганско-Ненецком муниципальном районе Красноярского края.

Слова *хард*, *харад* означают, согласно словарю Г.Д. Вербова, поселок, деревню, город, дом [39: 93]. Изначальное значение, по логике, дом (здание), за ним – поселок, деревня, состоящие из домов [35: 746]. Перевод «город» является условным.

Слово, обозначающее в ненецком языке именно город, встречается только в названии столицы Ненецкого автономного округа – Нарьян-Мар, что переводится как Красный город. Исконное значение слов *мар*, *марад* – ограда (забор), преграда [39: 31; 34: 31; 35: 239; 40: 57]. Соответственно, мар – это поселение, обнесенное забором или валообразной насыпью. По мнению Л.В. Хомич, у ненцев слово мар «означало в прошлом изгородь, ограду, которую сооружали во время военных столкновений для укрытия женщин, стариков и детей»⁹ [41: 50].

Нововведением в ненецком языке можно считать такое слово, как *марадндер* – горожанин [42: 6], словосочетание *культура харад* – дом культуры и ему подобные [43: 70]. Интересно звучит по-ненецки словосочетание *марад совет харад* (букв. городского совета здание) [35: 239].

⁵ Упразднен как центр сельского совета в 1959 г., официально закрыт в 1975 г.

⁶ Упразднена и закрыта в конце 1990-х годов.

⁷ Возможно, искажённое Талата, от ненецкого глагола талась – закрыть, окружить, т.е. река, закрывающая, окружающая определённое пространство.

⁸ Имеются в виду факелы, сжигающие попутный газ при выкачивании нефти.

⁹ Кладбища русских, коми и поселковых ненцев называются по-ненецки хальмер мар – ограждённое место для захоронений (усл. город покойников). Традиционные захоронения на открытом пространстве тундры называются хальмер нэс – местоположение покойников.

«Что в имени тебе моем»?

В грамоте 1545 г., о которой говорилось выше, упоминается русская слободка Лампожня, располагавшаяся в нижнем течении р. Мезени. Там ненцы вели торг и платили дань. По мере расширения реки к северу, образуется Мезенская губа. Чисто ненецкого названия у нее не было и нет. Ненцы в XVI–XVII вв. называли ее на свой лад Лободка-яу, т.е. Слободки море¹⁰. Ниже по течению от Лампожни стояли Окладникова (Большая) слободка и Кузнецова (Малая) слободка [8: 184]. Из этих двух слободок постепенно сложилось поселение Мезень, преобразованное в 1780 г. по указу Екатерины II в город [44]. Современные ненцы называют его *Мезень мар*¹¹. Лампожня стала деревней.

Городок Пустозёрск был основан в 1499 г. на одном из рукавов дельты Печоры (по-ненецки Санэро-Яха, Санэро-Ям), на мысу оз. Пустого. Более чем на столетие он стал центром пушной торговли, сбора ясака с местного населения и перевалочным пунктом для продвижения русских за Урал. В документах первой половины XVII века Пустозёрск упоминается как острог [7: 23, 24, 56, 58]. Сами же пустозерцы и жители окрестных печорских селений вплоть до конца XIX века чаще называли его просто Городком, а озеро Городецким [45: 415, 416]. Предположительно со дня основания до XVII в. Пустозёрск не имел острожных укреплений. Возведение острога было вызвано только участвовавшими набегами на территорию уезда «Карачейской самояди»¹² [7: 163]. Возможно, отсутствие ограды на момент основания города привело к тому, что ненцы стали именовать Пустозёрск *Санэрхарад* – поселение на Печоре.

Пережив бурный расцвет в XVI–XVII вв., Пустозёрск стал постепенно приходить в упадок. Будучи некогда самым крупным населенным пунктом на Крайнем Севере Европейской России, к концу XVIII века он становится центром всего лишь Пустозёрской волости. В XIX – начале XX века его административный статус продолжает понижаться. Он превращается сначала в слободу, затем в село, а с 1936 г. называется деревней. Последние жители покинули деревню в 1962 г. Сейчас там располагается историко-культурный и ландшафтный музей-заповедник «Пустозёрск» [46].

Похожая история произошла и с названием Салехарда. История города начинается с острога, который был заложен русскими служилыми людьми в 1590-е годы на месте остяцкого (хантыйского) поселения Полинг-авыт-вош в устье р. Полуй у ее впадения в Обь. Он был назван Обдорским¹³ [47: 40]. Как писали новосибирские исследователи «В архивных документах XVI–XVII вв. Обдорск именовался острожком, городком, крепостью и, наконец, заставой. Эти названия легко подменяли друг друга, так как городом считали деревянную или каменную крепость, окруженную посадом, для защиты которого обычно пристраивали острог» [48: 221]. В 1641 г. острожные укрепления обновили, а в 1807 г. за ненадобностью разобрали. С этого времени Обдорск стал именоваться в официальных документах селом. В 1933 г. он получил статус рабочего поселка и был переименован в Салехард, а в 1938 г. стал городом [49]. Сегодня в Салехарде имеется развитая городская инфраструктура, хотя формально он именуется по-ненецки селом.

¹⁰ Первым это отметил в своей работе А. Шренк [55: 115–116], а снова обратил на это внимание Б.О. Долгих [56: 28].

¹¹ Столицу Архангельской области ненцы тоже называют Архангельск мар.

¹² Ненцы рода Харючи.

¹³ От Обдора – название местности в низовьях р. Обь. В переводе с языка коми, которые разведали эти земли раньше русских, означает край (устье) Оби.

Город Нарьян-Мар начинался с небольшого рабочего поселка и речного порта Нарьян-Мард, построенного в начале 1930-х годов на месте выселка Белошельского [50: 97]. Главной причиной строительства было открытие крупного Воркутинского месторождения угля, продукцию которого необходимо было доставлять потребителю [51]. Название Нарьян-Мар (нен. Няръяна марад) было сконструировано искусственно, по аналогии с другими населенными пунктами СССР, такими как, например, столица Марийской Автономной области Йошкар-Ола (1928) или подмосковный Красногорск (1932). На наш взгляд, Нарьян-Мар был назван именно так исключительно для благозвучия. Согласимся, что слова *мард* или *хард* в данном случае звучат грубовато.

Самым крайним административным центром на территории проживания ненцев является столица Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края город Дудинка. Его история начинается в 1667 году, когда мангазейским стрелецким десятником Иваном Сорокиным «пониже верхняя Дудина реки» было поставлено ясачное зимовье [52: 59]. С притоком в XVIII в. русского населения в низовьях Енисея, Дудинка становится селом. Удобное местоположение поселения на берегу Енисея позволило сделать именно Дудинку столицей образованного в 1930-м году Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа. В 1951 г. она получила статус города [53]. О названии реки, от которого пошло название поселения нет достоверных сведений. В разное время предлагались варианты от прозвищного имени Дуда или от ненецкого Тутин (*ту* – огонь, *тин* – амбар) – *пороховой склад* [54: 147], однако они не подтверждены документально. Современные ненцы, употребляя в разговоре название города, говорят просто Дудинка, не прибавляя к нему *нэсы*, *хард* или *мар* [43: 111]. Возможно, слово Дудинка созвучно с некоторыми ненецкими словами, например, *вэбарка* – белуха, *мараңга* – морошка, *хабтарка* – бесплодная важенка и др.

Выводы

Исследование показало, что в ходе исторических процессов, проходивших на протяжении веков на территории проживания ненцев, они не заимствовали напрямую новые для них русские слова *дом*, *поселок*, *город*, а стали обозначать эти понятия своими, приблизительно соответствующими, словами. В результате, со временем, понятие *мя* – жилище, изначально исключительно тундровое, было перенесено ненцами на деревянные и каменные постройки; словом *нэсы* – временное поселение кочевников, они стали называть стационарные поселки; слово *хард* закрепилось за большими поселениями без ограды, а *мар* – за городами. На приведенных выше примерах мы можем наблюдать, как в языке происходит адаптация традиционных слов и понятий в условиях постоянно меняющегося окружающего мира.

Источники и литература

1. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. Доступ: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap> (дата обращения 21.12.2018).
2. Татищев В. *История Российская*. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. 568 с.
3. Калинин И.М. *О распространении самоедов в прошлом. Из новых архивных материалов* // Изв. ГРГО. Т. LXI. Вып. I. 1929. С. 77–80.
4. Васильев В.И. *Проблемы формирования северосамодийских народностей*. М.: Наука, 1979. 243 с.

5. Тишков В.А., Чешко С.В. (отв. ред.). Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты // *Народы и культуры*. М.: Наука, 2005. 805 с.
6. *Повесть временных лет*. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
7. Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. (авт.-сост.). *Обдорский край и Мангазея в XVII веке*. Сб. док. Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2004. 200 с.
8. *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук*. СПб.: Тип. II отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1836. 548 с.
9. Николаева Д. (сост., вступ. ст. и примеч.) Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. 1701. 1708 // *Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии*. М.: ОГИ, 2009. С. 51–112.
10. Лепёхин И.И. *Путешествие академика Ивана Лепехина*. Часть IV. В 1772 г. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1805. 463 с.
11. Лукьянченко Т.В. Саамы // *Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика)* / Ю.Б. Симченко, В.А. Тишков (ред.). М.: КМЦ; ИЭА РАН, 1993. С. 9–28.
12. Киселёв А.А. *Очерки этнической истории Кольского Севера*. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.
13. Долгих Б. О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке*. М.: Наука, 1960. 622 с.
14. Бахрушин С.В. *Самоеды в XVII веке*. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 5–12.
15. Квашнин Ю.Н. К вопросу о границе расселения ненцев и энцев в XVII в. // *Культурное наследие народов Сибири и Севера*. Ч.1. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С.163–166.
16. Ефимов А.В. (под ред.). *Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв.* М.: Наука, 1964. 134 с.
17. *Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году*. СПб.: Археографическая комиссия, 1882. 48 с.
18. Ёсида А. В поисках предков гыданских ненцев (по литературным источникам) // *Народы Сибири (сибирский этнографический сборник)* / отв. ред. З.П. Соколова. М.: КМЦ; ИЭА РАН. 1997. С. 140–170.
19. Квашнин Ю.Н. Энцы: проблемы и перспективы сохранения этноса // *Тобольск научный – 2010. Материалы седьмой всероссийской научно-практической конференции*. Тобольск, 2010. С. 96–99.
20. Душенкова Т.Р. и др. (сост.). *Удмуртско-русский словарь* / отв. редактор Л.Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 925 с.
21. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
22. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. IV. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1882. 704 с.
23. Баталова Р.М., Кривощёкова-Гантман А.С. (сост.) *Коми-пермяцко-русский словарь*. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
24. Сорвачевой В.А. (под ред.). *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.
25. Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. *Коми-русский словарь (Коми-роч кы-вчукӧр)*. Сыктывкар, 2000. 812 с.
26. Сахарова М.А., Сельков Н.Н. *Ижемский диалект коми языка*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.
27. Конаков Н.Д. (сост.). *Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 432 с.
28. Полевые материалы автора. Экспедиция в Надымский район ЯНАО, 2002. Тетрадь 1
29. Полевые материалы автора. Экспедиция в Приуральский район ЯНАО, 2004. Тетрадь 1
30. Полевые материалы автора. Экспедиция в Пуровский район ЯНАО, 2011. Тетрадь 1

31. Гришкина М.В., Иванова М.Г., Трефилов Г.Н., Павлов Н.П. (ред.) *425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России (1558–1983)*. Ижевск, 1983. 110 с.
32. Пименов В.В. (науч. ред.). *Удмурты: историко-этнографические очерки*. Ижевск: УИИ-ЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
33. Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. *Этнография удмуртов*. Учебное пособие по краеведению. Ижевск, 1997. 248 с.
34. Хомич Л.В. *Ненецко-русский словарь*. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1954. 124 с.
35. Терещенко Н.М. *Ненецко-русский словарь*. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. 944 с.
36. Пырерка, А.П., Терещенко Н.М. *Русско-ненецкий словарь*. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1948. 408 с.
37. Бармич М.Я., Вэлло И.А. *Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект)*. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 288 с.
38. Алишина Х.Ч. Ономастическое пространство Тюменской области: тюрко-самодийские языковые контакты // *Самодийцы. Мат. IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10-12 декабря 2001 г.)*. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 90–92.
39. Вербов Г.Д. *Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь*. Салехард: Изд. Ямальского окружного комитета нового алфавита, 1937. 180 с.
40. Кошкарёвой Н.Б. (под ред.). *Диалектологический словарь ненецкого языка*. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010. 352 с.
41. Хомич Л.В. *Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев*. Л.: Наука, 1976. 192 с.
42. Бармич М.Я., Талеева Е.М. *Практикум по лексике ненецкого языка*. Ч. 1. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 112 с.
43. Ненянг М.А. *Русско-ненецкий разговорник*. СПб.: Дрофа, 2005. 151 с.
44. Мезень // *Большая Российская Энциклопедия*. Доступ: <https://bigenc.ru/geography/text/2200437> (дата обращения 21.12.2018)
45. Максимов С. *Год на Севере*. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. 690 с.
46. Пустозёрск // *Большая Российская Энциклопедия*. Доступ: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3173524 (дата обращения 21.12.2018)
47. Перевалова Е.В. *Северные ханты: этническая история*. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
48. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. *Летопись сибирских городов*. Новосибирск. 1989, 304 с.
49. Салехард // *Большая Российская Энциклопедия*. Доступ: <https://bigenc.ru/geography/text/3528963> (дата обращения 21.12.2018)
50. *Список населённых мест Архангельской губернии. На 1-е мая 1922 г.* Архангельск: Тип. Архгубсоюза кооперативов, 1922. 302 с.
51. Нарьян-Мар // *Большая Российская Энциклопедия*. Доступ: <https://bigenc.ru/geography/text/2250389> (дата обращения 21.12.2018)
52. Ващенко П.Т. Основание Дудинки // *Музейный вестник*. Дудинка, 2005. Вып. 4–5. С. 59–64.
53. Дудинка // *Большая Российская Энциклопедия*. Доступ: <https://bigenc.ru/geography/text/1969887> (дата обращения 21.12.2018)
54. Пospelов Е.М. *Географические названия мира*. Топонимический словарь. М.: Русские словари; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2012. 512 с.
55. Шренк А. *Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам в 1837 году*. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1855. 665 с.
56. Долгих Б.О. *Очерки по этнической истории ненцев и энцев*. М.: Наука, 1970. 269 с.

References

1. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. Available at: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap> (accessed 21.12.2018).
2. Tatishchev V. *Istoriia Rossiiskaia*. Moscow: AST; Ermak, 2005. Vol. 1. 568 p. (In Russ.). [Tat-

- ishchev V. *History of Russia*. 1. Moscow: AST; Ermak, 2005. Vol. 1. 568 p.].
3. Kalinin I.M. *O rasprostraneni samoeedov v proshlom. Iz novykh arkhivnykh materialov* // Izv. GRGO. 1929. Vol. LXI, issue I. Pp. 77–80. (In Russ.). [Kalinin I.M. *On the spread of the Samoyeds in the past. From new archival materials* // Izvestia GRGO, 1929. Vol. LXI, issue I. Pp. 77–80].
 4. Vasilyev V.I. *Problemy formirovaniia severosamodiiskikh narodnostei*. Moscow: Nauka, 1979. 243 p. (In Russ.). [Vasiliev V.I. *Problems of formation of North-Samodian peoples*. Moscow: Science, 1979. 243 p.].
 5. Gemuev I.N., Molodin V.I., Sokolova, Z.P. (eds.) *Narody Zapadnoi Sibiri. Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety. Narody i kul'tury*. Tishkov V.A., Cheshko S.V. (eds.). Moscow: Nauka, 2005. 805 p. (In Russ.). [Gemuev I.N., Molodin V.I., Sokolova, Z.P. (eds.) *Peoples of Western Siberia. Khanty. Mansi. Selkupy. Nenets. Enets. Nganasans. Kets. Peoples and Cultures*. Tishkov V.A., Cheshko S.V. (eds.). Moscow: Science, 2005. 805 p.].
 6. *Povest' vremennykh let*. St. Petersburg: Vita Nova, 2012. 512 p. (In Russ.). [*Tale of Bygone Years*. St. Petersburg: Vita Nova, 2012. 512 p.].
 7. Vershinin E.V., Vizgalov G.P. (eds.). *Obdorskii krai i Mangazeia v XVII veke*. Sbornik dokumentov. Ekaterinburg: "Tezis", 2004. 200 p. (In Russ.). [Vershinin E.V., Vizgalov G.P. (eds.). *Obdorsky region and Mangazeya in the XVII century*. Collection of documents. Ekaterinburg: Thesis, 2004. 200 p.].
 8. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei imperatorskoi Akademii nauk*. St. Petersburg: Tipografiia II otdeleniia sobstvennoi Ee Imperatorskogo Velichestva kantseliarii, 1836. 548 p. (In Russ.). [*Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences*. St. Petersburg: Printing house of the II department of Her Imperial Majesty's office, 1836. 548 p.].
 9. Nikolayeva D. (eds.) *Puteshestvie cherez Moskoviiu Korniliia de Bruina. 1701. 1708. Severnye vorota Rossii. Soobshcheniia puteshestvennikov XVI-XVIII vekov ob Arkhangel'ske i Arkhangel'skoi gubernii*. Moscow: OGI, 2009. Pp. 51–112. (In Russ.). [Nikolayeva D. (eds.) *Journey through Moscow of Cornelius de Bruin. 1701. 1708. The Northern Gate of Russia. Reports of travelers XVI–XVIII centuries about Arkhangelsk and Arkhangelsk province*. Moscow: OGI, 2009. Pp. 51–112].
 10. Lepekhin I.I. *Puteshestvie akademika Ivana Lepekhina. IV. V 1772 godu*. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1805. 463 p. (In Russ.). [Lepekhin I.I. *Journey of Academician Ivan Lepekhin. IV. In 1772*. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1805. 463 p.].
 11. Luk'ianchenko T.V. Saamy. *Narody Sibiri i Severa Rossii v XIX veke (etnograficheskaiia kharakteristika)*. Simchenko Y.B., Tishkov V.A. (eds.). Moscow: KMTs; IEA RAN, 1993. Pp. 9–28. (In Russ.). [Lukyanchenko T.V. Saami. *Peoples of Siberia and the North of Russia in the XIX century (ethnographic characteristic)*. Simchenko Y.B., Tishkov V.A. (eds.). Moscow: CMC; IEA RAS, 1993. Pp. 9–28].
 12. Kiselev A.A. *Ocherki etnicheskoi istorii Kol'skogo Severa*. Murmansk: MGPU, 2009. 145 p. (In Russ.). [Kiselev A.A. *Essays on the ethnic history of the Kola North*. Murmansk: MGPU, 2009. 145 p.].
 13. Dolgikh B.O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke*. Moscow: Nauka, 1960. 622 p. (In Russ.). [Dolgikh B.O. *Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century*. Moscow: Science, 1960. 622 p.].
 14. Bakhrushin S.V. *Samoeedy v XVII veke*. Vol. III, part 2. Moscow, 1955. Pp. 5–12. (In Russ.). [Bakhrushin S.V. *Samoyeds in the XVII century*. Vol. III, part 2. Moscow, 1955. Pp. 5–12].
 15. Kvashnin Iu.N. *K voprosu o granitse rasseleniia nentsev i entsev v XVII veka. Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa*. Part 1. St. Petersburg: MAE RAN, 2004. Pp. 163–166. (In Russ.). [Kvashnin Yu.N. *On the question of the boundary of the settlement of Nenets and Enets in the*

- XVII century. *Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North*. Part 1. St. Petersburg: MAE RAS, 2004. Pp.163–166].
16. Efimov A.V. (ed.). *Atlas geograficheskikh otkrytii v Sibiri i v Severo-Zapadnoi Amerike XVII–XVIII vekov*. Moscow: Nauka, 1964. 134 p. (In Russ.). [Efimov A.V. (ed.). *Atlas of geographical discoveries in Siberia and in North-West America of the XVII–XVIII centuries*. Moscow: Science, 1964. 134 p.].
 17. *Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennaia Tobol'skim synom boiarskim Semenom Re-mezovym v 1701 godu*. St. Petersburg: Arkheograficheskaja komissiiia, 1882. 48 p. (In Russ.). [*The drawing book of Siberia, compiled by the son of Tobolsk boyar Semen Remezov in 1701*. St. Petersburg: Archeographical Commission, 1882. 48 p.].
 18. Esida A. V poiskakh predkov gydanskikh nentsev (po literaturnym istochnikam). *Narody Sibiri (sibirskii etnograficheskii sbornik)*. Sokolova Z.P. (ed.). Moscow: KMTs; IEA RAN. 1997. Pp. 140–170. (In Russ.). [Esida A. In search of the ancestors of the Gydan Nenets (according to literary sources). *Peoples of Siberia (Siberian ethnographic collection)*. Sokolova Z.P. (ed.). Moscow: CMC; IEA RAS. 1997. Pp. 140–170].
 19. Kvashnin Ju.N. Entszy: problemy i perspektivy sokhraneniia etnosa. *Tobol'sk nauchnyi – 2010. Materialy sed'moi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tobolsk, 2010. Pp. 96–99. (In Russ.). [Kvashnin Yu.N. Entszy: problems and prospects for the preservation of the ethnic group. *Scientific Tobolsk – 2010. Materials of the seventh All-Russian scientific-practical conference*. Tobolsk, 2010. Pp. 96–99].
 20. *Udmurtsko-russkii slovar'*. T.R. Dushenkova, L.E. Kirillova (eds.). Izhevsk: UIIIaL UrO RAN, 2008. 925 p. (In Russ.). [*Udmurt-Russian dictionary*. T.R. Dushenkova, L.E. Kirillova (eds.). Izhevsk: UIIYAL UB RAS, 2008. 925 p.].
 21. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. Vol. 4. Moscow: Progress, 1987. 864 p. (In Russ.). [Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 4. Moscow: Progress, 1987. 864 p.].
 22. Dal V. *Tolkovyii slovar' zhivago velikorusskogo iazyka*. Vol. 4. St. Petersburg-Moscow: Izdatel'stvo M.O. Vol'fa, 1882. 704 p. (In Russ.). [Dal V. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 4. St. Petersburg-Moscow: Publishing M.O. Wolf, 1882. 704 p.].
 23. *Komi-permiatsko-russkii slovar'*. R.M. Batalova, A.S. Krivoshechkova-Gantman (eds.). Moscow: Russkii iazyk, 1985. 624 p. (In Russ.). [Komi-Permian-Russian dictionary. R.M. Batalova, A.S. Krivoshechkova-Gantman (eds.). Moscow: Russian language, 1985. 624 p.].
 24. *Sravnitel'nyi slovar' komi-zyrianskikh dialektov*. V.A. Sorvacheva (ed.). Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1961. 492 p. (In Russ.). [*Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects*. V.A. Sorvacheva (ed.). Syktyvkar: Komi book publishing house, 1961. 492 p.].
 25. Beznosikova L.M., Aibabina E.A., Kosnyreva R.I. *Komi-russkii slovar' (Komi-roch kyvchukör)*. Syktyvkar, 2000. 812 p. (In Russ.). [Beznosikova L.M., Aibabina E.A., Kosnyreva R.I. *Komi-Russian dictionary (Komi-roch kyvchukör)*. Syktyvkar, 2000. 812 p.].
 26. Sakharova M.A., Selkov N.N. *Izhemskii dialekt komi iazyka*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 288 p. (In Russ.). [Sakharova M.A., Selkov N.N. *Izhma dialect of Komi language*. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1976. 288 p.].
 27. *Zyrianskii mir. Ocherki o traditsionnoi kul'ture komi naroda*. N.D. Konakov (ed.). Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. 432 p. (In Russ.). [*World of Zyryans. Essays on the traditional culture of the Komi people*. N.D. Konakov (ed.). Syktyvkar: Komi book publishing house, 2004. 432 p.].
 28. *Polevyie materialy avtora. Ekspeditsiia v Nadymskii raion IaNAO, 2002. Tetrad' I*. (In Russ.). [*Field materials of the Author. Expedition to the Nadym region of the Yamal-Nenets autonomous district, August 2002. Notebook I*].
 29. *Polevyie materialy avtora. Ekspeditsiia v Priural'skii raion IaNAO, 2004. Tet-rad' I*. (In Russ.). [*Field materials of the author. Expedition to the Priuralsky region of the Yamal-Nenets autonomous district, August 2004. Notebook I*].

30. *Polevye materialy avtora. Ekspeditsiia v Purovskii raion IaNAO, 2011. Tetrad' 1.* (In Russ.). [Field materials of the Author. Expedition to the Purovsky District of the Yamal-Nenets autonomous district, March 2011. Notebook 1].
31. Grishkina M.V., Ivanov M.G., Trefilov G.N., Pavlov N.P. (eds.). *425 let dobrovol'nogo pris-oedineniia Udmurtii k Rossii (1558–1983)*. Izhevsk, 1983. 110 p. (In Russ.). [Grishkina M.V., Ivanov M.G., Trefilov G.N., Pavlov N.P. (eds.). *425 years of voluntary accession of Udmurtia to Russia (1558–1983)*. Izhevsk, 1983. 110 p.].
32. Pimenov V.V. (eds.). *Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki*. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN, 1993. 392 p. (In Russ.). [Pimenov V.V. (eds.). *Udmurts: historical and ethnographic essays*. Izhevsk: UIIYAL UB RAS, 1993. 392 p.].
33. Vladykin V.E., Khristoliubova L.S. *Etnografiia udmurtov*. Uchebnoe posobie po kraevedeniiu. Izhevsk, 1997. 248 p. (In Russ.). [Vladykin V.E., Khristolyubova L.S. *Ethnography of Udmurts*. Study guide for local lore. Izhevsk, 1997. 248 p.].
34. Khomich L.V. *Nenetsko-russkii slovar'*. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1954. 124 p. (In Russ.). [Khomich L.V. *Nenets-Russian dictionary*. Leningrad: State Pedagogical Publishing House, 1954. 124 p.].
35. Tereshchenko N.M. *Nenetsko-russkii slovar'*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1965. 944 p. (In Russ.). [Tereshchenko N.M. *Nenets-Russian dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965. 944 p.].
36. Pyrerka, A.P., Tereshchenko N.M. *Russko-nenetskii slovar'*. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1948. 408 p. (In Russ.). [Pyrerka, A.P., Tereshchenko N.M. *Russian-Nenets dictionary*. Moscow: OGIZ; State publishing house of foreign and national dictionaries, 1948. 408 p.].
37. Barmich M.Ia., Vello I.A. *Slovar' nenetsko-russkii i russko-nenetskii (lesnoi dialekt)*. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002. 288 p. (In Russ.). [Barmich M.Ya., Vallo I.A. *Dictionary of Nenets-Russian and Russian-Nenets (forest dialect)*. Sankey-Petersburg: Enlightenment, 2002. 288 p.].
38. Alishina Kh.Ch. Onomasticheskoe prostranstvo Tiimenskoi oblasti: tiurko-samodiiskie iazyk-ovye kontakty. *Samodiitsy. Materialy. IV Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (10-12 dekabria 2001)*. Tobolsk; Omsk: OmGPU, 2001. Pp. 90–92. (In Russ.). [Alishina H.CH. Onomastic space of the Tyumen region: Turkic-Samoyed language contacts. *Samoyedy. Proceedings of the IV Siberian Symposium «Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia» (December 10-12, 2001)*. Tobolsk; Omsk: OmGPU, 2001. Pp. 90–92].
39. Verbov G.D. *Kratkii nenetsko-russkii i russko-nenetskii slovar'*. Salekhard: Izdatel'stvo Iamal'skogo okruzhnogo komiteta novogo alfavita, 1937. 180 p. (In Russ.). [Verbov G.D. *Brief Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary*. Salekhard: Publishing House of the Yamal District Committee of the New Alphabet, 1937. 180 p.].
40. Koshkareva N.B. (eds.). *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo iazyka*. Ekaterinburg: Basko, 2010. 352 p. (In Russ.). [Koshkareva N.B. (eds.). *Dialectological dictionary of the Nenets language*. Ekaterinburg: Basko, 2010. 352 p.].
41. Khomich L.V. *Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii nentsev*. Leningrad: Nauka, 1976. 192 p. (In Russ.). [Khomich L.V. *Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Nenets*. Leningrad: Science, 1976. 192 p.].
42. Barmich M.Ia., Taleeva E.M. *Praktikum po leksike nenetskogo iazyka*. Vol. 1. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002. 112 p. (In Russ.). [Barmich M.Ya., Taleeva E.M. *Workshop on the vocabulary of the Nenets language*. Vol. 1. St. Petersburg: Enlightenment, 2002. 112 p.].
43. Nenyang M.A. *Russko-nenetskii razgovornik*. St. Petersburg: Drofa, 2005. 151 p. (In Russ.). [Nenyang M.A. *Russian-Nenets phrasebook*. St. Petersburg: Drofa, 2005. 151 p.].
44. Mezen'. *Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia*. Dostup: <https://bigenc.ru/geography/text/2200437> (data obrashcheniia 21.12.2018) (In Russ.). [Mezen. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: <https://bigenc.ru/geography/text/2200437> (accessed 12/21/2018)].
45. Maksimov S. *God na Severe*. St. Petersburg: Tipografiia A. Transhelia, 1871. 690 p. (In Russ.).

- [Maksimov S. *One year in the North*. St. Petersburg: Printing house of A. Transhel, 1871. 690 p.].
46. Pustozersk. *Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia*. Dostup: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3173524 (data obrashcheniia 21.12.2018) (In Russ.). [Pustozersk. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3173524 (accessed 12/21/2018)].
 47. Perevalova E.V. *Severnye khanty: etnicheskaia istoriia*. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. 414 p. (In Russ.). [Perevalova E.V. *Northern Khanty: ethnic history*. Ekaterinburg: UB RAS, 2004. 414 p.].
 48. Rezun D.Ia., Vasilievsky R.S. *Letopis' sibirskikh gorodov*. Novosibirsk. 1989, 304 p. (In Russ.). [Rezun D.Ya., Vasilievsky R.S. *Chronicle of Siberian cities*. Novosibirsk 1989, 304 p.].
 49. Salekhard. *Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia*. Dostup: <https://bigenc.ru/geography/text/3528963> (data obrashcheniia 21.12.2018) (In Russ.). [Salekhard. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: <https://bigenc.ru/geography/text/3528963> (accessed 12/21/2018)].
 50. *Spisok naseleennykh mest Arkhangel'skoi gubernii. Na 1-e maia 1922 goda*. Arkhangel'sk, 1922. 302 p. (In Russ.). [*The list of populated places of the Arkhangelsk province. On the 1st of May 1922*. Arkhangel'sk: Printing house of the Arkhgubsoyuz Cooperatives, 1922. 302 p.].
 51. Nar'ian-Mar. *Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia*. Dostup: <https://bigenc.ru/geography/text/2250389> (data obrashcheniia 21.12.2018) (In Russ.). [Naryan-Mar. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: <https://bigenc.ru/geography/text/2250389> (accessed 12/21/2018)].
 52. Vashchenko P.T. Osnovanie Dudinki. *Muzeinyi vestnik*. Dudinka, 2005. No. 4–5. Pp. 59–64. (In Russ.). [Vashchenko P.T. Foundation of Dudinka. *Museum Bulletin*. Dudinka, 2005. No. 4–5. Pp. 59–64].
 53. Dudinka. *Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia*. Dostup: <https://bigenc.ru/geography/text/1969887> (data obrashcheniia 21.12.2018) (In Russ.). [Dudinka. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: <https://bigenc.ru/geography/text/1969887> (accessed 12/21/2018)].
 54. Pospelov E.M. *Geograficheskie nazvaniia mira. Toponimicheskii slovar'*. Moscow: Russkie slovari; Astrel; AST, 2012. 512 p. (In Russ.). [Pospelov E.M. *Geographical names of the world*. Toponymic dictionary. Moscow: Russian dictionaries; Astrel; AST, 2012. 512 p.].
 55. Shrenk A. *Puteshestvie k severo-vostoku Evropeiskoi Rossii cherez tundry samo-edov k Severnym Ural'skim goram v 1837 godu*. St. Petersburg: Tipografiia G. Trusova, 1855. 665 p. (In Russ.). [Shrenk A. *Journey to the northeast of European Russia through the tundras of the Samoyeds to the Northern Ural Mountains in 1837*. St. Petersburg: G. Trusov Printing House, 1855. 665 p.].
 56. Dolgikh B.O. *Ocherki po etnicheskoi istorii nentsev i entsev*. Moscow: Nauka, 1970. 269 p. (In Russ.). [Dolgikh B.O. *Essays on the ethnic history of the Nenets and Enets*. Moscow: Science, 1970. 269 p.].

Yu.N. Kvashnin. On the semantic shift in the meanings of the words house, village, city in the Nenets language.

The article studies the problems of a semantic shift in the meanings of the words “house”, “village”, “city” in the Nenets language. Based on descriptions extracted from dictionaries and historical and ethnographic works, it was established that the Nenets used the words “dwelling” and “settlement” exclusively for traditional tchums and campsites. During the historical processes that took place over the centuries on the territory of the Nenets, wide contacts with Russian settlers, they did not directly borrow Russian words for their language, but rather began to use Nenets words for stationary houses and villages. In these examples, we can observe how the language adapts the traditional words and concepts in a constantly changing environment.

Key words: tundra Nenets, tchum, camp, house, settlement, city, semantic shift.

© А.М. Белов, А.А. Рыбин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА ЦЕЛИНЕ В 1954–1964 гг.

Авторы на основании делопроизводственной документации, материалов периодической печати, воспоминаний современников представили картину повседневной жизни целинников. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что по прибытию на новые земли зачастую люди оказывались в условиях, мало пригодных для проживания. Преодолевая трудности, постепенно социальная инфраструктура на целине приобретала привычный для Центральной России вид: строились благоустроенные дома, возводились объекты культуры. Свой досуг целинники проводили в кинотеатрах, клубах и библиотеках, занимались в кружках художественной самодеятельности, проводили спортивные соревнования. Но все же люди были социально не защищены в неудовлетворительном состоянии находилось медицинское обслуживание: не везде работали фельдшерские пункты, ощущался постоянный недостаток врачей. Новоселы столкнулись с рядом проблем, приводящих к нарушению привычной повседневной жизни: случаями массовых драк и хулиганства на почве алкоголизма; временами враждебным отношением коренного населения к приезжим; ядерными испытаниями вблизи новых хозяйств. Тем не менее в короткие сроки было налажено крупномасштабное производство зерновых культур, за счет чего страна смогла временно снять назревший в послевоенное время продовольственный вопрос.

Ключевые слова: повседневная жизнь, жилищно-бытовые условия, рабочий процесс, заработанная плата, досуг, целинные и залежные земли.

В 2019 г. исполняется 65 лет с начала освоения целинных и залежных земель, в этой связи исследователи пытаются переосмыслить накопленный в СССР опыт по освоению пустующих территорий. Земельный вопрос и сегодня актуален в обществе, так как государство реализует кампанию по освоению необжитых территорий Дальнего Востока. Президент РФ В.В. Путин в своем обращении к Федеральному собранию в 2016 г. отметил, что необходимо ввести в оборот миллионы гектаров заброшенных земель. За прошедшие годы опубликовано большое количество исследований по це-

Белов Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, ул. Дзержинского, 17). Эл. почта: belovi_1957@mail.ru. **Belov Andrej M.** – Kostroma state University (Kostroma, Dzerzhinsky str., 17). E-mail: belovi_1957@mail.ru.

Рыбин Андрей Александрович – аспирант кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, ул. Дзержинского, 17). Эл. почта: rybin-andreyka@bk.ru. **Rybin Andrej A.** – Kostroma state University (Kostroma, Dzerzhinsky str., 17). E-mail: rybin-andreyka@bk.ru.

линной проблематике, но до сих пор многие ее аспекты остаются малоизученными. В данной работе нами предпринята попытка выявления трудностей, с которыми столкнулись добровольцы, и составления общей картины повседневной жизни на целине.

В послевоенное время в Советском Союзе разразился продовольственный кризис. Это было вызвано рядом причин: во-первых, посевные площади в стране сократились и в 1953 г. составили 106,7 млн га против 110,6 млн га в 1940 г.; во-вторых, на фоне роста численности населения невысокая урожайность и низкие темпы производства зерна вызвали его нехватку [1: 4]. Руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым для решения продовольственной проблемы инициировало кампанию по освоению целинных и залежных земель. На февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС 1954 г. было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» [2: 359], на основании которого предполагалось ввести в оборот 13 млн га неиспользуемых земель в северо-восточных районах Казахской ССР, в Западной Сибири, на Урале, в Поволжье и частично на Северном Кавказе. На целине развернулась крупномасштабная работа по налаживанию сельскохозяйственного производства в стремлении быстро увеличить валовый сбор зерна.

По призыву партии на новые земли отправились сотни тысяч советских граждан. Так, за рассматриваемый период только из Ивановской, Костромской и Ярославской областей выехало 23 161 человек. В основном это была молодежь от 18 лет [3] и люди среднего возраста, преимущественно не старше 40 лет [4].

На первом этапе освоения новых земель целинники столкнулись с отсутствием жилья; зачастую в местах их поселения не было элементарных бытовых условий [5]. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания участников тех событий. Так, весной 1954 г. по прибытию в Алтайский край ивановцы приступили к строительству 20 сборных домов. На их монтаже работало пять молодежных бригад. Первый дом был возведен за 6 дней [6]. К концу августа 1954 г. на станции Шипуново Алтайского края Туркестано-Сибирской железной дороги был образован новый поселок [7]. В совхозе «Ключевской» Акмолинской обл. Казахской ССР 12 апреля 1954 г. силами москвичей и ивановцев началось строительство жилищно-бытовой инфраструктуры: рабочие рыли котлованы под фундаменты сборных домов, разбивали участки для прокладки улиц будущего населенного пункта [8]. Несмотря на нехватку стройматериалов и инструментов [8], к концу апреля был сдан первый дом, впоследствии в поселке появились столовая, баня, электростанция, была заложена школа.

Первые письма с целины отражали впечатления прибывших на место назначения. В одном из них, пришедшем из города Уральска Западно-Казахстанской обл., механизатор Алгабасской МТС М. Смирнов сообщал о теплом приеме и о торжественном вечере, который состоялся в институте им. А.С. Пушкина [9].

В воспоминаниях, позднее опубликованных первоцелинниками, также приводятся подробности прибытия на новые земли весной 1954 г. Так, костромич А.В. Беляев пишет, что по приезду он увидел голую степь и полное отсутствие условий для нормального существования. Жить в палатках рабочим приходилось по полгода – с конца апреля по конец октября. Целинники-одиночки размещались в общих двадцатиместных палатках с двойными стенами и крышей, с окнами из толстого светлого-желтого целлофана, семейные пары – в отдельных четырехместных, без байковой (шерстяной) стенки, которая защищала бы от холода. Матрацы и подушки были

набиты сухим, острым ковылем. Совхозная контора также поначалу располагалась в обычной палатке. Только ближе к зиме общими усилиями целинники соорудили два барака из саманного кирпича (саман – глина, смешанная с соломой) и несколько землянок, покрытых дерном. Анатолий Васильевич отмечает, что летом в таком жилье было более-менее комфортно, но с наступлением холодов температура воздуха в домах не поднималась выше нуля: вода в помещении замерзала, и рабочие топили лед в металлических кружках на печах-«буржуйках» [10].

Строительство в новых климатических условиях было непривычным делом для прибывших добровольцев, дополнительные проблемы создавал и незнакомый строительный материал – саман. От обращения с ним кожа на руках переселенцев трескалась, а неправильно сложенные стены размывались дождем. Тем не менее приходилось приспосабливаться к местным условиям. В совхозе «Москворецкий» вместе с ярославцами работали москвичи, ленинградцы и кубанцы. Первой, освоившей строительство из самана, стала бригада ярославцев, возглавляемая В. Асафьевым, впоследствии ставшая передовой строительной бригадой совхоза. В архивных материалах есть упоминание и о бригаде девушек под руководством В. Коробовой, работавших до целины проводниками на станции Ярославль-Главный [11].

Несмотря на тяжелые условия жизни и труда, люди не теряли оптимизма и жизненного задора. Они проводили свой досуг в кино, библиотеке, клубе [12], занимались в кружках художественной самодеятельности, устраивали спортивные соревнования между совхозами [13].

Продолжительность рабочего дня была в среднем 12-14 часов независимо от возраста, стажа или опыта работы [14]. Рабочий день начинался в 7 утра и заканчивался иногда в 2 часа ночи [15]. Обедали, как правило, на открытом воздухе или в импровизированной столовой. Многие участники целинной кампании сообщают о плохой организации питания. В частности, рассказывают, что на работу приходилось выходить без завтрака, при этом перерыв на обед тоже был не всегда, и питались зачастую на ходу всухомятку. Н.И. Соловьев вспоминает, что в еду добавлялся комбизир, в целом же завтрак, обед и ужин не отличались разнообразием [16], а костромич Е.С. Зайцев пишет, что из-за того, что кормили одними макаронами, была организована забастовка. А.А. Захаров также подтверждает, что рабочие не были удовлетворены питанием. Во многих мемуарах отмечается, что основной набор продуктов приехавших ограничивался хлебом, крупами, бараниной, картофелем и овощами [17].

Заработок постоянных рабочих на целине составлял в среднем 550–800 руб. в месяц [18: 240]. Средняя заработанная плата работников сельского хозяйства в середине 1950-х годов составляла 458 руб. [19: 36]. Привлеченные на летний сезон, в основном учащиеся, также иногда получали зарплату, однако, как правило, они трудились за трудодни. На один трудодень полагалось не менее 3 кг зерна или 5 руб. наличными [20]. В совхозах и на хлебоприемных пунктах сезонным работникам начислялось не менее 12 руб. в день [20]. В некоторых районах добровольцы получали хорошие деньги. Так, костромич Е.С. Зайцев вспоминает: «Мы зарабатывали нормально, нам дважды рублей по 100 давали аванс и за период уборки урожая я заработал 1400 рублей, а девчонки в среднем 900–1000 рублей. Я вернулся домой и купил себе костюм, пиджак, брюки, пальто демисезонное, рубашку, часы. Кроме этого за 286 тонн, перемолоченных на целине, мне начислили 216 килограмм зерна, которое можно было по чеку получить на ближайшем элеваторе. Так, вернувшись

домой, я помог матери с продовольствием, воспользовавшись чеком» [21]. Стоит отметить, что на рубеже 1950–1960-х годов 1 кг ржаного хлеба стоил 1 руб. 35 коп. [22]. В то же время Н.И. Соловьев рассказывает, что заработанные деньги не на что было потратить ввиду дефицита товаров: «Что касается денег, то к ним относились очень хладнокровно, достанешь чемодан с деньгами, возьмешь, пересчитаешь наличные, а потом обратно их убираешь на место» [23]. В целом ситуации с достойной оплатой на целине не были широко распространены. Современники отмечают, что после первого уборочного сезона 1956 г. поездки на целину бывшего ажиотажа не вызывали, т.к. заработок там был низким [24: 306].

Медицинское обслуживание было неудовлетворительным: не везде были созданы медпункты, поэтому не всегда своевременно оказывалась необходимая помощь [25]. Построенные фельдшерские пункты зачастую пустовали из-за отсутствия квалифицированных кадров [26]. Стоит отметить, что на целину часто отправлялись добровольцы, не имевшие опыта работы в сельском хозяйстве; это увеличивало риски получения различных травм. Только в Казахской ССР в районах освоения новых земель в 1954 г. было зарегистрировано 110,8 тыс. травм, а в 1955 г. – 154,3 тыс. После несчастных случаев люди зачастую оставались инвалидами [27] или даже погибали. Только в октябре 1954 г. на территории Казахской ССР было зафиксировано 13 несчастных случаев с летальным исходом. [28]. Костромич А.В. Беляев вспоминает, как, работая в поле, напарник тракториста А. Лысов попал под плуг, а сам тракторист отвлекся и не успел отреагировать. Рабочие пытались спасти товарища, но через 2 дня он умер [29]. Только к началу 1960-х годов на целине появились стационарные медицинские учреждения (поликлиники).

В связи с тем, что в Казахской ССР ряд осваиваемых земель располагался вблизи полигона Далонь (Семипалатинской обл.), где проводились испытания ядерного оружия, некоторые целинники получили повышенные дозы радиации. Взрывы наносили ущерб окружающей среде, радиоактивные осадки покрывали значительные площади. Так, уроженка г. Иваново П.И. Базай вспоминает, что в 650 км от пос. Мирный, где она работала, находился полигон Далонь. Во время испытательных взрывов были видны вспышки в виде черно-красного гриба, до поселка доходили яркие свечения и воздушные волны. Подобные случаи за время пребывания на новых землях, по словам Полины Ивановны, происходили не менее 5 раз. После 1960-х годов у жителей совхозного поселка стали диагностировать онкологические заболевания, и в течение нескольких лет многие из них умерли [30: 50]. Все это приводило к оттоку населения, который усиливался отсутствием социальной поддержки. Молодым специалистам зарплату выплачивали не полностью, а иногда выдавали ее урожаем. Так, приехавшая из г. Иваново Т. Комарова за год работы в хозяйстве «Мирный» получила на трудодни воз овсяной соломы. Поэтому прибывшие на целину по распределению, отработав обязательные 3 года, покидали ее в поисках лучшей жизни [30: 53].

Одной из проблем, с которой столкнулись добровольцы, стало враждебное отношение к ним со стороны коренного населения осваиваемых районов. Ивановец В.Н. Тихомиров вспоминал, что на казахской целине возникали конфликты как с местной молодежью, так и со старшим поколением. Местные жители были недовольны распашкой степей, они теряли пастбища для коней и верблюдов [30: 56]. Костромич Н.И. Соловьев рассказывал, что с коренным казахским населением отношения были неоднозначные. По завершению уборки в хозяйстве произошел инцидент, в результате

которого все трактора были выведены из строя. По моторным отсекам были нанесены удары кувалдами, в связи с чем на двигателях появились трещины; вся бригада встала на ремонт [30: 56]. О враждебном отношении местного населения говорит и костромич А.А. Захаров. По этому поводу, как вспоминает Арнольд Алексеевич, состоялась беседа сотрудника КГБ со студентами Костромского сельскохозяйственного института, прибывшими на уборку урожая в Казахскую ССР. Молодых людей предупредили, что в некоторых районах были обнаружены воткнутые в землю металлические стержни, которые выводили из строя комбайны. На ремонт техники обычно уходило 2-3 дня, что приводило к потере урожая. Для бесперебойной работы сотрудник службы безопасности рекомендовал студентам предварительно проходить по полю, проверяя его на наличие металлических стержней, и только потом запускать комбайны [17].

Нередки были случаи нарушения трудовой дисциплины на целине. Так в 1960 г. в отряде костромичей, работавшем на уборке урожая в Актюбинской обл. Казахской ССР, были зафиксированы факты халатного отношения к делу и безнравственного поведения. Целинники выпивали, затевали драки. В совхозе «Актюбинский» Хобдинского р-на Актюбинской обл. Казахской ССР без уведомления руководства хозяйства была организована свадьба, которая закончилась массовыми гуляниями с алкоголем, в результате погибли костромич Н. Башкиров и приехавший из Татарской ССР Н. Азмуханов. Бригадир А. Абрамов и ответственный за работу костромичей в совхозе Н. Шереметьев не только не предотвратили пьянку, но и приняли в ней участие. В совхозе «Хобдинский» костромичи также стали организаторами коллективной попойки, закончившейся избиением молодых рабочих. В этом совхозе был отмечен еще один случай массового нарушения дисциплины: члены бригады Круглова самовольно покинули рабочие места на зернохранилище на 2 часа раньше положенного срока, сорвав погрузку зерна на автомашины. В этот же период в колхозе «Коммунист» Ключевого р-на был отмечен случай, когда трое рабочих из Буя (Запонков, Чистов и Поляков) в первый же вечер по приезду распивали алкогольные напитки. У колхозного клуба они нагрубили прохожим, а ночью сбежали в неизвестном направлении. Отмечалось падение дисциплины и в комсомольских бригадах: не везде проводились комсомольские собрания; по итогам работы не выпускались боевые листки и молнии; не отмечались лучшие работники; не боролись с нарушителями трудовой и общественной дисциплины. В советское время это считалось грубейшим нарушением установленных правил и зачастую за это наказывали комсorghов и секретарей РК ВЛКСМ [31].

Таким образом, повседневная жизнь людей на целине была связана со значительными трудностями. Отсутствие элементарных условий, непривычный климат, а иногда и конфликты с коренными жителями – все это создавало значительные проблемы в освоении новых земель на востоке страны. Перебои со снабжением, непривычные условия труда и быта приводили к постоянному оттоку профессиональных кадров. Несмотря на относительный успех в первые годы освоения целины, отмеченный ростом урожая зерновых, энтузиазм людей быстро угасал. В целом эта кампания позволила государству решить продовольственную проблему лишь на время. Тем не менее в тех областях, где удалось наладить повседневную жизнь людей, образовались новые колхозы и совхозы, в последующие десятилетия получавшие устойчивые урожаи сельскохозяйственных культур и вносящие весомый вклад в решение проблемы продовольственного снабжения населения страны.

Литература

1. Алтухов А.И. Значение освоения целинных и залежных земель для развития зернового хозяйства страны // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, 2014. № 2. С. 3–8.
2. Егорова А.Г., Боголюбова К.М. (под общ. ред.). *Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК КПСС (1898–1988)*. – М.: «Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС», 1985. Т. 8: 1946–1955. С. 359.
3. ЦДНИ ГАЯО. Ф.594. Оп. 33. Д. 1121. Л.104; Д 1062. Л.16
4. ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп. 24. Д. 57. Л. 2
5. РГАСПИ. М. 1 Оп. 9. Д. 295. Л. 176.
6. *Рабочий край*, 1954 (22 сентября). № 189.
7. *Ленинец*, 1955 (9 января). № 4.
8. *Ленинец*, 1955 (1 марта). № 26.
9. *Северная правда*, 1954 (27 апреля).
10. *Молодой Ленинец*, 2008(29 октября).
11. *Юность*, 1963(6 июля). № 81.
12. ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 98. Л. 110.
13. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 313. Л. 50.
14. *Сталинская смена*, 1954 (26 сентября). № 78.
15. *Ленинец*, 1958 (9 октября). № 201.
16. *Северная правда*, 2004 (25 марта).
17. *Полевые материалы автора (Захаров А.А.)*. Кострома, 2016 (31 марта).
18. Шокаева А.А. (гл. ред.). *Подвиг с именем Целина. Сборник, посвященный 60-летию освоения целинных и залежных земель в Акмолинской области на основе документов Государственного архива города Астаны*. Доступ: «KazServicePrintLTD». Астана, 2014. С. 240.
19. *Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.»*. Доступ: <http://istmat.info/node/18454> (дата обращения 26.02.2019).
20. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 1141. Л. 152.
21. *Полевые материалы автора (Зайцев Е.С.)*. Кострома, 2016 (21 февраля).
22. Тулякова М.А. Кинообслуживание населения Горьковской области в послевоенное время (1946–1964 годы) // *Вестник ЧелГУ*, 2011. № 12. Доступ: cyberleninka.ru/article/n/kinoobslyuzhivanie-naseleniya-gorkovskoy-oblasti-v-poslevoennoe-vremya-1946-1964-gody (дата обращения: 24.01.2019).
23. *Северная Правда*, 2004 (25 марта).
24. Балдин К.Е. *Ивановский государственный университет 1918–2003 годы. Очерки истории*. ИГУ. Иваново, 2004. С. 306.
25. ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 20. Д. 417. Л. 40-43; 56.
26. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3590. Л. 15.
27. Аликеева Г.М., Саятова А.С., Шахиева А.М. Становление здравоохранения Казахстана в годы освоения целины // *Вестник КазНМУ*, 2015. № 2. Доступ: cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-zdravoohraneniya-kazahstana-v-gody-osvoeniya-tselyny (дата обращения: 18.01.2019).
28. ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 20. Д. 417. Л. 56.
29. Беляев А.В. *Остановленные мгновения-2. Невыдуманные рассказы. Воспоминания. Ветлужский край*. Кострома, 2011. С. 85.
30. Предыбайло Л.А. *Студенты-целинники Ивановского сельскохозяйственного института. Ч. 1. (Серия «Жизнь замечательных выпускников ИВПИ, ИСХИ»*. ИГСХА им. Д. К. Беляева. Иваново, 2014. С. 50–56.
31. ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп. 32. Д. 62. Л. 51–52.

References

1. Altukhov A.I. Znachenie osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel' dlia razvitiia zernovogo khoziaistva strany. *Ekonomika sel'skokhoziaistvennykh i pererabatyvaiushchikh predpriiati*. Moscow, 2014. No. 2 (In Russ.). [Altukhov I. The Value of virgin and fallow lands development for the development of grain economy of the country. *Economy of agricultural and processing enterprises*. Moscow, 2014. No. 2].
2. Egorova A.G., Bogoliubova K.M. (pod obshch. red.). Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuz. Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuz v rezoliutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK KPSS (1898–1988). Moscow: «In-t Marksizma-Leninizma pri TsK KPSS», 1985. Vol. 8: 1946–1955. Pp. 359. (In Russ.). [Egorova A.G., Bogolyubov K. M. (ed. by). *Communist party of the Soviet Union. Communist party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the CPSU Central Committee (1898–1988)*. Moscow: «In-t Marxism-Leninism at the CPSU Central Committee», 1985. Vol. 8: 1946-1955. Pp. 359].
3. *TsDNI GAIaO*. F.594. Op. 33. D. 1121. L.104; D. 1062. L. 16. (In Russ.).
4. *GANIKO*. P-1018. Op. 24. D. 57. L. 2. (In Russ.).
5. *RGASPI*. M. 1 Op. 9. D. 295. L. 176. (In Russ.).
6. *Rabochii krai*, 1954 (22 Sept.). No. 189. (In Russ.). [*Worker area*, 1954 (22 September). No. 189].
7. *Leninets*, 1955 (9 jan.). No. 4. (In Russ.). [*Leninets*, 1955 (January 9). No. 4].
8. *Leninets*, 1955 (1 mar.). No. 26. (In Russ.). [*Leninets*, 1955 (March 1). No. 26].
9. Severnaia pravda, 1954 (7 apr.). (In Russ.). [*Northern truth*, 1954 (April 27)].
10. *Molodoi Leninets*, 2008 (29 oct.). (In Russ.). [*Young Leninets*, 2008 (October 29)].
11. *Iunost'*, 1963 (6 jul.). No. 81. (In Russ.). [*Youth*, 1963 (July 6). No. 81].
12. *GAIaO*. F. 4773. Op. 6. D. 98. L. 110. (In Russ.).
13. *TsDNI GAIaO*. 4773. Op. 6. D. 313. L. 50. (In Russ.).
14. *Stalinskaia smena*, 1954 (26sep.). No. 78. (In Russ.). [*Stalin's generation change*, 1954 (26 September). No. 78].
15. *Leninets*, 1958 (9 oct.). No. 201. (In Russ.). [*Leninets*, 1958 (October 9). No. 201].
16. Severnaia pravda, 2004 (25 mar.). (In Russ.). [*Northern truth*, 2004 (March 25)].
17. Polevyie materialy avtora (Zakharov A.A.). Kostroma, 2016 (31 mar.). (In Russ.). [Field materials of the author (Zakharov A.). Kostroma, 2016 (March 31)].
18. Shokaeva A.A. (gl. red.). *Podvig s imenem Tselina. Sbornik, posviashchennyi 60-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel' v Akmolinskoi oblasti na osnove dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva goroda Astany*. Dostup: KazServicePrintLTD'. Astana, 2014. Pp. 240. (In Russ.). [Shokaeva A.A. (ed.). *The feat with the name Virgin. Collection dedicated to the 60th anniversary of the development of virgin and fallow lands in Akmola region on the basis of documents of the state archive of Astana*. Access: «KazServicePrintLTD». Astana, 2014. Pp. 240].
19. Statisticheskaya tablitsa TsSU USSR «Srednemesiachnaia denezhnaia zarabotnaia plata rabochikh i sluzhashchikh po otrasliam narodnogo khoziaistva USSR v 1940, 1945, 1950–1955 gg.». Dostup: <http://istmat.info/node/18454> (data obrashcheniia 26.02.2019). (In Russ.). [Statistical table of the CSO of the USSR «average Monthly salary of workers and employees by branches of the national economy of the USSR in 1940, 1945, 1950-1955». Available at: <http://istmat.info/node/18454> (accessed 26.02.2019)].
20. *TsDNI GAIaO*. F. 594. Op. 33. D. 1141. L. 152. (In Russ.).
21. Polevyie materialy avtora (Zaitsev E.S.). Kostroma, 2016 (21 feb.). (In Russ.). [Field materials of the author (Zaitsev E. S.). Kostroma, 2016 (February 21)].
22. Tuliakova M.A. Kinoobslyuzhivanie naseleniia Gor'kovskoi oblasti v poslevoennoe vremia (1946–1964 gody). *Vestnik ChelGU*, 2011. No. 12. Dostup: cyberleninka.ru/article/n/kinoobslyuzhivanie-naseleniya-gorkovskoy-oblasti-v-poslevoennoe-vremya-1946-1964-gody (data obrashcheniia: 24.01.2019). (In Russ.). [Tulyakova M. film Service of the population of the Gorky region in the post-war period (1946–1964). *Vestnik ChelGU*, 2011. No. 12. Access:

- cyberleninka.ru/article/n/kinoobslyuzhivanie-naseleniya-gorkovskoy-oblasti-v-poslevoennoe-vremya-1946-1964-gody (accessed: 24.01.2019)].
23. Severnaia Pravda, 2004 (25 mar.). (In Russ.). [Northern Truth, 2004 (March 25)].
 24. Baldin K.E. *Ivanovskii gosudarstvennyi universitet 1918–2003 gody. Ocherki istorii. IGU*. Ivanovo, 2004. Pp. 306. (In Russ.). [Baldin K. E. *Ivanovo state University 1918-2003. Essays on the history. IGU*. Ivanovo, 2004. Pp. 306].
 25. GARF. 7689. Op. 20. D. 417. L. 40-43; 56. (In Russ.).
 26. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 3590. L. 15. (In Russ.).
 27. Alikeeva G.M., Saiatova A.S., Shakhieva A.M. Stanovlenie zdravookhraneniia Kazakhstana v gody osvoiniia tseliny. *Vestnik KazNMU*, 2015. No. 2. Dostup: cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-zdravookhraneniya-kazahstana-v-gody-osvoeniya-tseliny (data obrashcheniia: 18.01.2019). [Alikeeva G.M., Shatova A.S., Sakieva A.M. The development of health of Kazakhstan in the years of the virgin lands. *Bulletin of KazNMU*, 2015. No. 2. Access: cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-zdravookhraneniya-kazahstana-v-gody-osvoeniya-tseliny (accessed: 18.01.2019)].
 28. GARF. 7689. Op. 20. D. 417. L. 56. (In Russ.).
 29. Beliaev A.V. Ostanovlennye mgnoveniia-2. Nevydumannye rasskazy. Vospominaniia. Vetluzhskii krai. Kostroma, 2011. Pp. 85. (In Russ.). [Belyaev V. Stopped moments-2. Unflattering stories. Memory lane. Vetluzhsky region. Kostroma, 2011. Pp. 85].
 30. Predybailo L.A. *Studenty-tselinniki Ivanovskogo sel'skokhoziaistvennogo instituta. Part 1.* (Seriia «Zhizn' zamechatel'nykh vypusnikov IVPI, ISKHI». IGSKhA im. D. K. Beliaeva. Ivanovo, 2014. Pp. 50–56. Predybailo L.A. *Students of the Ivanovo agricultural Institute. Part 1.* (A series «Life of remarkable graduates, IVPI, ISHI». IGSKHA them. D. K. Belyaev). Ivanovo, 2014. Pp. 50–56.
 31. GANIKO. P-1018. Op. 32. D. 62. L. 51–52. (In Russ.).

A.M. Belov, A.A. Rybin. The daily life in the virgin and fallow lands in 1954–1964.

Based on the records of management documentation, periodicals, memoirs of contemporaries, the article presents an overall picture of the daily life of virgin lands (tselina). The study showed that upon arrival to the new land volunteers were often forced to live in the severe conditions of lack of infrastructure. They had to live in tents or field trailers. At the same time, settlers themselves could improve their living conditions by building state-farm (sovkhoz) settlements. Such work required a lot of effort. The average working time was 12–14 hours a day, regardless of the age, length of service and experience of a volunteer who arrived to the virgin lands. Earnings ranged between 500–1400 rubles per month in average. Food supply system in the new land development areas was essential to support the physical strength of the volunteers. However, as contemporaries remember, the food was unsatisfactory. The diet, as a rule, was monotonous, in view of which workers often staged strikes. In the end, gradually the infrastructure in the virgin lands acquired the level usual for the Central Russia. In particular, leisure time outside the virgin lands was spent in cinemas, clubs, libraries, amateur circles, holding sports competitions. However, social security was in poor condition as well as medical care. Not all medical centers worked; there was a constant lack of doctors, which led to increased injuries. Many volunteers who came to the new lands had no experience in agriculture – in this regard, medicine played an important role in the daily life of virgin lands. New settlers also faced a number of problems, which led to disruption of the usual daily life. In particular, cases of hooliganism caused by alcoholism, fights with lethal outcomes were frequent in the new lands. The indigenous population was often hostile to visitors. In addition, the residents of virgin lands were harmed by the military, who conducted nuclear weapons tests in the vicinity of new farms. In the end, the new settlers were able to cope with the difficulties they were facing and in a short time established a large-scale production of grain crops. Due to this, the country was able to temporarily overcome the food issue that had become urgent in the post-war period.

Key words: living conditions, working process, wages, leisure, daily life, virgin and fallow lands.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ И ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ ПРИВЕТСТВИЯ КАРАКАЛПАКОВ

В статье анализируется традиционный этикет каракалпаков. Особое внимание уделяется обычаям приветствия при встрече и при совершении некоторых обрядовых действий. В обоих случаях этикет каракалпаков базируются на моральных установках и привычках традиционного общества, на толерантности и благожелательности, свойственных повседневной и церемониальной жизни народа. На первый план, как и у других народов Центральной Азии, выходят принципы половозрастной дифференциации и почитания старших. В рамках института гостеприимства прежде всего приветствуются старшие по возрасту или по социальному статусу.

Ключевые слова: этнография, каракалпаки, этикет, приветствие, норма, обряд, почитание, рукопожатие.

На сегодняшний день по этнографическому изучению этикета написано большое количество работ, содержащих теорию и методологию исследования этой проблематики и представляющих вопросы культуры приветствия у разных народов. Мы используем термин «этикет», хотя автор многих работ об этикете народов Кавказа Б.Х. Бгажноков ввел в научный оборот понятия «этноэтикет» и «этнография общения», означающие совокупность норм, привычек, ритуалов и обрядов, характерных для того или иного народа.

На наш взгляд, важнейшими и наиболее интересными с точки зрения исследователя являются нормы приветствия и прощания в рутинной практике и в ситуациях, выходящих за рамки повседневности. Особую роль при общении играет «вход в этикетную ситуацию и выход из нее, начало и конец этикетного поведения» [1: 20], от которых зависит успешность коммуникации. В традиционной культуре эти элементы детально разработаны и регламентированы: «Вход и выход из общения столь важны, что для этого требуется и определенный автоматизм, облегчающий эти операции, и специализированный характер (особенно приветствий, различающихся по времени встречи, полу, возрасту типу ситуации и т.п.)» [1: 29].

В данной статье мы попытаемся описать и проанализировать с социально-исторической точки зрения этикет приветствия и связанные с ним ритуалы и нормы, принятые в каракалпакском обществе. Как показывают наши исследования, вопросы преемственности имеют большое значение в сохранении этого элемента традиционной культуры.

Утебаев Мадияр Бердибаевич – младший научный сотрудник Каракалпакского научно-исследовательского Института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. Эл. почта: utebaev_ok@mail.ru. **Utebayev Madiyar B.** – Karakalpak research Institute of Humanities Karakalpak Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. E-mail: utebaev_ok@mail.ru.

Историографический обзор

До сих пор нет специального этнографического исследования этикета приветствия каракалпаков. Эти вопросы лишь фрагментарно представлены в трудах этнографов и фольклористов Узбекистана, рассматривающих различные обычаи и обряды, в т.ч. обряды жизненного цикла.

Так, в работе А. Бекмуратовой некоторые ритуалы приветствия изучаются в связи с обрядами сватовства. Когда сваты жениха приходят в дом родителей невесты, они начинают разговор со слов приветствия, предписываемых этикетным ритуалом [2: 78]. В монографии Х. Есбергенова и Т. Атамуратова в дополнение к ритуалам, сопровождающим сватовство, приводится обряд *бет ашар* (букв. «открытие лица» – представление невесты/жениха односельчанам и родным жениха/невесты. – М.Б.) во время свадебного торжества [3: 90–91]. Особое внимание заслуживает работа К. Мамбетова, где также упоминается обряд *бет ашар*, который делится на малое и большое приветствие. С малым невеста обращается к стороне жениха по приходу в его дом, с большим – во время свадебного пиршества [4: 156].

Одним из первых, кто в российской науке занялся проблемами культуры общения, а затем и культуры поведения и этикета, стал упомянутый выше Б.Х. Бгажноков. В его понимании общение – это «внутренняя активность общества, направленная на поддержание и развитие сложившихся в нем <...> социальных отношений – материальных, идеалистических, духовных...» [5: 3]. Он определил проблемные, методологические и понятийные границы этикета, обозначив его как особую область этнографического общения. При описании элементного состава культуры общения Б.Х. Бгажноков выделяет «стандарты общения» и «атрибуты общения». Под «стандартами» он понимает «общепризнанные шаблоны коммуникативного поведения, приуроченные к типичным, часто повторяющимся ситуациям взаимодействия: приветствие, прощание, представление во время знакомства, выражение благодарности, проклятия, клятвы, специфическое социально заданное произношение отдельных слов и звуков, коммуникативные жесты, позы, мимические движения и т.д.» [5: 165]. К «атрибутам общения» Б.Х. Бгажноков относит внешний облик человека, используемые в этикете предметы, время и пространство [5: 120].

Интересна и его мысль о том, что «коммуникатизированные» атрибуты и стандарты общения, в процессе его многовековой ритуализации приобретают характер стереотипов и в малоизмененном виде передаются следующим поколениям; они весьма схожи с обычаями, т.к. осуществляют функции социального контроля и социальной интеграции людей [6: 9]. Б.Х. Бгажноков дает определение понятию «этноэтикет» (куда включает и этикет приветствия). По его мнению, «это система характерных для данного этноса моральных предписаний ритуализованного общения в типических, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия» [6: 10].

Особое место в изучении этикета приветствия занимают работы А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова. Они описали ситуации, в которых ярко проявляются ритуалы повседневного этикета. А.К. Байбуриным рассматривались вопросы, связанные со стереотипами поведения, в которых, исходя из нескольких предпосылок, он видит этнически своеобразные черты. «Во-первых, стереотипы поведения (как и поведение в целом) это социальные феномены. Значит поведение человека в обществе обусловлено особенностями социальной организации, социокультурными механизмами. Во-вторых, поведение человека вариативно как в диахронии, так и в синхронии

(т.е. в историческом и этническом пространстве). В-третьих, стандарты поведения коррелируют с присущей той или иной эпохе стратификацией общества. Другими словами, каждая социальная, классовая, половозрастная, этническая, конфессиональная, профессиональная и другие группы и субкультуры общества обладают специфическими стереотипами поведения» [7: 11].

Именно А.К. Байбуруну и А.Л. Топоркову принадлежит общая характеристика этикета разных народов. Кроме того, авторы исследуют природу и символику жестов, поз, мимики и поцелуев, характерных для приветствия. Движение при этом обязательно должно иметь знаковый характер. Человек может протянуть руку вперед, наклониться, и это не будет жестом. Движение станет таковым лишь в том случае, если ему приписывается не только практический, но и символический смысл: «человек здоровается». Например, мусульмане считают правую руку ритуально чистой, поэтому ею можно приветствовать человека, брать еду, касаться «чистых» частей тела. Делать это «нечистой» левой рукой запрещается [7: 23, 28].

Следует подчеркнуть, и в этом мы согласны с другими исследователями, что ритуал также наделен не только практическим, но и символическим смыслом. Хотя многие ученые не видят различий между этикетом и ритуалом и рассматривают второй как разновидность первого [8: 222]. Так или иначе, обе точки зрения взаимно дополняют друг друга. Как видно, вопрос о соотношении этикета и ритуала остается спорным.

М.Б. Гимбатова и Г.А. Мейрманова проанализировали в своих трудах ритуалы ногайских и казахских народов, связанные с этикетом приветствия [9; 10].

В зарубежной литературе приветствие в основном изучается в рамках социального феномена «politeness» (вежливость) с использованием междисциплинарного подхода. Как акт начала любой социальной коммуникации приветствие в работах по лингвистической «вежливости» характеризуется как «позитивная и негативная нужда лица». «Положительная вежливость» относится к позитивным потребностям человека и проявляется через такие речевые акты, как комплименты, приглашения и приветствия. Она выражает добрую волю и солидарность. «Отрицательная вежливость» связана с негативными потребностями человека и включает в себя многоречивость и извинения [11: 154]. Другую точку зрения высказала Ф. Хаммер, которая, следуя за теоретическими подходами П. Брауна и С. Левинсона, в качестве фактора вежливости в человеческом взаимодействии [12: 130] выделяет «экономическую выгоду» («Kosten-Nutzen-Rechnung»). Вежливость она рассматривает как обмен товарами («Warenaustausch»), в котором часто возникают неравные отношения власти между дающим и получающим. Таким образом, вежливость, по ее мнению, способствует максимизации прибыли («Profit-maximierung») во взаимодействиях, это средство достижения цели [13: 65].

Согласно другому утверждению, вежливость, особенно позитивная, в значительной степени зависит от ритуала, который определяется П. Брауном и С. Левинсоном как «повторяющееся или предустановленное поведение». Они согласны с Э. Дюркгеймом в том, что ритуалы в межличностных отношениях первичны и что они поддерживают сакральную природу человеческой личности: «Человеческая личность – это сакральное явление: никто не осмеливается нарушать ее или нарушать ее границы, в то время как величайшим благом является общность взглядов» [14: 487]. Г. Хельд описывает это лингвистическое явление как «дефинитивно нечеткую и эмпирически трудную область», свидетельством этому служит большое

разнообразие способов проявления вежливости. Понятие «вежливость» используется в научной литературе наряду с «формальностью», «уважением», «непосредственностью», «уместностью», «этикетом» и «тактичностью» [15: 131].

Считается, что существующие европейские ритуалы и условности, связанные с вежливостью, развивались в средние века как статусные ритуалы («*ganggebundene(n) Herrschaftszeremonielle*») [16: 148].

Зарубежными авторами само приветствие упоминается как «фатическая связь» [17: 427]. «Phatic» относится к типу связи, сигнализирующему о готовности к межличностному общению или к контактам в конкретном сообществе. К. Цюгер выделяет два аспекта приветствия: «Initialphatik» – «начальная фатическая связь», или «(начальное) приветствие», и «Terminalphatik» – «конечная фатическая связь», или «прощание». Приветствие иллюстрирует тот факт, что фатический акт может быть как «ориентированным на других», так и «самоориентированным». Самоориентированное приветствие, если человек стесняется, иногда включает декларативные заявления при встрече, например: «Я чувствую себя не очень». В приветствиях, ориентированных на других людей, часто используется вопрос типа: «Как дела?» или «Кажется, они работают очень усердно?» [18: 223].

Большого внимания заслуживает работа Ф. Раш, посвященная исследованию речевого приветствия немецкоговорящих швейцарцев. Автор рассматривает проблему вежливости (в т.ч. лингвистической) в теоретической плоскости, в качестве иллюстраций используя рассказы своих информантов о ритуалах приветствий. Исследовательница приводит огромное количество вариантов, форм и способов приветствий, используемых немецкоговорящими швейцарцами в различных ситуациях [19].

Методы исследования

Основой для данной статьи послужили полевые материалы, собранные путем пассивного и активного (включенного) наблюдения. Кроме того, автором были проанализированы интерпретации самих информантов ритуалов приветствия, принятых в каракалпакском обществе, а также проведен сопоставительный анализ этикета приветствия разных народов.

Приветствия в культуре каракалпаков

Каракалпаки придают особое значение приветствию в повседневной культуре; можно найти сведения о нем даже в произведениях устного творчества. К примеру, один из героев эпоса *Алпамыс* сходит с коня и приветствует врагов, подняв руки вверх, пожимая одной ладонью другую и делая сорок шагов в их сторону [20: VI, 68]. Этот приветственный ритуал означал, что человек безоружен.

У каракалпаков, как и у других народов, существует два варианта приветствий и прощаний, каждый из которых представляет собой совокупность различных жестов и словесных формул. Первый, повседневный вариант, считается простым, так как используется в основном между знакомыми людьми, теми, кто видится часто (между коллегами, однокурсниками, друзьями или товарищами). Второй – сложный, с большим числом ритуальных действий и словесных формул, используется, если встречаются люди, не видевшие друг друга в течение длительного времени.

Как уже было сказано, в приветствиях ярче всего отражается смысл этикета – обозначение общающихся в социальной иерархии, подтверждение социальной структуры общества. Именно поэтому используются конкретные формы приветствий в зависимости от того, кто с кем здоровается. Возраст, пол, социальное положение, родственные связи, род занятий, степень знакомства – все имеет значение и определяют поведение людей при встрече. Принцип почитания старших проявляется в позах и жестах, а также в очередности приветствия [10: 20].

У каракалпаков этикет приветствия и прощания предусматривает одновременно невербальные средства – жесты, мимику – и вербальные – словесные формулы. Как и у многих других народов, здесь традиционное приветствие одновременно является благопожеланием и способом поддержания вежливой беседы. Стиль и форма приветствий очень сложны и разнообразны и зависят от ситуации: от времени суток и сезона года; от того, как давно не виделись встретившиеся; от их возраста, социального ранга, степени знакомства, родства и т.д. Произнесенное при встрече слово и ответ на него – сегодня лишь правило этикета. Однако приветствие-благопожелание несет в себе древний магический смысл, потому так важно вовремя сказать то, что нужно, и правильно ответить собеседнику. Так, на вопрос-приветствие: «Все ли у Вас хорошо?» – нельзя говорить о своих проблемах, даже если они есть, и нельзя просто сказать: «Нет, у нас все больны» или «Такой-то умер». Об этом можно сообщить позднее в ходе разговора, а первая реплика должна быть обязательно положительной: «Все хорошо, а как у Вас?» [21: 112]. В подобной ситуации у каракалпаков обычно отвечают: «*Шукир Аллага, жақсымыз*» (букв. «Слава Аллаху, все хорошо»).

В соответствии с традиционным этикетом у каракалпаков принято, чтобы первым здоровался младший. В основном во время приветствия используют общемусульманскую формулу «*Ассалаўма-алайкум*», на что со стороны старшего следует ответ: «*Ўалейкум ассалам*». Затем старший продолжает разговор; обычно произносятся фразы: «*Аман саў жүрсеңбе, үлкен жигит болдыңба!*» или «*Үй-ишиң, мал-жаньң, ден-саўлығың, ҳал-ахуалың жақсыма?*» (букв. «Как у тебя дела, здоровье, ты стал большим джигитом!» или «Как дома? Как самочувствие?»). Вошедший в дом человек всегда здоровается первым вне зависимости от возраста, пола и статуса.

Особенно широкую формулу приветствия можно увидеть в сельских местностях. Один из наших информантов во время первого знакомства ответил на наш «*Ассалаўма-алайкум*» и тут же продолжил традиционные расспросы: «*Балам бахытлы бол, қалай аўхалларың, аман жүрсизбе, жумысларың менен ҳарма! Аўыл-ел паракатшылыққа, жай-жағдайлар қалай, не болып атырыпты?*» [22] (букв. «Будь счастлив сынок, как дела? Мирно ли живете, бог в помощь в ваших делах! Как родня? Как здоровье? Какие новости?»). Как выяснилось, «*Өтеген аға – қаты қулақ*» (букв. «твердое ухо»), так называют в народе тех, у кого хорошая память и кто хорошо знает историю и культуру народа.

Наряду с традиционной мусульманской формулой приветствия существует множество других. К примеру, самыми распространенными среди людей одного возраста, пола и общественного положения являются приветствия: «*Сәлем!*» (сокращенное от «*Ассалаўма-алайкум*», букв. «Здравствуй!») и «*Қалай?*» («Как дела?»). По словам информантов, существуют часто используемые формы, которые в основном используют старшие по возрасту; после приветствия, в ходе беседы, они обычно спрашивают: «*Қалайсаң?*» («Как дела?»), «*Дениң саўма?*» («Здоров ли ты?»), «*Үй-и-*

илериң аманба?» («Все ли дома целы?»), «Кемпир-гаррың тәндарма?» («Здоровы ли твои родители?»). Товарищи, коллеги и друзья обычно после «Қалай?» говорят друг другу: «Барсаңба?» (букв. «Тебя не видно?»); среди замужних женщин принято спрашивать: «Балларың өсіп атырма?» («Дети как, растут?»).

На приветствие обычно отвечают: «Аман саўмыз», и далее следует фраза: «Өзиңіз қалайсыз?» («У нас все хорошо, а как Вы?»). Многие приветствия, имеющие форму благопожелания, чаще всего используют сельские жители, а также люди, которые давно не виделись. Иногда старшие, отвечая на приветствие младших, пользуются пожеланием «Молла бол!» (букв. «Будь муллой!») – «пусть тебя уважают в обществе».

Существуют особые виды приветствия для конкретных ситуаций. Например, если люди идут на работу или заняты чем-то, то к ним обращаются словом «Хармаңлар!» (букв. «Не уставайте в делах!»), в ответ они говорят: «Бар болың» («Будьте здоровы»).

Наше внимание во время полевых исследований привлёк эпизод, когда одного человека после длительной болезни односельчане приветствовали следующим образом: «Аман саў аяғыңа турдыңба?», «Қудайым-Алла ендигиден былай денсаўлығың жақсы болсын!» («Благополучно встали на ноги? Дай бог в дальнейшем хорошего здоровья!»). Чуть ли не обязательным при приветствии стало спрашивать: «Аман жатып турдыңба!» [23] (букв. «Проснулись ли здоровым?»). Это пожелание аналогично русскому «Доброе утро».

Есть приветствия, которые адресуются человеку, начавшему новое дело, они связаны с пожеланиями благополучия и помощи в трудах. В этом случае обычно говорят: «Исиң оңынан келсин!» («Чтоб твои дела ладились!»). К работающему в поле обращаются с пожеланием: «Мийнетіңди берсин!» («Пусть твой труд воздастся!») или «Өнимің көп болсын!» («Чтоб был богатый урожай!»).

Интересно, что помимо традиционных слов приветствия и поддержания беседы, появляются и новые выражения, которые постепенно закрепляются в народной традиции. Так, часто используются пожелания, связанные с родом деятельности. Например, «Саўдаң болсын!» («Пусть будет торговля!»), «Оқыўға кирип кет!» («Желаю поступить на учебу!») и др.

Мужчины и женщины молодого и среднего возраста используют как традиционные, так и неформальные варианты приветствия. Те, у кого небольшая разница в возрасте, при встрече говорят: «Қалайсаң?» («Как ты?»). При этом эту формулу могут использовать люди разной степени близости. В ответ могут сказать: «Жақсыман өзің қалайсаң!» («Хорошо, как ты сам?»).

У каракалпаков, как и у других народов мира, в речевом этикете проявляются различные отношения (социальные, половозрастные и т.д.). На уровне лексики это особые слова и устойчивые выражения (спасибо, пожалуйста, прошу прощения, до свидания и т.п.), а также специальные формы обращения: *аға* (букв. «старший брат») – по отношению к старшим мужского пола, *апа*, *ажана* (мать, сестра) – по отношению к старшим женского пола, *ини* (младший брат) и *қарындас* (сестренка) – по отношению к младшим.

Вышеотмеченные пожелания при встрече могут использоваться как в начале, так в ходе и конце разговора: они являются не только «дополнительными формулами» приветствия, но и средствами поддержания беседы. Словесное приветствие как один из важных аспектов речевого этикета обогащает фольклор народа. По мнению специалистов, речевой этикет обладает свойством «социального символизма»,

смысл которого состоит в том, что «речевые явления подобно губке впитывают в себя суть той среды и тех обстоятельств, в которых они обычно употребляются». В речи, также как и в материальной культуре, отражаются привычки, образ жизни, ценностные ориентиры или восприятие реальности определенной группы. Таким образом, речь способна «символизировать и вызывать в сознании представление о... сообществе с его образом жизни и формами деятельности» [24: 96].

Как известно, словесные приветствия могут сопровождаться невербальными сообщениями, передаваемыми посредством мимики и жестов. Самая распространенная несловесная форма приветствия – рукопожатие. По нашим наблюдениям, мужчинами используется несколько его видов: 1) обычное рукопожатие правой рукой; 2) первый пожимает обеими руками правую руку второго; 3) одновременное обоюдное рукопожатие двумя руками; 4) обоюдное рукопожатие правой рукой с одновременным похлопыванием левой по плечу собеседника. Третий вариант больше присущ узбекам, но используется и каракалпаками.

*Рис. 1. Рукопожатие мужчин.
(автор фото: М. Карлыбаев.
Кегейлийский район, 2009 г.)*

Каждый вид рукопожатия соответствует той или иной ситуации. Так, традиционно у каракалпаков младшие идут навстречу и, протягивая руки, здороваются (двумя руками) со старшим по возрасту, сопровождая это словесными приветствиями (рис. 1). В европейской культуре принято, чтобы при встрече мужчин первым руку подавал старший по возрасту или статусу. Именно старшему следует инициировать рукопожатие. Младшему из присутствующих торопиться с такого рода приветствием не надо, это считается дурным тоном; равно как и мужчине – первым протягивать руку женщине. Именно женщина решает: пожать мужчине руку или ограничиться обычным сдержанным приветствием. Особое внимание заслуживает тот факт, что, хотя большинство мусульманских культур не допускает рукопожатия между мужчиной и женщиной, у каракалпаков сегодня не существует подобного табу (рис. 2). Видимо, это результат влияния советской культуры. Правда, до недавнего времени женщины, особенно старшего возраста, при рукопожатии с мужчиной обязательно прикрывали кисть рукавом, дабы избежать непосредственного контакта, что запрещалось религией.

*Рис. 2. Рукопожатие мужчины с женщиной.
(автор фото: М. Карлыбаев.
Кегейлийский район, 2009 г.)*

Для сравнения отметим, что в странах Восточной и Южной Азии до знакомства с европейской культурой рукопожатие было неизвестно. Всякое прикосновение друг к другу во время встречи и беседы расценивалось как нарушение правил общения.

Японцы считали, что касаться собеседника человек может только при полной потере самоконтроля либо для выражения недружелюбия и агрессивных намерений [7: 32–33]. Однако во многих странах Азии при встрече люди чаще всего приветствуют друг друга за руки, что является результатом упрощения и унификации культуры уже под влиянием Европы.

Нарушение этикета приветствия не одобряется во всех культурах. Реакция на выход за пределы традиционных норм бывает порой очень строгой. Например, в одной из легенд рассказывается о том, как около шестидесяти каракалпакских *бииев* (глав племен) совершали визит к хивинскому хану, чтобы отдать собранный ими налог. По пути в Хиву (столица ханства) они заблудились. В поисках дороги *бии* встретили маленького мальчика по имени *Жалгызбай*, который предложил им ночлег. Когда путники спросили мальчика: «Чем ты можешь накормить путников-гостей?», он ответил: «*Тапсам биреуин, таппасам екеуин*», что в буквальном переводе означает: «Если найду – приготовлю одного, если не найду – двух зарезаю». *Бии* не поняли, что он имел в виду, и, приняв его за слабоумного, решили продолжить путь. Мальчик крикнул вслед, что путники все равно заблудятся и вернуться к нему. Через некоторое время *бии* действительно потерялись и вынуждены были вернуться в одинокую хижину, где жил мальчик. *Жалгызбай*, приветливо встретив путников, разместил их в своем доме. Тогда гости спросили у мальчика о значении шутки о двух зарезанных. Мальчик ответил, что имел в виду, что если он раздобудет одного зверя на охоте, приготовит его для гостей, если не сможет, то зарежет свою козу, которая должна скоро окотиться, что и означало – зарезать двух. Гости попросили мальчика рассказать о себе. *Жалгызбай* оказался сыном покойного бия *Көкжал өжета* («упрямый»), который прославился тем, что отрубил палец *метеру* – главному ханскому сборщику налогов. *Жалгызбай* рассказал, что однажды *метер*, лежа под пологом, принимал каракалпакских *биев*, причем с каждым из них здоровался, вытаскивая для пожатия из полога ногу. Когда подошел отец мальчика, *метер* также вытащил ногу. Однако *Көкжал*, вместо того чтобы пожать рукой ногу *метера*, схватил ее, отрезал своим ножом палец и ушел. Он добился приема у хана и рассказал о случившемся. Хан одобрил поступок *Көкжала* и поощрил его, подарив *мөр* – печать *Ага-бия* (Старшего бия), поскольку *метер* унижал местный народ, нарушая традицию. После получения подарков *Көкжал* по дороге домой был убит людьми *метера*...

В этикете приветствия молодых людей сегодня можно заметить специфические альтернативные формы выражения уважения. Если раньше молодые люди, приветствуя друг друга, обнимались, то сегодня они здороваются правой рукой, а левой похлопывают друг друга по плечу или, слегка обнимаясь, касаются друг друга щеками (*бас дүгистириу*), при этом здороваясь правой рукой и хлопая по плечу левой. Такой вид приветствия получил широкое распространение и среди мужчин среднего возраста, но осуждается представителями старшего поколения. По мнению информантов из города Нукус, вышеописанные несловесные приветствия возникли в 1990-е годы под влиянием турецкой поведенческой культуры [25].

Обычное рукопожатие – самый распространенный вид приветствия; так здороваются почти все, относящиеся к одной возрастной категории. При этом не важно, встречались раньше эти люди или нет. К примеру, два приятеля идут по улице, и один из них видит своих знакомых и здоровается с ними, протянув руку. Знакомые, в свою очередь, отвечают тем же. Однако второй приятель не подал руки, поскольку

не знал этих людей, что вызвало отрицательную реакцию последних; этикет требует в знак уважения здороваться со всеми, даже с теми, с кем вы лично не знакомы.

Еще одной несловесной формой приветствия считается обнимание (обеими руками) при встрече (рис. 3). Оно, в отличие от предыдущих формул рукопожатия, используется в особых случаях и довольно редко. Объятие – это демонстрация дружеских отношений; ритуализованными объятиями заключалось побратимство. У соседних казахов, к примеру, *тамыр* (люди, состоящие в родственной связи) должны были обниматься с обнаженной грудью либо через обнаженную саблю или Коран [10: 23].

Рис. 3. Мужское приветствие Бас дугистириу. (автор фото: М. Карлыбаев. Кегейлийский район, 2009 г.)

Во время полевых наблюдений нам удалось зафиксировать несколько видов объятий, различающихся в зависимости от пола и возраста встречающихся. Каракалпаки при встрече обнимаются в двух случаях: во время определенных семейных торжеств и тогда, когда близкие друзья или родственники давно не виделись.

Пример традиции обнимания при приветствии был зафиксирован автором во время полевых наблюдений в городе Нукусе. Аксакал (уважаемый человек) Х. Алюминов (1948 г.р.) праздновал свадьбу своего сына. Автору, находящемуся по соседству, удалось увидеть встречу гостей с хозяевами. На пороге дома стояли родители и близкие родственники жениха, вежливо приветствующие всех приглашенных. Старшие аксакалы в первую очередь здоровались с главой семьи, при этом долго обнимались сначала на правую сторону, а затем на левую, соприкасаясь щеками и грудью и похлопывая друг друга по плечу [26].

Несловесный этикет приветствия у женщин немного сложнее. Современные каракалпачки здороваются за руку с мужчинами-ровесниками. Раньше молодая женщина не подавала руки старшему по возрасту мужчине, а если иногда и делала это, то прикрыв ладонь рукавом. Молодая невестка сегодня при встрече, преклоняя ко-

лени, касается руками рук родственников мужа; обычно каракалпачки прикасаются к локтям (рис. 4). Женщины молодого и среднего возраста, если они родственницы или подруги, приветствуют друг друга, слегка обнимаясь и целуя в щеки.

Рис. 4. Женское приветствие локоть-локоть.
(автор фото: М. Карлыбаев. Кегейлийский район, 2009 г.)

Приветствие с поклоном совершается и во время свадебного обряда *бет ашар*: после длительного (стихотворного) объявления начала свадьбы начинается ритуал знакомства невесты с родственниками мужа и аксакалами аула с последующими поклонами каждому из них по два раза – *жуп сәлем* (двойной поклон) (рис. 5). Невеста кланяется каждый раз, когда ведущий торжества (при чтении стихов в рамках ритуала знакомства) произносит имя кого-либо из родственников и близких жениха или аксакалов аула; в свою очередь, все они после представления должны поклониться гостям. *Беташар* – продолжительный обряд, он состоит из нескольких частей.

Рис. 5. Обряд Беташар
(автор фото: М. Утебаев, г. Нукус, 2013 г.)

Сначала в стихотворной форме «объявляется» свадьба (ведущий подчеркивает значение возникающего между сватами родства, читает стихотворные наставления невесте, входящей в новую семью, придавая этому сакральный характер). Вторая часть посвящается знакомству невесты с родственниками и близкими жениха, третья, заключительная, – состоит в основном из наставлений и благословений молодым.

Ниже приводится записанный автором в ходе полевых исследований на одной из свадеб каракалпаков краткий отрывок стихотворного текста – знакомство невесты с родственниками мужа (обряд *бет ашар*):

Той берип халықты жыйнаған
Мал семизин сойдырған
Алысына хат жоллап
Жақынына ат жоллап
Ағайын менен туұысканды
Бәрин бүгін жыйнаған
Той табағын алдына
Хызмет пенен қойдырған
Анау қайын атаңыз
Оған берің бір сәлем
Қатты хайран сөз айтса
Сиздики жөнсіз деменіз
Пайданы айтып бақырса
Тәртіпке сени шақырса
Бетине хасла келменіз
Ақыл берер данаңыз
Бул екінші анаңыз
Енеңізге берің жуп сәлем

Устроив свадьбу, собрал народ,
Зарезав крупный скот,
Сообщив письмом дальнему,
Близкому отправив лошадь,
Собрал сегодня всех родных.
Оказав всем теплый прием,
Накрывший стол едой,
Тут ваш свекор стоит.
Сделайте ему один низкий поклон,
Если скажет грубое слово,
Не возражай никогда.
Скажет она только по делу.
К порядку лишь она зовет.
Не смейте обижаться.
Уважай как свою мать,
Эта ваша свекровь –
ей двойной поклон

Ниже краткий вариант знакомства невесты с аксакалами аула (обряд *бет ашар*):

Ауылымыздың ақсақалы
Ислери мудары сапалы
Елди өзине қаратқан
Халық исин жаратқан
Хеш қыс хәм жаз демей
Палыз мйуие таратқан
Рейимбайға бір сәлем
Келин бала келиңіз –
Ийилип сәлем бериңіз... [27]

Старейшина нашего аула,
Всегда его дела во благо,
Обращает на себя внимание народа,
Творит дела для народа,
Невзирая на зиму и лето,
Раздает урожай народу.
Добро пожаловать, невеста,
Сделай свой поклон Реймбаю аға,
Сделав ему поклон...

Этот обряд, в том виде, в каком он бытовал у каракалпаков в прошлом, подробно описала этнограф А. Бекмуратова. *Бет ашар* совершался после угощения и спортивного состязания. В момент открывания лица невесты джигит из аула жениха читал традиционные стихи *айтым*. (*Айтым* – чтение ведущими мероприятия или участниками трапезы стихов или песен, которые используются для сопровождения важных событий в жизни каракалпакской семьи.) После каждого куплета молодая должна была кланяться. Джигит, исполнявший *айтым*, поднимал палочку (обычно используют ветку фруктового дерева, которая символизирует плодovitость), специально

привязанную к платку, закрывающему лицо невесты. В конце *айтыма* он открывал лицо невесты. В этих стихах содержалось наставление молодой, какой она должна быть в ауле и семье мужа, как должна себя вести во всех случаях жизни замужняя женщина: она должна угождать всем, не лениться, не грубить, быть покорной и смиренной. Подробно перечислялись обязанности молодой женщины, указывалось ее место в обществе. После *бет ашара* невеста сразу принимала на себя обязанности по хозяйству и начинала обслуживать гостей [2: 78].

Сейчас этот обычай в какой-то степени трансформировался. По-прежнему этап знакомства начинается с представления всех родственников мужа и некоторых близких соседей. Однако сегодня ведущий свадьбы импровизирует, с юмором описывая в стихотворной форме социальное положение, черты характера и род деятельности каждого представителя родственного круга. По этикету, человек, представленный невесте и народу, должен подойти к ведущему, чтобы отблагодарить его деньгами. Теперь вместо джигита ветку фруктового дерева, которая прикреплена к платку невесты, держит один из присутствующих на свадьбе мальчиков из числа родственников жениха (рис. 6).

Рис. 6. Мальчик с веткой дерева, обряд «Бет ашар» (фото автора, г. Нукус, 2013 г.)

Аналогичный обычай существует и у некоторых этнических групп узбеков, где на заключительных этапах свадьбы проводят обряд *юз очди* («смотрения лица») [28: 17]. Однако узбекский *юз очди* отличается от каракалпакского *бет ашар* как по форме, так и по содержанию.

Молодая кланяется и во время ритуала *табақты алыу* (перевод): после завершения трапезы гости просят невестку забрать тарелки. По этикету они должны оставить немного еды на блюде. Только старшие по возрасту гости подают тарелки невестке, а она аккуратно берет их из рук подающего, низко кланяясь в его/ее сторону; при этом молодая женщина должна отведать оставленную гостем еду. Последнее имеет ритуальное

значение; у каракалпаков принято, чтобы невестки символически пробовали так называемый *сарқыт жеу*, *сарқыт* (букв. «остаток») («пробовать оставленное гостем блюдо»). Семантика этих действий состоит из визуально наблюдаемых (поклон) и не подлежащих наблюдению (отведать маленький кусочек угощения) актов невестки [29].

Среди казашек-невесток до сих пор принято приветствовать родителей мужа легким поклоном, опираясь правой рукой на колено, а левую руку положив на грудь. Молодые невестки-туркменки и сейчас при встрече со старшими родственниками мужа кланяются им, при этом обеими руками касаясь груди, а узбечки – кланяются с прижатой к сердцу правой рукой.

Наблюдения показывают существование ряда различий в приветствиях для особых случаев у разных народов. Так, у каракалпаков, когда человек или группа лиц входят в комнату для гостей, он/они здороваются с каждым из присутствующих за руку. У узбеков и туркмен, проживающих в южных районах Каракалпакстана, гость, вошедший в комнату, обычно здоровается словесно со всеми присутствующими.

Отметим и особую форму приветствия водителей и пешеходов. Существовали традиционные нормы, регламентирующие поведение всадника, проезжавшего мимо аула или встречавшего пеших людей. Сегодня эти нормы перенесены на человека, едущего на машине. Так, водитель первым выходит из машины, чтобы поприветствовать знакомых или аксакалов. Такое поведение принято у многих народов.

Традиционным формулам приветствия каракалпаки уделяют большое внимание. Родители с детства учат своих детей, как надо здороваться, указывая, что надо громко и неторопливо приветствовать людей преклонного возраста на улице, а гостю, приходящему в дом, следует выйти навстречу и поприветствовать, пожав ему руку двумя руками.

Заключение

Обсуждая повседневный этикет приветствия каракалпаков, следует обратить внимание на различие норм поведения при встрече у народов Европы и Азии. Европейцы здороваются, используя формальные выражения и простое рукопожатие, если речь не идет об особых случаях (юбилей, свадьба, встреча друзей после долгой разлуки). А у каракалпаков как представителей центрально-азиатских народов даже в обычных приветствиях соблюдаются табу, исключающие определенные словесные формы и невербальные действия. На Западе в основном первым подает руку старший по возрасту или статусу мужчина, хотя слова приветствия первым произносит младший. На Востоке же, в частности у каракалпаков, младшие по возрасту и статусу, а также женщины всегда здороваются первыми. В сельских местностях старшие чаще всего используют ритуальные словесные пожелания, сопровождающиеся жестами и мимикой.

Следует также отметить, что приветствие и знакомство могут аккумулировать сходные ритуальные действия и формы выражения, поэтому изучение этих двух вариантов встречи дополняет наше представление об этикете приветствия.

Таким образом, приветствие – наиболее распространенный в нашей повседневной жизни обычай, требующий большого чувства такта, воспитанности и дружелюбия; с него начинается любой разговор. Форм приветствия множество, и каждая из них имеет свое происхождение и объяснение [30: 16]. Приветливое выражение лица,

улыбка, скромность и т.п. в первую очередь характеризуют самого человека и располагают к нему того, с кем он здороваются.

Люди испокон веков стремились к миру, дружбе и согласию, поэтому приветствие – есть величайшее творение человечества, демонстрация безопасности и доброжелательности. Люди придавали ему сакральное значение. В каракалпакской культуре, приветствуя человека, обращаются к сверхъестественным силам, т.к. верят, что данный поступок является богоугодным. В исламе приветствие считается благим поступком, что в Хадисах подтверждается словами пророка Мухаммеда: «Наилучшее – если накормишь голодного, поприветствуешь и знакомых, и незнакомых» [31: 18].

Несмотря на упрощение многих традиционных словесных форм приветствий, принципы традиционного этикета сегодня сохраняются. Они проявляются в четких выражениях, разделяющих старших и младших, мужчин и женщин, друзей и коллег, начальников и подчиненных и т.д. Надо отметить, что в связи с процессами глобализации и урбанизации населения страны происходит модернизация, европеизация, унификация повседневной жизни, что способствует исчезновению некоторых элементов традиционной культуры. Все это приводит к появлению у молодого поколения упрощенных форм и способов приветствия, которые со временем становятся традицией. Следует обратить внимание также на то, что «этикет» употребляется наряду с понятием «вежливость». «Вежливость и этикет – это две стороны одной медали – вежливого общения, которое подразумевает как соблюдение правил коммуникативного этикета, так и демонстрацию внимания и уважения к собеседнику посредством определенных коммуникативных стратегий сближения и отдаления» [24: 97].

Отметим, что многие современные способы и формы приветствия у каракалпачков, скорее, имеют отношение к этноэтикету; они, в результате исторического развития и взаимовлияния культур, могут быть в виде ритуала, иногда, в особых ситуациях – в виде табу, выработанных опытом многих поколений. Поскольку этикет каракалпачков включает в себя элементы ритуала, он имеет определенные поведенческие границы, выход за которые чреват последующими санкциями одобрения или осуждения со стороны общества; вежливость и такт не имеют строгих определений и приобретают смысл в контексте конкретной ситуации общения, что объясняется степенью их зависимости от внутренних этических регуляторов или принятых формальных норм с точки зрения общегражданского этикета. Так или иначе, приветствие, как и любые другие обряды, является результатом духовного и практического освоения действительности.

Источники и литература

1. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // *Этикет у народов Передней Азии*. Вып. 1988 г. Москва: Наука, 1988. С. 12–36.
2. Бекмуратова А. *Семья и брак каракалпачков в прошлом и настоящем*. Нукус: Каракалпакия, 1969. 117 с.
3. Есбергенов Х., Атамуратов Т. *Традиции и их преобразование в городском быту Каракалпачков*. Нукус: Каракалпакстан, 1973. 211 с.
4. Мамбетов К. *Қарақалпақ этнографиялық тарихы*. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1995. 224 с.
5. Бгажноков. Б.Х. *Очерки этнографии общения у адыгов*. Нальчик, 1983. 232 с.
6. Бгажноков. Б.Х. *Адыгский этикет*. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.
7. Байбурин А.К., Топорков А.Л. *У истоков этикета*. Ленинград: Наука, 1990. 165 с.

8. Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // *Психологические проблемы социальной регуляции поведения*. М.: Наука, 1976. С. 212–236.
9. Гимбатова М.Б. *Культура поведения и этикет ногойцев в конце XIX – нач. XX в.: коммуникативные нормы в семейном и общественном быту*. Дисс. док. ист. наук. Москва, 2009. 367 с.
10. Мейрманова Г.А. *«Культура общения у казахов: трансформация традиционного этикета»*. Диссертация на соискание канд. ист. наук. Москва, 2009. 174 с.
11. Holmes J. *Women, Men and Politeness*. London; New York: Longman, 1995. 264 p.
12. Hammer F. Höflichkeitsstile in Anrufbeantwortertexten. In: *Lüger, Heinz-Helmut (ed.): Höflichkeitsstile*. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern etc., 2001. Pp. 129–146. Cross Cultural Communication; 7.
13. Brown P., Levinson S.C. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge university press, 1987. 358 p.
14. Brown P., Levinson S.C. Politeness introduction to the Reissue: A review of recent work. *Pragmatics and sociology*, 2015. Pp. 487.
15. Held G. Politeness in linguistic research. In *R. J. Watts, S. Ide & K. Ehlich (Eds.), Politeness in language*. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 131–153.
16. Kleinberger U. Sprachliche Höflichkeit in innerbetrieblichen E-Mails. In: *Lüger, Heinz-Helmut, ed., Höflichkeitsstile*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. Pp. 147–164.
17. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge, 1987. 480 p.
18. Laver J. Communicative Functions of Phatic Communion. In: *Kendon, A. Harris, R.M. Key, M. Ritchie (eds.): Organisation of Behavior in Face-to-Face Interaction*. The Hague; Paris, 1975. Pp. 215–238.
19. Rash F. Linguistic Politeness and Greeting Rituals in German-speaking Switzerland. *Linguistik online* 20, 3/04, London: Queen Mary, 2004. Pp. 1–26. Доступ: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/1426/2421>.
20. *Қарақалпақ фольклоры*. Том VII (том I–VIII). Нукус: Илим, 2007. С. 590.
21. Жуковская Н.Л. *Категории и символика традиционной культуры монголов*. М.: Наука, 1988. 196 с.
22. *Полевые материалы автора No. 15*. Экспедиция в Канликульский район, ноябрь 2010 г. (информант Утеген, 1948 г.р.)
23. *Полевые материалы автора No. 18*. Экспедиция в Канликульский район, ноябрь 2010 г. (информант Феруза, 1958 г.р.)
24. Перкова А.А., Блажевич Ю.С. Фигуры речевого этикета на примере приветствия (на материале немецкого и русского языков) // *Научные ведомости. Журнал Белгородского Государственного Университета, Серия Гуманитарные науки*, 2012. № 24 (143). Вып. 16. С. 96–104.
25. *Полевые материалы автора No. 20*. Экспедиция в город Нукус, 2018 г. (информатор Маман Узаков, 1980 г.р.)
26. *Полевые материалы автора No. 28*. Экспедиция в город Нукус, 2018 г. (информатор Хабибулла Алюминов, 1945 г.р.)
27. *Полевые материалы Ельмановой У.* Экспедиция в Тахтакупырский район, 2015 г. (Результаты наблюдения автора)
28. Лобачева П.Н. *Формирование новой обрядности у узбеков*. М.: Наука, 1975. С. 139.
29. *Полевые материалы автора No. 29*. Экспедиция в город Нукус, 2018 г. (информатор к.и.н. Максат Карлыбаев, 1968 г.р.)
30. Трофименко В., Волгин А. *Поговорим об этикете*. М.: Московская правда, 1991. С. 109.
31. Муминов А. *Сказание о пророке Мухаммеде: Хадисы*. Ташкент: Камалак, 1991. С. 120.

References

1. Bayburin A.K. Ob etnograficheskom izuchenii etiketa. *Etiket u narodov Peredney Azii*. Vol. 1988 g. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 12–36. (In Russ.) [Baiburin A.K. *On the ethnographic study of etiquette, the Etiquette among the peoples of Western Asia*. Vol. 1988 year. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 12–36].
2. Bekmuratova A. *Semya i brak karakalpakov v proshlom i nastoyashem*. Nukus: Karakalpakskaya, 1969. 117 p. (In Russ.) [Bekmuratova family and marriage of Karakalpaks in the past and present. Nukus: Karakalpakstan, 1969. 117 p.]
3. Esbergenov X., Atamuratov T. *Traditsii i ix preobrazovanie v gorodskom bitu Karakalpakov*. Nukus: Karakalpakstan, 1973. 211 p. (In Russ.) [Esbergenov H., Atamuratov T. *Traditions and their transformation in the urban life of the Karakalpaks*. Nukus: Karakalpakstan, 1973. 211 p.]
4. Mambetov K. *Qaraqalpaq etnografiyalıq tariyxi*. Nokis: Qaraqalpaqstan, 1995. 224 p. (In Russ.) [Mambetov K. *Area etnografii of tarihi*. Nokis: Karakalpakstan, 1995. 224 p.]
5. Bgazhnokov B.X. *Ocherki etnografii obsheniya u adigov*. Nalchik, 1983. 232 p. (In Russ.) [Bgazhnokov B.X. *Essays on the Ethnography of communication in the Hades*. Nalchik, 1983. 232 p.]
6. Bgazhnokov B.X. *Adigskiy etiket*. Nalchik: Elbrus, 1978. 160. s. (In Russ.) [Bgazhnokov B.X. *Adyghe etiquette*. Nalchik: Elbrus, 1978. 160 p.]
7. Bayburin A.K., Toporkov A.L. *U istokov etiketa*. Leningrad: Nauka, 1990. 165 p. (In Russ.) [Baiburin A.K., Toporkov A.L. *The origins of etiquette*. Leningrad: Nauka, 1990. 165 pp.]
8. Levkovich V.L. Obichay i ritual kak sposobi sotsialnoy regulyatsii povedeniya. *Psixologicheskie problemi sotsialnoy regulyatsii povedeniya*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 212–236. (In Russ.) [Levkovich V.L. Custom and ritual as ways of social regulation of behavior. *Psychological problems of social regulation of behavior*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 212–236]
9. Gimbatova M.B. *Kultura povedeniya i etiket nogaytsev v kontse XIX – nach. XX veka: kommunikativnye normy v semeynom i obshestvennom bitu*. Diss. dok. ist. nauk. Moscow, 2009. 367 s. (In Russ.) [Gimbatova M.B. *The culture and ethics of the Nogais in the late XIX-early XX century: communicative norms in family and social life*. Diss. dock. Historical sciences. Moscow, 2009. 367 p.]
10. Meyrmanova G.A. «Kultura obsheniya u kazaxov: transformatsiya traditsionnogo etiketa». Dissertatsiya na soiskanie kand. ist. nauk. Moscow. 2009. 174 p. (In Russ.) [Meirmanova G. A. *Culture of communication of the Kazakhs: the transformation of traditional etiquette*. *The thesis for PHd*. Moscow, 2009. 174 p.]
11. Holmes J. *Women, Men and Politeness*. London; New York: Longman, 1995. 264 p.
12. Hammer F. «Höflichkeitsstile in Anrufbeantwortertexten». In: *Lüger, Heinz-Helmut (ed.): Höflichkeitsstile*. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern etc., 2001. Pp. 129–146.
13. Penelope Brown and Stephen C. Levinson. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge university press, 1987. 358 p.
14. Penelope Brown and Stephen C. Levinson. Politeness introduction to the Reissue: A review of recent work. *Pragmatics and sociology*, 2015, p. 487.
15. Held G. Politeness in linguistic research. In R. J. Watts, S. Ide & K. Ehlich (Eds.). *Politeness in language*. Berlin: Mouton de Gruyter, Pp. 131–153.
16. Kleinberger U. Sprachliche Höflichkeit in innerbetrieblichen E-Mails. In: *Lüger, Heinz-Helmut, ed., Höflichkeitsstile*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. Pp. 147–164.
17. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge, 1987, 480 p
18. Laver J. Communicative Functions of Phatic Communion. In: *Kendon, Adam Harris, Richard M./Key, Mary Ritchie (eds.): Organization of Behavior in Face-to-Face Interaction*, The Hague; Paris, 1975. Pp. 215–238.
19. Rash F. Linguistic Politeness and Greeting Rituals in German-speaking Switzerland. *Linguistik online* 20, 3/04. London: Queen Mary, 2004. Pp. 1–26. Available at: <https://bop.unibe.ch/>

- linguistik-online/article/view/1426/2421.
20. *Karakalpak folklore*. Tom VII (tom I-VIII). Nukus: İlim, 2007. Pp. 590. (In Russ.) [*Karakalpak folklore*. Vol. VII (vol. I–VIII). Nukus: İlim, 2007. Pp. 590].
 21. Zhukovskaya N.L. *Kategorii i simvolika traditsionnoy kulturi mongolov*. Moscow: Nauka, 1988. 196 p. (In Russ.) [Zhukovskaya N.L. *The categories and symbols of traditional culture of the Mongols*. Moscow: Nauka, 1988. 196 p.].
 22. *Polevie materialı avtora No. 15*. Ekspeditsiya v Kanlikulskiy rayon, noyabr 2010 g. (informant Utegen 1948 g.r.) (In Russ.) [*Field materials of the author No. 15*. Expedition to Kalikoski district, November 2010 (the informant Utegen 1948)].
 23. *Polevie materialı avtora No. 18*. Ekspeditsiya v Kanlikulskiy rayon, noyabr 2010 g. (informant Feruza 1958 g.r.) (In Russ.) [*Field materials of the author No. 18*. Expedition to Kanlikul district, November 2010 (informant Feruza born in 1958)].
 24. Perkova A.A., Blajevich Yu.S. Figuri rechevogo etiketa na primere privetstviya (na materiale nemetskogo i russkogo yazikov). *Nauchnie vedomosti. Jurnal Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya Gumanitarnie nauki*, 2012. No. 24 (143) Issue 16. Pp. 96–104. (In Russ.) [Perkova A. A., Blazhevich, Yu. s. Figures of speech etiquette by the example of the greeting (on the material of German and Russian languages). *Scientific Bulletin. Journal of Belgorod state University, Humanities Series*, 2012. No. 24 (143). Issue 16. Pp. 96–104.].
 25. *Polevie materialı avtora No. 20*. Ekspeditsiya v gorod Nukus, 2018 g. (informator Maman Uzakov 1980 g.r.) (In Russ.) [*Field materials of the author № 20*. Expedition to Nukus, 2018 (informant Maman Uzakov, born in 1980)].
 26. *Polevie materialı avtora No. 28*. Ekspeditsiya v gorod Nukus, 2018 g. (informator Xabibulla Alyuminov 1945 g.r.) (In Russ.) [*Field materials of the author № 28*. Expedition in Nukus, 2018 (the informant Habibullah of Alumina, 1945)].
 27. *Polevie materialı Elmanovoy U*. Ekspeditsiya v Taxtakupirskiy rayon, 2015 g. (Rezultati nablyudeniya avtora) (In Russ.) [*Field materials Elmanova U*. expedition to the Takhtakupyr district, 2015 (results of the observations of the author)].
 28. Lobacheva P.N. *Formirovanie novoy obryadnosti u uzbekov*. Moscow, Nauka, 1975. Pp. 139. (In Russ.) [Lobacheva P.N. *Formation of a new ritual among Uzbeks*. Moscow, Nauka, 1975. Pp. 139].
 29. *Polevie materialı avtora No. 29* Ekspeditsiya v gorod Nukus, 2018 g. (informator k.i.n. Makset Karlibaev 1968 g.r.) (In Russ.) [*Field materials of the author № 29*. Expedition in Nukus, 2018 (the informant Ph. D. Makset of Karlibaev 1968)].
 30. Trofimenko V., Volgin A. *Pogovorim ob etikete*. Moscow: Moskovskaya pravda, 1991. Pp. 109. (In Russ.) [Trofimenko V., Volgin A. *let's Talk about etiquette*. Moscow: Moskovskaya Pravda, 1991. Pp. 109].
 31. Muminov A. *Skazanie o proroke Muxammede: Xadis*. Tashkent, 1991. Pp. 120. (In Russ.) [Muminov A. *The Legend of the prophet Muhammad: Hadith*. Tashkent, 1991. Pp. 120].

M.B. Utebaev. Everyday and ceremonial greeting etiquette of the karakalpak.

The article analyzes the traditional etiquette of Karakalpaks. Special attention is paid to the customs of greeting on meeting and when performing some ceremonial activities. In both cases, the Karakalpak etiquette is based on the moral attitudes and habits of a traditional society. As with other peoples of Central Asia, the principles of age and gender differentiation and reverence for elders come to the fore. Greeting rituals are addressed to the elders and those who have higher social status, taking place within the framework of the institution of hospitality, as a principle of tolerance and benevolence characteristic of the daily and ceremonial life of the people.

Key words: *ethnography, Karakalpaks, etiquette, greeting, norm, custom, worship, handshake.*

ХРОНИКИ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+303.824

DOI:10.33876/2311-0546/2019-3-15/105-128

© О.А. Зыкина, С.Г. Комаров

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИЭА РАН В 2018 г.: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ**

В статье представлены ключевые результаты, достигнутые в 2018 году Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН – одним из ведущих в России научных учреждений соответствующего профиля. В контексте исследовательской деятельности Института освещена разработка фундаментальных проблем в области этнологии, социально-культурной и физической антропологии, а также ряда междисциплинарных направлений. Дан краткий обзор основных публикаций, отражающих наиболее значимые итоги научной работы. В специальных разделах статьи раскрыты узловые моменты организационной и экспертной деятельности. Обозначены главные векторы международного сотрудничества.

Ключевые слова: ИЭА РАН, проблемы этнологии и антропологии, научно-исследовательская работа, экспедиции, образование, международное сотрудничество, экспертная работа.

В 2018 году Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук продолжил разработку фундаментальных научных проблем в области этнологии, социально-культурной и физической антропологии. Традиционно проводились исследования в русле гендерной проблематики, а также по таким междисциплинарным направлениям как медицинская антропология, этносоциология, этническая экология, городская антропология, этология человека, кросскультурная психология, этническая демография, аудиовизуальная антропология и другим. В течение года сотрудниками Института опубликованы 66 книг, 9 брошюр и более 600 статей, совершено порядка полусотни экспедиционных выездов, при непосредственном организационном участии проведено 44 научных мероприятия. В рамках специальных прикладных исследований подготовлен ряд экспертных заключений; большей частью – по запросу государственных учреждений. Продолжалось издание

Комаров Сергей Геннадьевич – к.и.н., Ученый секретарь Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: info@iea.ras.ru. **Komarov Sergey G.** – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: info@iea.ras.ru.

Зыкина Ольга Александровна – помощник ученого секретаря, младший научный сотрудник Отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ol_ya_z@mail.ru. **Zykina Olga A.** – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: ol_ya_z@mail.ru.

серий «Народы и культуры», «Этнографическая библиотека», «Инновации в антропологии», «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», а также двух профильных журналов «Этнографическое обозрение» и «Вестник антропологии».

Приоритетные темы научно-исследовательской работы

Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие

В ходе выполнения научно-исследовательской работы разрабатывался обширный круг проблем, в числе которых этнокультурное и цивилизационное развитие народов России; сохранение и развитие народных традиций; православие в контексте развития русской народной культуры; российско-белорусское и российско-украинское пограничье; историческая память и самосознание русских; государственная антитеррористическая политика на территории Северного Кавказа; формирование и развитие армянской диаспоры России и сопредельных территорий; социальная стратификация и этническая идентичность северных сообществ; социокультурное развитие коренных народов в контексте промышленного освоения Арктики; проблемы истории этнографии и этнологии. Специальные исследования были посвящены этнолингвистике, этнопедагогике и решению ряда вопросов из сферы юридической антропологии.

Исследования по ключевым проблемам изучения русского народа позволили выявить очаги сохранения традиционной культуры в городской и сельской среде, определить их специфику и проанализировать перспективы развития. Сделан важный вывод о переходном периоде в трансформации современной культуры русского народа: зафиксировано формирование новой культурной среды, отражающей все многообразие и сложность современного общества. Свидетельством этому служит, в частности, появление новых празднично-обрядовых форм, новых традиций и памятных дат в государственном календаре. Установлено, что православие остается одним из факторов, определяющих устойчивость традиционного этнопсихотипа русского этноса.

В 2018 г. осуществлялся мониторинг состояния этнических культур народов Севера и Сибири, их адаптации к новым социально-экономическим и политическим реалиям. Эти вопросы были рассмотрены сквозь призму государственной политики и научной теории, преимущественно на основе оригинальных полевых материалов, учитывающих опыт различных регионов и широкий исторический контекст.

В результате исследования процессов и событий, происходивших на Северном и Южном Кавказе в XIX–XX вв., выявлен механизм этнической мобилизации в условиях кавказской социокультурной традиции. Определены факторы устойчивости в этнокультурном развитии «старых» диаспор, равно как и особенности их адаптации в процессе взаимодействия с доминирующим этническим окружением. Одновременно изучение новых, «молодых» диаспор позволило понять специфику их статуса, идентичностей, жизненных практик и стратегий, в частности, кавказцев в дальнем зарубежье, что предоставило возможность сделать вывод о культурном стрессе как детерминанте резких изменений в социокультурном и психологическом облике мигрантов.

Одним из важнейших итогов научной деятельности стала коллективная монография *Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре / отв. ред. и сост. О.В. Кириченко. СПб: Аллетейа, 2018*. Книга затрагивает проблемы идеала и близких к нему

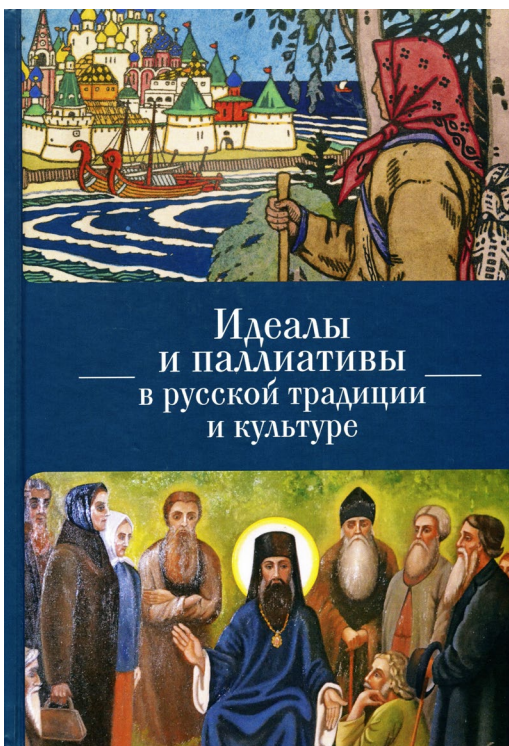
(паллиативных) форм, нашедших свое отражение в самых разных сторонах жизнедеятельности русских: в отношении к богатству, в культуре понимания греха и наказания за грех, в обычной правовой практике соблюдения чести в крестьянской среде, в создании института призрения сирот, в традиции религиозной практики поста. Все это – важнейшие стороны жизни русского народа, малоизученные, потребовавшие привлечения новых научных подходов и большого комплекса архивных и полевых (этнографических) материалов.

Антропологии русского старчества как своеобразного явления национальной истории и культуры посвящена книга *Цеханская К.В. Феномен русского старчества. Новосибирск: Академиздат, 2018*. Автором подробно рассмотрена история возникновения института старчества на Руси, проанализированы проявления его почвенно-русского характера. Совершена попытка выявления духовно-этического влияния старчества на русскую культуру XIX – начала XX века. Обобщение обширного корпуса источников позволило по-новому представить проблемы взаимосвязи старчества с аскетически-молитвенной практикой Афона и Византии.

Различные аспекты календарной мифологии восточных славян всесторонне освещены в монографии *Тульцева Л.А. Аграрные образы русского земледельческого календаря. М.: ИЭА РАН, 2018*. Большое внимание уделено образу Костромы и связанным с ней ритуально-игровым практикам, традиции заговенья на Петров пост, символике соловья в календарно-праздничной ритуалистике.

Книга *Денисова И.М. В лабиринтах орнамента и веков: семантический комплекс возрождения в русском народном искусстве. М.: Изд. МГХПА им. С.Г. Строганова, 2018* ставит основной задачей анализ глубоко закрепленного традицией изобразительного комплекса, отраженного во многих видах русского народного искусства, в частности, в большом количестве вариантов вышивки. В монографии выявляются древние корни орнамента, предпринята попытка его интерпретации на основе привлечения разнообразных историко-этнографических материалов, типологических параллелей в культурах древнего мира и современных народов.

В сборнике *Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018* раскрыты механизмы и источники формирования национальной идентичности в различных странах на разных этапах истории; уровни и формы коллективных идентичностей (гражданской, этнической, религиозной, регионально-локальной); факторы этнокультурного развития и принципы самоопределения в современных условиях. Большое внимание уделено изучению роли исторического опыта сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности.

Историографические очерки / отв. ред. и сост. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2018. В рамках анализа текущей ситуации в этой области научного познания интересы авторов были сконцентрированы на тех направлениях и школах, которые зачастую оказываются на периферии внимания ученых и поэтому мало знакомы научной общественности за пределами изучаемых регионов. Вместе с тем, частные сюжеты позволили проследить развитие социокультурной антропологии на современном этапе в более полном объеме. Книга состоит из 12 очерков, каждый из которых посвящен одному или нескольким аспектам развития науки в разных странах Европы.

Многолетняя совместная работа белорусских и российских этнологов воплотилась в коллективной монографии *Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI века (по материалам полевых исследований в сельской местности) / отв. ред. Р.А. Григорьева. М.: ИЭА РАН, 2018.* Книга написана на основе изучения полевых материалов, собранных в сельской местности на территории пограничных районов Российской Федерации и Республики Беларусь в течение почти 10 лет. Результаты полевых исследований обобщены с привлечением архивных, статистических, этнографических данных. Для выявления региональной специфики пограничного пространства были проанализированы особенности этнической идентичности жителей по обе стороны границы, лингвистическая ситуация, а также различные стороны культуры – традиционная кухня, ремесла, современные формы земледелия, семейная обрядность, праздничная культура, религия. Установлено, что несмотря на появление некоторых отличий в культуре под влиянием возникшей в 1990-е годы государственной границы, у жителей пограничных территорий по-прежнему фиксируются многочисленные аналогии и сходства, которые не дают им основания четко разделить русских и белорусов. Это обстоятельство позволяет считать пограничное пространство особой этнокультурной зоной, сохраняющейся и в настоящее время.

История коренных обитателей Больших Антильских островов от первого плавания к ним Христофора Колумба до середины XVI века подробно изложена в книге *Александренков Э.Г. Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе (конец XV – середина XVI вв.). М.: ИЭА РАН, 2018.* Впервые в отечественной литературе выделены и исследованы отдельные социальные категории у автохтонного населения региона в конце XV – середине XVI века. Прослежена также судьба их потомков, рассмотрено самосознание нынешних островитян.

Материалы, полученные в ходе многолетних индийских полевых экспедиционных работ, легли в основу монографии *Рыжакова С.И. Путешествие в бесконечность. Индийские этнографические этюды. М.: Вече, 2018.* В книге рассмотрены узловые моменты индийской истории и повседневности, мифы и культы, ремесла, театр, врачевание, музыка, кухня, традиции и обычаи разных кастовых, этнических и профессиональных сообществ. «Путешествие» и «бесконечность» – два главных стержня повествования: речь идет о личном опыте автора на пути к пониманию множества деталей и их взаимосвязей в культуре, этнической картине сложного общества Индии. Концепция «путешествия» охватывает как реальное, физическое перемещение, так и символическое передвижение в пространстве индийского музыкального звукоряда, кулинарного кода, медицинской практики, свадебной обрядности. Тема «бесконечности» как никакая другая демонстрирует широчайший спектр культурной вариативности и множественность типологий и таксономий, столь ха-

рактрных для всех областей индийского бытия. Речь идет также и о специфике индийской религиозной культуры, и о дробности и гибком применении форм всех социальных идентичностей, о стратегии аккультурации и отчуждения.

На страницах книги Тумаркин Д.Д. «*О тамо, кайе!*» *Воспоминания и размышления ученого-путешественника*. М.: Наука – Восточная Литература, 2018 автор, отпраздновавший в 2018 г. 90-летний юбилей, размышляет о своей долгой жизни, семье, крутых переменах в истории СССР и постсоветской России, путях развития отечественной науки, судьбах коллег на Родине и за рубежом. Также повествуется об экспедициях на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев» с высадками на Берегу Маклая (Папуа – Новая Гвинея) и других островах Океании, о многочисленных зарубежных командировках: Даниилу Давыдовичу Тумаркину довелось побывать в 26 странах, в том числе в тех, с которыми СССР не поддерживал дипломатические отношения.

Процессы этнокультурной трансформации, которые происходили на постсоветском пространстве в новое время в связи с миграционными потоками, освещаются в сборнике *Среднеазиатские диаспоры в России: пересечение идентичностей и взаимодействие с постсоветскими государствами* / отв. ред. Т.С. Каландаров. М.: ИЭА РАН, 2018. Миграция в Россию имеет свою специфику: сюда в большинстве случаев прибывают люди, ставшие после распада СССР гражданами соседних государств. Авторами приводятся данные о том, что несмотря на все факторы, которые разделяют бывшие советские республики, постсоветские страны по-прежнему связаны не только на экономическом, но и на культурно-историческом уровне. В фокусе исследовательского интереса оказались выходцы из Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана.

Межэтнические отношения и конфликты в России и в мире

Ведущими направлениями деятельности в рамках исследования межэтнических отношений и конфликтного фактора стали: изучение культурного многообразия и гражданственности российского общества как социального ресурса развития; измерение и выявление значений культуры, нравственности и морали, этнической и религиозной идентичности в системе межэтнических отношений; осуществление мониторинга этнополитической ситуации в регионах России и сопредельных государствах; разработка концептуальных подходов федерального законодательства в области государственной национальной политики; исследование механизмов обеспечения гражданского согласия в многоэтнических обществах; анализ конфликтного и интеграционного потенциала в сфере миграции на международном и российском опыте; определение этнокультурных потребностей в сфере образования.

На основании научных разработок впервые в российской науке поставлена научно-прикладная задача разделения двух важнейших понятий миграционной политики – «адаптация» и «интеграция» мигрантов. Исследования ИЭА РАН подтвердили, что культурная интеграция является важнейшим условием бесконфликтного развития государства, его экономики, общественных отношений. Выявлен состав потребностей регионов в интеграции внешних и внутренних мигрантов. Новые результаты позволяют скорректировать управленческую деятельность в миграционной сфере с целью предупреждения миграционных конфликтов.

В 2018 г. разрабатывались подходы реализации государственной переписи населения в части вопросов о национальности, гражданстве и языках в целях получения наиболее достоверной информации о культурной сложности России. Реализованы всесторонние исследования ксенофобской риторики в России (содержание, источники, авторы и распространители, каналы распространения), связанных с ней политических движений и их практики. Проведен комплексный анализ информации, транслируемой федеральными и региональными медиаканалами. Выявлены особенности и закономерности целенаправленного формирования общероссийской и региональной идентичности, определены общероссийские и этнонациональные ценности, обозначены позитивные и этноконфликтные тренды в деятельности российских СМИ и Интернета.

Крупным достижением научной работы 2018 г. стал выход коллективной монографии *Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов* / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов М.: ИЭА РАН, 2018, которая обобщила опыт исследований ИЭА РАН, Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, а также других российских и зарубежных научных центров по изучению современных межнациональных отношений и феномена этнического конфликта. Авторами использованы междисциплинарные подходы с целью обновления теоретических концепций и выявления провоцирующих факторов конфликтности. На материалах конкретных регионов и ситуаций раскрыты деструктивные воздействия националистической идеологии, бытового и печатного языка вражды, расиализации и групповых взаимодействий, массовых предрассудков и фобий, манипуляции «групповыми потребностями» и «групповыми интересами», антимиграционной риторики. В книге проанализированы эволюция доктринальных подходов и содержание современной Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

Основные положения существующих теорий предотвращения и урегулирования этнических конфликтов представлены в работе *Аствацатурова М.А., Степанов В.В. Предупреждение этнических конфликтов в Российской Федерации. М.: Общероссийская общественная организация «Юристы за права и достойную жизнь человека», Academia, 2018.* Авторами предложено определение этнического конфликта, определены условия его возникновения, типологизируются виды конфликта, отмечен его многосоставный характер. Особое внимание уделено системе предотвращения этнических конфликтов посредством проведения этномониторинга.

В книге *Государственная национальная политика России: экспертное мнение* / ред. В.В. Степанов, А.В. Черных. М.: ИЭА РАН, 2018 представлены научные доклады сотрудников ИЭА РАН, экспертов Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАWARN) и других российских научных центров, посвященные изучению этнополитической ситуации, оценке возможностей мониторинга и прогноза межэтнических отношений, разработке коррективов государственной национальной политики в регионах Российской Федерации.

Сборник статей *Мониторинг реализации государственной национальной политики в регионах России. Материалы Всероссийского форума национального единства* / ред. В.В. Степанов, А.В. Черных. М.; Пермь: ООО «Пермское книжное издательство», 2018 содержит доклады и тезисы Всероссийского форума национального единства об опыте реализации государственной национальной политики; управлении культурным многообразием в современных миграционных реалиях России; оценке конфликтного потенциала этнических, религиозных, языковых и миграционных отношений в российских регионах; лучших практиках заблаговременного предупреждения общественных конфликтов.

Результаты изучения этнополитической ситуации в российских регионах и странах ближнего зарубежья представлены в работе *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2017 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. В 2-х томах* / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2018. Аналитический обзор основных тенденций дан по системе индикаторов общественно-политического развития и состояния межэтнических отношений. Рассмотрены важнейшие проблемы этнической политики в условиях международных и внутригосударственных вызовов. В т. 1 представлены тематические разделы о миграционной, этнокультурной и религиозной ситуации, в т. 2 – разделы по результатам мониторинга этнополитической ситуации в государствах и регионах.

Результаты проведенных в 2016–2018 гг. в Московском регионе исследований общественных потребностей в сфере языка и народной культуры представлены в коллективной монографии *Общественный запрос на содержание этнокультурного образования в Московском регионе* / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2018. Издание включает разделы об отношении взрослого населения и подростков к национальным языкам, вопросам изучения народной культуры, параметрах групповой идентичности столичного и подмосковного населения, межгрупповых отношениях, социально-культурном самочувствии. Освещена также деятельность образовательных учреждений в сфере культурной и языковой политики.

Научному рассмотрению актуального и весьма сложного общественно-политического явления посвящена книга *Медийная индоктринация: антропологические исследования. Сборник научных статей* / отв. ред. В.К. Малькова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2018. Этот феномен – не только российское явление, и в большой степени он связан с формированием и функционированием массовых представлений и настроений, которые с помощью медиаканалов используют современные идеологи и политики. Анализу практики индоктринации, в том числе и в сфере межэтнического взаимодействия, посвящены представленные в книге статьи.

Разработка различных аспектов проблемы социокультурной и этнической идентичности нашла свое отражение в ряде публикаций. Коллективная монография *Свои*

и чужие. *Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы* / отв. ред. Е.И. Филиппова и К. Ле Торривеллек. М.: ИЭА РАН, Горячая линия – Телеком, 2018 посвящена кризису национальной идентичности, являющемуся отражением кризиса модели государства-нации на востоке и западе европейского континента. Авторами из России, Белоруссии, Франции и Австрии рассмотрен процесс размывания привычной оппозиции между концепциями гражданской и культурной наций, причины трудного становления гражданской идентичности в постсоветских европейских государствах (России, Украине и Белоруссии). Проанализирована растущая роль культуры и этничности в представлениях о национальной идентичности в Западной Европе (на примере Франции, Австрии и Исландии). Особое внимание уделено альтернативным формам идентификации (региональная и локальная), механизмам успешного и неудачного дискурсивного конструирования идентичности.

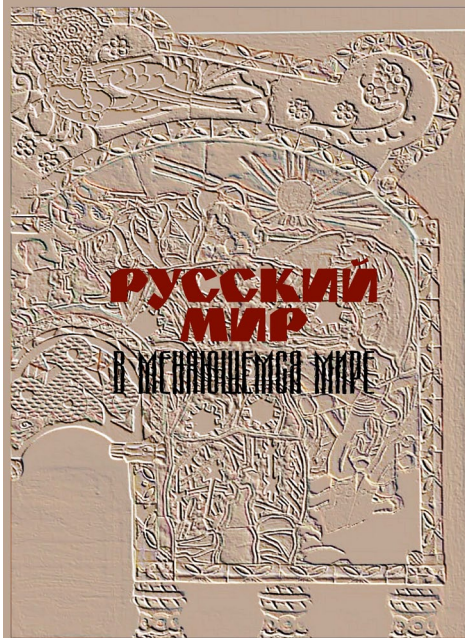
Коллективная монография *Русский мир в меняющемся мире* / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018 являет собой комплексное исследование русского зарубежья и русского мира. Книга состоит из трех частей, в которых отражены анализ научного и политического смысла доктрины русского мира; история и современное состояние российской/русской диаспоры; оценка отношений России с русским миром, а также результаты исследований этнокультурных и этносоциальных проблем трансграничного культурно-языкового сообщества «русский мир» в контексте реализации этнополитического проекта «Русский мир».

В сборнике статей *Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования* / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2018, посвященном юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Марины Юрьевны Мартыновой, содержатся результаты этнологических

СВОИ И ЧУЖИЕ

**МЕТАМОРФОЗЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ
на востоке и западе
Европы**

и социально-антропологических исследований по целому ряду проблем: морали и нравственности как ресурсам мира и согласия; общественному восприятию категорий добра и зла; этике и эстетике этнических и социальных групп; социокультурной и этнической идентичности; этнографическому рассмотрению концепта «советскости».

Книги *Этничность* / отв. ред. П.М. Пашалы. (Собрание сочинений в 10 томах). Том 1. Беллетристика. Критика. Публицистика. Комрат: Tipographia Centrala, 2018 и *Идентичность. Сборник докладов и сообщений межкультурной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященный 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло* / отв. ред. И.А. Константинова, П.М. Пашалы. Комрат: Tipographia Centrala, 2018 открывают собой цикл тематических публикаций по ключевым проблемам в сфере гуманитарных наук. Если XX столетие называют веком этничности, то в последние два десятилетия не менее прочное положение в общественных науках занимает концепт идентичности. Осмыслению этих двух поворотных категорий и их места в жизни народов, в том числе на примере феномена гагаузства и гагаузскости, посвящены данные работы.

О движении за русскоязычие («Языковая контрреволюция») повествует книга Губогло М.Н. *Русскоязычная Вандея (Гагаузия – Юго-Западный форпост Русского мира)* / отв. ред. Р.А. Старченко. М.: ИЭА РАН, 2018. Данное движение характеризуется в парадигме «Русскоязычной Вандеи». Смысл концепта выражен в формуле триединой стратегии «Русского мира» и Российской Федерации по сохранению, поддержке и продвижению русского языка и литературы на постсоветском пространстве и в целом в мире.

Данные этностатистики и социологических опросов русской городской молодежи опубликованы в изданиях Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. *Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации*. М.: ИЭА РАН, 2018 и Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. *Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики)*. Полевая этностатистика. М.: ИЭА РАН, 2018. В книгах проанализированы жизненные установки и социальные планы, стратегии поведения молодых людей в новых политических и социально-экономических условиях XXI века, их удовлетворенность жизнью, миграционный потенциал, вопросы языковой компетенции и языкового поведения, а также политические предпочтения, готовность к протестным акциям. Внимание авторов акцентировано на стратегии межэтнического взаимодействия молодежи в разных жизненных сферах, оценках межэтнических отношений в регионе и перспективах их развития.

Эволюционный континуум рода Ното

Основными направлениями деятельности по теме научно-исследовательской работы были эволюционная антропология, этническая антропология (одонтология, соматология), графическая и скульптурная реконструкция лица по черепу. Традиционно для ИЭА РАН были проведены обширные палеоантропологические исследования.

В 2018 г. была продолжена работа по междисциплинарному изучению захоронений русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. При участии сотрудников ИЭА РАН опубликованы две очередные книги четырехтомного издания, содержащие уникальные материалы комплексных исследований погребений XVI – начала XVII веков: *Некрополь русских великих княгинь и цариц в Возне-*

сенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4 томах. Том 3. Погребения XVI – начала XVII века. Часть 1, 2 / Александровская Е.И., Васильев С.В., Халдеева Н.И. [и др.]. М.: ООО «Типография Парадиз», 2018.

Результаты анализа археологических и антропологических находок на стоянке Заскальная VI (Республика Крым), соотносимых с неандертальцами Крыма, представлены в коллективной работе *Поздние неандертальцы Крыма. Заскальная VI (Колосовская). Слои III и IIIa / под ред. В.Н. Степанчука, С.В. Васильева. Киев: ЧП «Издательство “СЛОВО”», 2018.* Неандертальский человек подробно охарактеризован с морфологических и генетических позиций. Проведен анализ двух костных фрагментов (нижняя челюсть и фрагмент нижней челюсти) мустьерского времени, принадлежащих крымским неандертальцам из грота Заскальная VI-72 и VI-78 с территории Восточного Крыма. Соотнесение крымских неандертальцев со среднеазиатским неандертальцем из грота Тешик-Таш показало, что в обоих случаях проявляется характерный неандертальский одонтологический комплекс, отражающий внутригрупповую таксономическую специфику.

Монография историографического плана *Спицына Н.Х. Самородок с Полюса холода. М.: ИТРК, 2018* посвящена общественной, политической и научной деятельности известного российского антрополога, кандидата исторических наук Александры Михайловны Григорьевой – автора многих монографий, научных и общественно-политических статей. В книге обсуждаются биологические и социальные аспекты адаптации коренных жителей Севера к экстремальным условиям жизни в циркумполярных регионах Российской Федерации, а также традиции, обычаи и народное врачевание у якутов и эвенов.

В числе наиболее важных результатов научно-исследовательской работы 2018 г. – развитие новых технических приемов в области одонтометрии. Был предложен одонтометрический подход для получения данных по серии параллельных, проведенных с равными интервалами, сечений, в сочетании с автоматизированным определением расположения ориентиров, необходимых для проведения измерений.

По одонтологической программе были исследованы группы амурских тунгусо-маньчжурских народов – южных тунгусов, ульчей, орочей, нивхов, удэгейцев. Показано, что все анализируемые группы демонстрируют таксономическую общность в масштабе и границах дифференциации восточного одонтологического ствола. В структуре этого комплекса народы образуют одонтологический вариант с несколько ослабленной монголоидной спецификой. На основании полученных данных сделан вывод о том, что тунгусо-маньчжурские группы можно рассматривать как звено антропологической дифференциации в кругу народов Северной Азии.

В рамках антропогенетических исследований в 2018 г. был осуществлен анализ процессов воспроизводства в г. Горно-Алтайске Республики Алтай. Выявлена роль факторов биологической и социальной природы в процессах естественного движения населения Российской Федерации. Проведена работа по идентификации полиморфных белков женского молока и исследованию генетических аспектов связи с соматотипом новорожденных и репродуктивной функцией женщин. Разработаны и внедрены в практику методы идентификации полиморфных систем ферментных и других белков в женском грудном молоке. Впервые показано, что генетический полиморфизм амилазы женского молока статистически значимо связан с уровнем лактации у рожениц.

В ходе подготовки обобщающего издания по проблеме происхождения крупных народов Средней и Центральной Азии была сформирована иллюстративная база. Проанализированы палеоантропологические материалы по средневековому населению Приаралья. Изучены краниологические и остеологические коллекции из Хорезма и владения Кердер, полученные в процессе археологических раскопок некрополей Миздахкан, Токкала и Куюккала. Подробно исследованы краниологические материалы джетысарской культуры.

В 2018 г. была закончена и подготовлена к печати вторая часть монографии «Архитектура Золотой Орды». Исследование монументального зодчества позволяет достаточно полно и достоверно проследить взаимодействие различных традиций в сложении городской культуры Золотой Орды. Гражданские постройки – караван-сарай, рынки, бани-хаммам и усадебные здания – рассмотрены в контексте архитектуры Среднего Востока, Закавказья, Малой Азии, что предоставило возможность выделить различные культурные традиции в сложении архитектуры огромного государства. Хронологические рамки исследования охватили время с возникновения Улуса Джучи, т. е. с 40-х годов XIII в. до окончательного его распада в середине XV века.

С целью совершенствования метода антропологической реконструкции внешности в 2018 г. проводились работы по сбору и обработке материала по среднему этажу лица. Осуществлено изучение краниофациальных соотношений носовой области. Рассчитаны индексы, характеризующие пропорции средней части лица; выявлены половые различия в лицевых пропорциях. Корреляционный анализ между признаками, имеющими костную основу и не имеющими таковой, выявил наличие достоверной связи этих параметров между собой, что дает возможность применения регрессионного анализа для расчета таких размеров наружного носа как ширина и высота кончика на основе расстояния между альвеолярными возвышениями клыков, ширины переносья, ширины спинки носа.

В ходе работы по визуальной и антропологической характеристике внешнего облика представителей древних популяций были выполнены 2 скульптурные и 4 графические реконструкции внешности. Кроме того, исполнены две графических реконструкции внешности предположительно отца Ф.М. Достоевского.

Кросскультурные и междисциплинарные исследования

Биосоциальный и кросскультурный анализ моделей толерантности и базовых ценностей культуры в российском обществе сконцентрировал научные интересы вокруг нескольких тематических направлений, ключевыми из которых являются эволюционно-психологические и социокультурные механизмы кооперации и альтруизма; нейрофизиологические основы поведения человека; молекулярно-генетические и морфофизиологические маркеры проявлений агрессии и депрессивных расстройств; репродуктивный успех у мужчин и женщин в традиционных и индустриальных обществах; коммуникативные аспекты танатологических практик и верований.

В рамках изучения гендерных систем и гендерных отношений изучались история повседневности и частной жизни в прошлом и настоящем; история и этнология пола, тела, телесности; этнология семьи и форм брачного партнерства; теория и методология гендерных исследований; история женского движения; история и этнология сексуальности; гендерные аспекты материальной культуры и выстраивания городского пространства. Важными составляющими научной работы стали выявление

и введение в научный оборот первоисточников по истории русской репродуктивной культуры в самом широком ее понимании; обнаружение факторов, этапов и характера трансформаций репродуктивной культуры россиян.

Исследования в сфере медицинской антропологии были в основном посвящены неконвенциональной медицине в Российской Федерации и других странах мира; традиционным медицинским системам и их трансформациям в глобализирующемся мире; интеграции медицинских систем, практик и методов; антропологии инвалидности.

Изучение традиционных и современных механизмов адаптации было нацелено на разработку проблем этнической экологии древних и современных народов Евразии; культурной антропологии малых городов России; историографии и методологии этноэкологии; традиционных систем природопользования и факторов их исторической динамики; социально-культурной детерминации демографического поведения; этнической экологии питания. Кроме того, в рамках данного направления научной деятельности были обобщены методологические и методические вопросы преподавания этнической экологии и связанных с ней дисциплин. Проведен анализ социально-культурной адаптации русского населения в странах ближнего зарубежья к новым политическим, социально-экономическим и этнокультурным трансформациям XXI в.

В 2018 г. в рамках многотомной историко-этнографической серии «Народы и культуры» были выпущены две книги – «Евреи» и «Цыгане». Том *Евреи* / отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2018 представляет собой фундаментальный академический труд, посвященный истории и культуре евреев. В монографии рассматриваются общие вопросы происхождения и истории еврейского народа, особенности антропологического облика и языков, а также проблемы изучения еврейского фольклора и этнографии. Основное внимание уделено этнополитической истории и своеобразию традиционной культуры российских евреев: их занятиям, костюму, обрядам жизненного цикла, религиозным праздникам, пище, народным знаниям, фольклору, декоративно-прикладному искусству, образованию. Специальные разделы освещают многообразные процессы, протекающие среди евреев в современном мире, взаимоотношения евреев с другими народами. В отдельных разделах даны историко-этнографические материалы по неашкеназским группам: грузинским и бухарским евреям и иудействующим.

Том *Цыгане* / отв. ред. Н.Г. Деметер, А.В. Черных. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2018 – наиболее масштабный комплексный и разносторонний труд по

этнологии цыган на сегодняшний день. Цыгане до сих пор остаются малоизвестным и малоисследованным народом. Причина такой ситуации кроется не только в слабом развитии цыгановедения в нашей стране, но и в сложности проведения полевой работы в цыганских таборах – по сути замкнутых общностях. Ученые в настоящее время по-разному определяют статус цыганского сообщества – как «нацию без государства», «трансграничное национальное меньшинство», «межгрупповое этническое образование». Цыгане не едины в этнокультурном отношении. Отдельные их этнические группы отличаются не только особенностями языка, религии и культуры, но и разными сферами занятости, различным уровнем сохранности традиционных общинных институтов, неодинаковой

степенью вовлеченности в социум. Авторами издания поставлена задача обобщающего исследования о цыганах с позиций современной исторической и этнологической науки, объективного отражения многогранной культуры этого народа.

Авторы коллективной монографии *Технологии и телесность* / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2018 размышляют над такими сюжетами как этические аспекты совершенствования человека и отношений с технообъектами, зависимость человеческого тела от техносреды и технической инфраструктуры. В фокусе исследовательского внимания оказались новые взгляды на умения и привычки как результаты взаимодействия тела и техносреды.

В тематическом сборнике статей *Этнос и среда обитания. Вып. 6. Этноэкологическое образование* / ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, отв. ред. А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2018 акцентируется внимание на предпочтительном содержании университетских курсов по этнической экологии, на проблемах и перспективах преподавания в высшей школе этой и смежных с нею дисциплин. Также рассмотрены вопросы включения этноэкологической проблематики в систему внешкольного экологического и исторического образования.

Книга *Обратная сторона Луны, или что мы НЕ знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики: сб. статей* / отв. ред.: А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ООО «Издательство МБА», 2018 являет собой попытку представить социально-антропологический анализ инвалидности как культурного феномена. Авторами охватываются теоретические проблемы изучения инвалидности, а также вопросы, связанные с повседневностью людей с ограниченными физическими возможностями, их родственников и ближайшего окружения. В основу статей легли материалы качественных интервью и количественных опросов, работа с интернет-источниками, художественной литературой и автобиографическими текстами людей-инвалидов.

Гендерный аспект городской истории – как столиц, так и провинции – стал темой для обсуждений на одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциацией исследователей женской истории) и ИЭА РАН, материалы которой опубликованы в сборнике *Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород, в 2-х томах / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018*. Статьи сборников повествуют о жизни больших и малых городов России с точки зрения особенностей этих пространств для жизни каждого пола; о том, как практиковалось, переживалось, рассказывалось о сотрудничестве и соработничестве женщин и мужчин в городской среде; о том, как объединялись их усилия во имя решения вопросов социального благополучия; о том, чем и как городская среда помогала преодолению женского неполноправия и уравниванию жизненных шансов.

Новые подходы к анализу образования в современном обществе рассматриваются в сборнике *Традиции и инновации в сфере образования и воспитания / ред. А.М. Коришонов, отв. ред.: М.Г. Котовской. М.: Ритм, 2018*. В качестве важнейших предметов исследования представлены язык, культура, религия, традиции в сфере образования. В книгу *Проблемы социализации детей в современном мире / под ред. А.М. Коришоновой, М.Г. Котовской. М.: Ритм, 2018* вошли статьи, подготовленные на основе докладов участников секции «Роль государственной политики в поддержке семей с одаренными детьми» XV Международного конгресса «Российская семья».

В альбоме *Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажеев А.А. История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. М.: «Олеабук», 2018* обобщены и сведены воедино многочисленные материалы (несколько десятков тысяч единиц хранения) Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, работавшей в 1946–1951 гг., в частности, в низовьях Сырдарьи, на территории Республики Казахстан. Архивные материалы включают полевые дневники исследователей, экспедиционные отчеты, стенограммы совещаний, чертежи, фотоматериалы, а также зарисовки, копии настенных росписей и рисунки находок, выполненных экспедиционными художниками.

Труды Маргианской экспедиции. Т. 7 / отв. ред. Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2018 освещают часть работ, проведенных на памятнике Гонур-депе в юго-восточных Каракумах в 2014–2015 гг. В книге приводятся результаты археологических, палеоантропологических, палеопатологических, археоэкологических, геохимических и магнитометрических исследований; представлен анализ технологии изготовления керамики. Обсуждаются социальная структура маргианского общества, торговля слоновой костью, методические вопросы определения возраста по костному материалу и некоторые этнографические сюжеты. Авторами также затрагивается проблема локализации первичного очага носителей индоевропейских языков.

Антропология и этнология в системе образования и воспитания

Научно-исследовательская работа ориентирована на внедрение результатов фундаментальных исследований в сфере этнологии, социально-культурной и физической антропологии в образовательный процесс. Основная деятельность в 2018 г. была направлена на профессиональную подготовку специалистов высшей квалификации – этнологов, социальных антропологов и физических антропологов, создание и поддер-

жание для них необходимой образовательной среды. На базе Института действуют аспирантура и докторантура, ведется подготовка соискателей ученой степени кандидата и доктора наук, проводится практика и стажировка по специальности 46.06.01 – Исторические науки и археология, обеспечивается организационное сопровождение работы Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций.

В Этнографическом кабинете-музее им. Н.Н. Чебоксарова на протяжении года велась постоянная музейно-хранительская, экспозиционная, экскурсионная, методическая и научно-исследовательская работа. В 2018 г. в этнографический музейный фонд ИЭА РАН было принято 2 новые коллекции, которые представляют культуры народов Вьетнама и Болгарии. Продолжено формирование фотоархива собрания музея; произведена фотофиксация китайских коллекций.

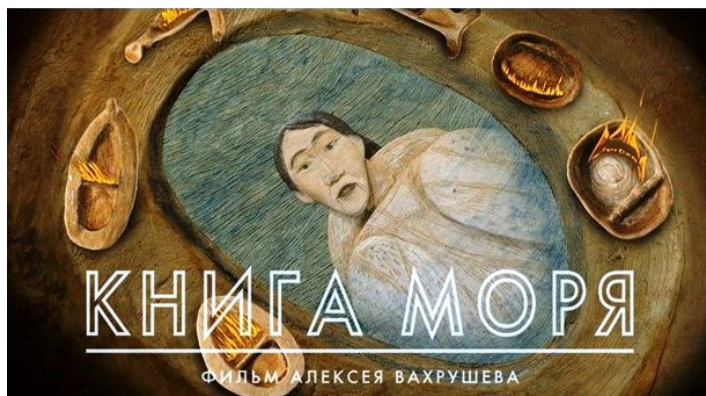
Непосредственно исследовательская работа была ориентирована на изучение этноконфессиональных меньшинств Урало-Поволжья и Тувы, этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье, истории этнографической науки, этнологии и истории материальной культуры народов мира. Важными тематическими направлениями также были этнографическое музееведение и этнографическая африканистика.

Важным событием в научной жизни следует считать выход книги *Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. акад. В.А. Тишков, сост. и науч. ред. О.Ю. Артемова. М.: Книжный Дом «Университет», 2018*. Это первый в российском общественном образовании вузовский учебник по дисциплине «Антропология и этнология», который по своей структуре и содержанию соответствует как пониманию этой дисциплины в мировой науке, так и одноименному направлению подготовки в высших учебных заведениях нашей страны. Книга состоит из трех частей: эволюционные основы поведения человека и этология человека: социальная (или культурная) антропология; политическая антропология и этнология. В учебнике представлены такие фундаментальные темы, как изучение эволюции человека и социальных институтов, феномена культуры и категории «общество», исследование систем родства, гендерных и возрастных аспектов человеческого взаимодействия, а также историко-психологических характеристик представителей различных культур, кросс-культурные исследования социальной жизни, изучение политической организации, которое включает исследование природы государственности, наций, межнациональных и межконфессиональных отношений, этнополитических конфликтов и способов их урегулирования.

Актуальные темы этнополитологии – принятие Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. и конкретные шаги в рамках ее реализации, создание ФАДН России, возвращение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации – нашли отражение в издании *Зорин В.Ю. Записки политолога. М.: ГБУ «МДН», 2018*. В сборнике опубликованы научные статьи, доклады, выступления и интервью за 2013–2017 гг. доктора политических наук, профессора и одного из ведущих экспертов в сфере государственной национальной политики Владимира Юрьевича Зорина.

Статьи молодых ученых (этнологов, археологов, антропологов, социологов, философов), участвовавших в научно-практической конференции ИЭА РАН «Проблемы идентичности в контексте мирового опыта», вошли в состав сборника *Проблемы идентичности в контексте мирового опыта. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 12–14 декабря 2017 г. / отв. ред. О.Л. Милова, сост. и предисл. Е.Б. Барина. М.: ИЭА РАН, 2018*.

В 2018 г. завершено производство 85-ти минутного документально-анимационного фильма Алексея Юрьевича Вахрушева «Книга Моря» о традиционной культуре морских охотников Берингова пролива, береговых чукчей и эскимосов юпик. Реализация проекта началась в 2013 г. при

поддержке Русского географического общества, Этнографической комиссии РГО, Министерства культуры Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Правительства Чукотского автономного округа, а также множества государственных, общественных и коммерческих организаций. Специфической чертой фильма является наличие анимационной линии, в основу которой положен эскимосский миф о «женщине, родившей кита». Анимация стала возможной благодаря трехлетней работе при участии специалистов-экспертов Государственного музея искусства народов Востока и Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. Международная премьера фильма состоялась на 61 международном фестивале DOK Leipzig. Кроме того, в 2018 г. были подготовлены несколько документальных этнографических фильмов – о русской и китайской кухне, о научно-познавательной экспедиции в Костромской области, наконец, о высокогорном городе Ла Ринконада.

Итоги научно-организационной работы

Координационная деятельность

В 2018 г. ИЭА РАН выполнял функции головной организации по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление», в которой принимают участие ряд учреждений Российской академии наук историко-филологического профиля.

Созданная при непосредственном участии ИЭА РАН Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) по состоянию на 2018 г. координирует взаимодействие специалистов в сфере этнополитики из порядка 40 регионов России. Целью Сети является организация мониторинга этнополитической ситуации на постсоветском пространстве – в регионах Российской Федерации и странах ближнего зарубежья. Выполнение прикладных исследований и обобщение экспертной информации способствуют совершенствованию этнической политики, улучшению механизмов регулирования межэтнических и религиозных отношений. 12–17 октября 2018 г. в г. Вена (Австрия) состоялся XXIV Семинар Сети. В числе важнейших проблем, обсуждаемых на семинаре – демографические и социально-культурные результаты миграций: управление культурным многообразием в условиях современных миграционных реалий и государственно-общественного сотрудничества; миграция и межэтнические отношения: ресурс государственно-об-

щественного партнерства; предупреждение миграционных конфликтов; модели этнической и миграционной политики для успешной адаптации мигрантов.

На базе ИЭА РАН действует образованный в 2013 г. центральный офис Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем (РНЦ). В 2018 г. в орбиту ведущейся работы был вовлечен также Дальневосточный федеральный округ. Центральный офис РНЦ обеспечивает общую теоретико-методологическую базу и регулирует деятельность, проводимую в девяти государственных университетах. РНЦ координирует реализацию актуальных исследований прикладного характера, которые могут содействовать более эффективной работе органов государственной власти в сфере предупреждения и разрешения конфликтов на этнической почве, а также в области укрепления общероссийского самосознания, гражданского согласия и толерантности.

ИЭА РАН во взаимодействии с учеными других научных центров продолжал работу по подготовке многотомной серии «Народы и культуры», нацеленной на монографическое обобщение историко-этнографических данных о народах России и сопредельных стран на широкой источниковой базе, в соответствии с современными теоретико-методологическими принципами этнологии, социально-культурной и физической антропологии. Каждая книга серии представляет собой фундаментальное исследование, охватывающее сферы этнической истории, материальной и духовной культуры, традиционных социальных институтов и норм, этнического самосознания, антропологических особенностей различных народов. В 2018 г. список вышедших томовполнили «Евреи» и «Цыгане». На различной стадии подготовки на текущий момент находятся «Ногайцы», «Казахи», «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги», «Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока», «Таджики».

В 2018 г. Институт координировал деятельность по подготовке и реализации ряда крупных мероприятий. К числу важнейших из них относятся Одиннадцатая международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и ИЭА РАН «“Новгород Нижний – сосед Москве Ближний”: горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков», VI Международный интердисциплинарный научно-практический симпозиум «Медицина и (со)общества: интеграция медицинских систем, практик, методов в профилактике и оздоровлении».

Полевые исследования

В 2018 г. сотрудники, аспиранты и соискатели ИЭА РАН приняли участие в полусотне экспедиционных выездов как в различных регионах России, так и в ряде зарубежных стран. Экспедиционная деятельность была ориентирована на решение обширного круга научных проблем в сфере этнологии, физической антропологии, археологии и смежных дисциплин.

Весьма широкая тематическая направленность полевых исследований становится очевидной даже на примере столичного региона и Московской области. Так, в Истринском районе собраны материалы, позволяющие определить уровень эмпатии и кооперации среди детей и подростков. Аналогичная работа проведена в Москве среди студенческой молодежи. При непосредственном участии ИЭА РАН реализованы геофизические и археологические исследования подземной части Калитниковского ручья – притока реки Хохловка на территории Москвы. Наконец, в Московской области рассмотрены современные тенденции развития малого предпринимательства.

Традиционно научные интересы сотрудников и аспирантов нашего Института были нацелены на всесторонний анализ социокультурной адаптации населения Центральной России в XXI в. Специфика этнокультурной, демографической, экологической и социально-экономической ситуации в условиях малого города изучалась в ходе выездов в г. Белев Тульской области, г. Старица Тверской области, г. Верея Московской области.

Экспедиции в Липецкую и Тверскую области были нацелены на определение векторов развития русской народной культуры в начале XXI века. В Липецкой области – в г. Ельце и в Лебедянском районе – были выявлены очаги сохранения традиционной культуры (в церковных и светских структурах), раскрыты их особенности и перспективы развития. В Тверской области – в Кашинском районе – собраны сведения о функционировании в 1970–1980-е годы и в настоящее время религиозных традиций, укорененных в семейной, праздничной, социальной культуре. Другой выезд в Тверскую область – в д. Волговерховье Осташковского района – совершен для пополнения источниковой базы по вопросу об этнорелигиозной идентичности русских.

Обширный материал по различным аспектам проблемы современной православной культуры был собран в Курской области. В частности, специальному исследованию были подвергнуты религиозные предпочтения и формы религиозного поведения, представления мистического характера, включение православных сюжетов в современную праздничную культуру, соотношение церкви и общественно-государственных структур, особенности современного пастырского служения. В ходе работы особое внимание обращалось на специфику культуры в так называемых украинских (хохлацких) и русских (москальских) селах.

С целью анализа идентификационных и этнокультурных процессов на территории российско-украинского пограничья был организован выезд в Ольховатский и Россошанский районы Воронежской области, где проживают потомки выходцев с украинских земель с самоназванием «хохлы». Основополагающей задачей ставилось выявление влияния современной культурной и языковой ситуации на сохранение собственной идентичности этого населения.

Одним из приоритетных направлений научной деятельности Института на протяжении многих лет является изучение российско-белорусского пограничья. В 2018 г. были совершены несколько экспедиционных выездов в Псковскую область. Один из них – в Усвятский и Невельский районы – ориентирован на получение данных по обрядовой и праздничной культуре в приграничных районах, входивших в прошлом в состав Витебской губернии. Конкретной задачей являлось уточнение локального распространения обрядовых сюжетов с целью последующего картографирования и сопоставления с аналогичными данными в сопредельных районах Белоруссии. В рамках этого же выезда собраны материалы для изучения особенностей этнической идентичности и языковой ситуации, а также традиций питания. Выявленные в Себежском районе сведения значительно дополнили базу для исследования института репутации в традициях общения и системе соционормативных коммуникаций в деревне белорусско-российского пограничья. В Смоленске и Смоленской области объектом научных изысканий стали особенности этнической идентичности, языковая ситуация и традиции питания цыган.

Разработке обширного комплекса научных проблем содействовали полевые материалы, собранные в ходе экспедиционных выездов в Республику Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Полученные данные позволили про-

вести анализ социально-экономических и этнокультурных трансформаций в Арктике, вызванных, с одной стороны, активным промышленным освоением Севера, с другой – процессом урбанизации. Исследованы основные параметры уровня и качества жизни, а также социального самочувствия традиционных северных сообществ. Большое внимание уделено определению роли городского образа жизни в создании новых социальных / этнических границ в аборигенных сообществах Севера России. Выявлена специфика взаимодействия коренных народов, органов власти и промышленных компаний.

В ходе исследования, проведенного в городах Гусь-Хрустальный и Меленки Владимирской области, а также в поселке Елатьма Рязанской области, удалось уточнить закономерности возникновения молодежных уличных сообществ в малых городах. В г. Санкт-Петербурге раскрыты особенности бытования ленинградских уличных сообществ во второй половине 1980-х годов.

В г. Давлеканово Республики Башкортостан и в ряде населенных пунктов Республики Тува рассмотрены особенности похоронно-поминального комплекса старообрядцев.

Материал по парохияльному альтруизму и особенностям решения моральных дилемм в группах альпинистов и военных был получен в ходе экспедиционного выезда в Кабардино-Балкарию.

Проведено антропологическое обследование населения Тувы с целью выявления физических изменений, произошедших за последние 40 лет, и определения модели поведения в стрессовых ситуациях. На территории горной Ингушетии по краниологической и одонтологической программам были изучены палеоантропологические материалы из средневековых склепов.

Как и в предыдущие годы, в 2018 г. при активном участии ИЭА РАН в нашей стране и за рубежом велись обширные археологические исследования. Продолжились работы на городище IX–XIV вв. в с. Самосделка Астраханской области, где были изучены слои, относящиеся к раннему периоду существования памятника – X–XI вв. Очередной полевой сезон проведен на раннесредневековом городище Джанкент (Республика Казахстан). На территории Казахстана были также исследованы курганные могильники второй пол. V – первой пол. II в. до н.э. – Кара-Арша, Сункар, Рахат. В г. Туркестане в процессе раскопок на городище Шой-тобе выявлена часть бани X в. В северо-восточной части городища Гонур-депе – памятника эпохи бронзы, расположенного в юго-восточной части Туркменистана – в ходе работы Маргианской археологической экспедиции 2018 г. были изучены несколько десятков погребений. Наконец, в Каракалпакии (Республика Узбекистан) проведены археологические работы на позднесарматском могильнике Гунжели.

На территории Таджикистана (Хатлонская область) и Узбекистана (г. Ташкент и Ташкентская область, г. Самарканд) был собран полевой материал для характеристики современного жилища таджиков.

В рамках исследования погребальной культуры и мемориативных практик греков-киприотов и британцев (так называемых экспатов) велась экспедиционная деятельность на Кипре. Непосредственным объектом изучения стала материальная культура сельских кладбищ так называемой Золотой долины (Хрисоху, Пафосская епархия). В ходе поездки записаны интервью с экспертами и носителями культуры. Фотодокументирование кладбищенских захоронений создало необходимую основу для проведения кросскультурных сравнений и выявления влияния экономических и

социальных факторов, обуславливающих планирование кладбищ, выбор типа захоронений и характеристик обустройства могил.

В 2018 г. для изучения русского мира Финляндии была организована ставшая традиционной специальная экспедиция в города Эспоо, Хельсинки, Вантаа. Как и в предыдущие годы, проведено анкетирование и углубленное интервьюирование членов российского культурного сообщества и других групп бывших соотечественников. Кроме того, осуществлен экспертный опрос представителей финляндского научного сообщества по проблеме русского мира.

В г. Вене (Австрия) и г. Кельне (Германия) изучалась интеграция медицинских систем, практик, методов в систему официального здравоохранения этих стран. С этой целью были проведены экспертные интервью с работниками сферы медицинской антропологии, ведущими исследования по данной проблеме. Кроме того, посредством включенного наблюдения были получены сведения о работе специализированных клиник и СПА-салонов, использующих методы комплементарной и альтернативной медицины. Осуществлено интервьюирование клиентов этих учреждений.

В Танзании собраны антропометрические и молекулярно-генетические материалы у представителей племени масаи для изучения специфики репродуктивного успеха у мужчин и женщин в условиях традиционного общества. Продолжена аналогичная работа в отношении датога. Кроме того, в племени датога были получены данные, обогатившие источниковую базу для изучения молекулярно-генетических и морфофизиологических маркеров агрессивного поведения, депрессивных расстройств и их экспрессии в разных культурных средах.

В 2018 г. было совершено несколько экспедиционных выездов с целью подготовки документальных этнографических фильмов. Материал для фильма, посвященного русской кухне, был собран в Москве, Санкт-Петербурге, а также в ряде населенных пунктов Московской, Тверской и Ленинградской областей. В Костромской области проведены съемки и производство фильма о комплексной научно-познавательной экспедиции «Унорож – путешествие сквозь века». В Пекине и Шанхае велись съемки фильма о китайской кухне. В Перу было снято документальное кино о городе Ла Ринконада – высочайшем населенном пункте в мире. В г. Анадырь Чукотского Автономного округа производилась запись сказительниц для анимационной линии фильма «Книга Моря».

Прикладные исследования и экспертные работы

В 2018 г. продолжено ведение мониторинга этнополитической ситуации в регионах России и сопредельных государствах. Анализировались возможности совершенствования научного и государственного мониторинга и прогноза межэтнических отношений. На этой основе осуществлялась разработка предложений для корректировки государственной национальной политики Российской Федерации.

По запросу государственных учреждений и институтов были проведены специальные прикладные исследования и выполнены экспертные работы по проблемам правовой защиты интересов граждан Российской Федерации в этнокультурной сфере, в том числе защиты прав на государственные гарантии коренных малочисленных народов. Решались узкие вопросы об этнокультурном развитии ряда народов России; устойчивом развитии русского языка и культуры; механизмах, потенциально способствующих защите интересов России на постсоветском пространстве.

ИЭА РАН внес существенный вклад в разработку новых положений основного документа нашей страны в сфере государственного управления этнокультурным многообразием – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Новая редакция Стратегии закрепила концепт российской нации, развивая содержание этого понятия. Впервые в доктринальном документе о государственной национальной политике дано определение разработанных Институтом основных понятий: «российская нация», «государственная национальная политика», «гражданское единство», «общероссийская гражданская идентичность», «межнациональные (межэтнические) отношения», «национально-культурные потребности, этнокультурные потребности», «народы, национальности, этнические общности», «этнокультурное и языковое многообразие».

Разработаны и представлены в Федеральное агентство по делам национальностей рекомендации по нормативному закреплению процедуры этнологической экспертизы в качестве дополнений Федерального закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов и поправок в Градостроительный кодекс Российской Федерации.

Проведены исследования в области этнической географии в целях разработки предложений для модельного законодательства стран СНГ о горных территориях. Впервые получены сведения о количестве муниципальных образований, расположенных в горных ареалах, численности и этническом и языковом составе населения, проживающего на абсолютных высотах 400 метров и более над уровнем моря. На основе полученных данных ИЭА РАН сформулировал основные направления модельного закона о горных территориях. Результаты направлены в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Распределенным научным центром по изучению межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ) при координации Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) подготовлена и издана серия докладов о состоянии межэтнических отношений в регионах России. Публикации содержат обзор основных событий и новейших тенденций, оказывающих влияние на состояние межэтнических и религиозных отношений, включают рекомендации по достижению межнационального согласия, упрочения российской гражданской идентичности, стабилизации общественного развития.

Взаимодействие с отраслевой и вузовской наукой

ИЭА РАН традиционно тесным образом связан с системой высшего и среднего образования Российской Федерации. Сотрудники Института принимают непосредственное участие в педагогическом процессе многих вузов и школ Москвы и других городов России. Связь с отраслевой и вузовской наукой выражается также в совместных научно-исследовательских проектах с преподавательским составом вузов.

Важная сфера взаимодействия ИЭА РАН с высшей школой осуществляется через научно-методическое обеспечение педагогического процесса в Учебно-научном центре социальной антропологии РГГУ, где реализуются две программы высшего профессионального образования антропологического профиля – «Социальная антропология: субдисциплины» (магистратура), «Антропология и этнология (бакалавриат)».

Сотрудники Института читали лекционные курсы или выступили с отдельными лекциями в ряде образовательных учреждений Российской Федерации и некоторых зарубежных стран.

Многие ученые ИЭА РАН являются членами диссертационных советов ведущих академических учреждений и университетов страны, включая Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), Дипломатическую академию МИД России, Институт инновационной деятельности в образовании РАО, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова.

ИЭА РАН в 2018 г. выступал в роли ведущей организации на защите ряда кандидатских и докторских диссертаций. Кроме того, сотрудники ИЭА РАН были официальными оппонентами кандидатских и докторских диссертаций, защищённых во многих академических учреждениях и вузах страны.

Международное научное сотрудничество

Институт поддерживает обширные научные связи с ведущими исследовательскими центрами мира. На текущий момент продолжается работа по 30 международным проектам с участием научных и образовательных учреждений США, Великобритании, Германии, Франции, Финляндии, Молдовы, Беларуси, ряда других стран Европейского союза и СНГ. В 2018 г. в рамках специальных проектов осуществлены кросскультурные измерения, предоставляющие новые данные о кооперативном и агрессивном поведении человека; выполнено антропологическое изучение коллекций с археологических памятников Центральной Азии; проведены массовые этносоциологические опросы молодежи в России, Молдовы и Беларуси; разрабатывалась тематика, связанная с конспирологией в общественном дискурсе; собраны и обработаны полевые материалы по самым разным проблемам этнологической и антропологической науки.

Укреплению партнерского взаимодействия способствует наличие соответствующих договоров. В 2018 г. география международных контактов ИЭА РАН была существенно расширена; состоялось подписание соглашений о сотрудничестве с научными учреждениями Испании, Республики Молдова, Казахстана, Боснии и Герцеговины.

Значимыми событиями научной и общественной жизни 2018 года стали несколько совместных мероприятий Института с зарубежными организациями. В рамках российско-белорусского симпозиума были презентованы исследования коллектива этнологов Беларуси и России и одного из их ключевых результатов – монографии *Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI века (по материалам полевых исследований в сельской местности)* / отв. ред. Р.А. Григорьева. М.: ИЭА РАН, 2018. Сотрудники ИЭА РАН приняли активное участие в организации и проведении двух международных круглых столов (Душанбе, март 2018 г.; Ашхабад, октябрь 2018 г.), посвященных разработке направлений совместных исследований ученых России, Таджикистана и Туркменистана. В честь 80-летия со дня рождения Михаила Николаевича Губогло в Комрате (Республика Молдова) состоялась международная научно-практической конференция «Единство исторических судеб» и опубликован сборник докладов.

ИЭА РАН в 2018 г. выступил в роли организатора ряда мероприятий международного уровня. В работе Одиннадцатой научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и ИЭА РАН «“Новгород Нижний – сосед Москве Ближний”»: горожанки и горожане в политических, экономических и куль-

турных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков» приняли участие исследователи из Беларуси, США, Японии, Молдовы, Польши, Литвы, Италии. Среди зарубежных участников VI международного междисциплинарного научно-практического симпозиума «Медицина и (со)общества: интеграция медицинских систем, практик, методов в профилактике и оздоровлении», а также XIII и XIV международных Школ медицинской антропологии и биоэтики – ученые из США, Индии, Вьетнама, Китая, Австрии, Беларуси и других стран.

Институт и его сотрудники традиционно принимают участие в работе многих международных организаций. В их числе – Международный союз антропологических и этнологических наук (International Union of Anthropological and Ethnological Studies – IUAES), Ассоциация по исследованиям национальностей, Европейская ассоциация социальных антропологов (European Association of Social Anthropologists – EASA); Американская антропологическая ассоциация, Европейская антропологическая ассоциация, различные институты в системе Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО, Совета Европы. В частности, при активном организационном участии ИЭА РАН проведена секция на XVIII Конгрессе Международного союза антропологических и этнологических наук (IUAES) в Бразилии.

O.A. Zykina, S.G. Komarov. Research activity of IEA RAS in 2018: main achievements.

The article presents the key results achieved The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology in 2018, which is one of the leading Russian scientific institutions in the field. In the context of the research activities conducted by the Institute, the authors highlight the development of some fundamental issues of ethnology, socio-cultural and physical anthropology, as well as of a number of interdisciplinary areas. A brief review of the main publications representing the most significant scientific results is given. Special sections of the article reveal the key points of organizational and expert activities. The main vectors of international cooperation are indicated.

Key words: IEA RAS, problems of ethnology and anthropology, research, expeditions, education, international cooperation, expert work.

**РЕЦ. НА МОНОГРАФИЮ:
«СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ /**

**отв. ред. М.Ю. Мартынова / кол. авт.: Э.Г. Александренков,
М.А. Андриянина, А.Вл. Верещагина-Гурко,
Р.А. Григорьева, Н.Г. Деметер, И.Ю. Заринов,
М.М. Керимова, А.Н. Кожановский, М.К. Любарт,
М.Ю. Мартынова, В.В. Руднев, Е.А. Сорокина,
О.Д. Фаис, Г.П. Шантек. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 426 с.»**

Недавно вышедшая под грифом Института этнологии и антропологии РАН монография «**Современная Европейская социокультурная антропология и этнология. Историографические очерки**», безусловно, заслуживает внимания современных читателей. Это комплексное и качественное исследование по историографии европейской и социокультурной антропологии. Книга читается с интересом, поскольку исследуемые проблемы излагаются совершенно не скучным, «живым» языком. Стиль «историографических очерков» доступен для понимания не только всем специалистам в области этнологии и антропологии, но и студентам/ магистрантам/ аспирантам, а также простому обывателю, что делает эту работу еще более востребованной. Хотелось бы подчеркнуть, что подобное исследование будет полезно молодым ученым,

которые, как правило, в своих трудах мало обращаются к историографии и имеют весьма смутное представление о том, что это за научный жанр и для чего нужен историографический обзор. Я думаю, не стоит и говорить, что за последнее время качество историографических разделов в диссертационных исследованиях существенно снизилось, а в некоторых работах он и вовсе отсутствует. Многие авторы в своих трудах лишь перечисляют основных специалистов по теме и их работы, ино-

гда без анализа вклада тех или иных ученых в изучение важных аспектов научных направлений. Именно поэтому хотелось бы обратить особое внимание на этот труд с точки зрения методологии написания историографии и рекомендовать его использовать не только как источник, но и как учебное пособие, помогающее постигать основы историографии. Эта монография подготовлена ведущими специалистами в области отечественной этнологии и поэтому сама по себе представляет важную ценность для начинающих свой исследовательский путь ученых, планирующих заниматься этнологией в дальнейшем. Монография написана сотрудниками Центра европейских и американских исследований ИЭА РАН. Задача книги – показать те направления и школы европейской науки, которые порой оказываются на периферии внимания ученых и мало знакомы научной общественности за пределами изучаемых регионов. Авторы стремились исследовать не ведущие мировые научные школы, а частные сюжеты, которые вместе с тем, позволяют проследить развитие социокультурной антропологии и этнологии на современном этапе в более полном объеме. Книга состоит из 12 очерков, каждый из которых посвящен одному или нескольким аспектам развития науки в разных странах Европы. Выбор регионов и сюжетов в какой-то степени объясняется научными интересами ученых, принявших участие в подготовке предлагаемого читателям научного труда.

Первый историографический очерк посвящен *«Этнологическим исследованиям в Беларуси»*. Авторы Р.А. Григорьева и ее белорусская коллега Ал.В. Верещагина–Гурко проделали большую работу по анализу исследований ученых Беларуси. В целом, глава затрагивает не только фундаментальные труды, удостоенные государственных премий, но и региональные исследования, работы в области семейных отношений, религиозную тематику, культурные аспекты и многие другие проблемы, которые могли бы остаться незамеченными не только любителями, но и специалистами в области этнографии и этнологии Белоруссии.

Во второй главе *«Британская антропология: потенциал традиций»* (В.В. Руднев) подробно анализируется английская школа антропологии. Приводится обзор основных течений в науке этой страны. Автор простым и доступным языком знакомит читателя с исследовательскими проектами Британии. Безусловным достоинством очерка является тот факт, что в нем дается обзор не только современных научных проектов, но и в целом британской антропологии. [Также анализируются плюсы и минусы приверженности традициям, такой опыт, в принципе, может быть использован другими учеными]

В очерке *«Испанская антропология: “второе рождение” и трудности роста»* А.Н. Кожановским рассматривается проблема формирования и становления испанской антропологии. В этой главе анализируются не только основные достижения науки и исследования по направлениям дисциплины социальная антропология, но и рассматривается современное состояние и значимость этой большой отрасли науки для Испании в целом. В частности, автор отмечает, что «едва ли не все наши испанские коллеги, пишущие на эту тему, убеждены, что в силу принадлежности к данной профессии они являются носителями совершенно особого, отличного от практикуемого другими дисциплинами исследовательского подхода, который дает знание, не улавливаемое иными методами, но в каких-то случаях абсолютно необходимое для понимания подлинной сути явления, события или процесса <...> по их мнению, основная сверхзадача, которая стоит перед антропологией, заключается в том, чтобы

стать полезным, прикладным знанием всюду, где ее можно применить, с тем, чтобы “позитивно развернуть” общество» [92–93]. Вместе с тем далее, основываясь на словах испанских коллег, автор рисует весьма печальную картину состояния антропологии в стране. В основном это связано с тем, что сказывается недостаток средств финансирования науки и «дисциплина находится в полной зависимости от расположения власть имущих», а ученые в прямом смысле вынуждены «выклянчивать какие-то крохи, пытаюсь убедить в актуальности исследования гендера, миграций и идентичности» [93], что в принципе очень схоже с российской действительностью. Однако, по мнению автора, потенциальные возможности и перспективы науки в Испании весьма обширны, в случае проведения необходимых реформ. Вселяет надежду тот факт, что основные исследовательские проекты все же продолжают, хоть и пишутся в большинстве случаев «в стол» испанской администрации [93].

Следующим очерком в монографии идет «*Антропологическая американистика в Испании: обзор журнала «Revista española de etnología Americana»*» (Э.Г. Александренков), где представляется обзор статей журнала «Испанское обозрение американской этнологии». Поскольку подобное исследование по сути является единичным и в отечественной науке подобных обзоров не было, читателю безусловно будет интересно познакомиться с состоянием этой отрасли знания в Испании. Автор детально анализирует «антропологическую американистику Испании» [103], а также последние 10 томов журнала за 2006–2016 гг. Э.Г. Александренков приходит к выводу о том, что происходят незначительные изменения в американистике Испании. Фактически все исследования, по-прежнему касаются лишь аборигенного населения, практически полностью отсутствует изучение современного населения Америки, что является существенным пробелом для этой отрасли науки. Но прочитав, предыдущий очерк становится понятно, с чем это связано.

Обширному анализу подверглась антропология Сицилии. В главе-очерке «*Некоторые направления научных исследований в Сицилии*» О.Д. Фаис представлены основные работы местных авторов, а также особенности, появившиеся в гуманитарной сфере Италии в 90-е годы XX века: «“исследовательский сепаратизм” и сужение круга изучаемых вопросов до проблем “местного уровня”» [118]. Исследовательница отмечает наметившийся возврат к описательной этнографии, фольклористике, бытописанию и пр. [123]. О.Д. Фаис пишет: «Необходимо подчеркнуть, что отличающая сицилийцев сильнейшая обращенность к своему прошлому ярко проявляется и в научной сфере, предопределяя характер научного поиска и исследований. Особенность этнологии в Сицилии, заключается в следующем: «новое не прогоняет старое, традиция и инновация сосуществуют, прошлое и настоящее продвигаются вперед на одинаковой скорости бок о бок» [121–122]. Очень увлекательно представлена в главе тема «мафии» [125–131]. Как простому обывателю, имеющему смутное представление о ней, мне было очень интересно познакомиться с опытом борьбы общества с преступным миром. Автор очень ярко и детально представила эту «животрепещущую тему» с т.з. научного ракурса, рассмотрев не только исследования по этой теме, но и осветив процессы и тот путь, которое проделало гражданское общество Сицилии в борьбе с этим «спрутом» [126]. О.Д. Фаис представила в своем очерке работы, «исследующие именно “невидимые” аспекты этнографии сицилийцев и их жизни, а именно – принятые в обществе стандарты поведения, детерминированные во многом этническим характером и самосознанием жителей острова» [147].

Рассмотрены такие аспекты этнологии как изучение лингвистических вопросов, арабистика, традиционные праздники и другие проблемы этнографии, что расширяет кругозор читателя о Сицилии. Интересно и познавательно раскрывается тема «сагр». Как сама автор объясняет, «речь идет о народных локальных торжествах, как правило, приуроченных к религиозному празднику или дню местного патрона – святого покровителя населенного пункта» [155]. О.Д. Фаис объясняет читателю, какую роль играет данный феномен в Италии, а также рассматривает основные исследования, посвященные этому явлению. Данный очерк ярко и глубоко знакомит читателя с научной мыслью Сицилии и Италии в целом, также автор успешно обосновывает выбор сицилийскими учеными именно этих векторов научного поиска.

Глава «*Междисциплинарные исследования польской этнолингвистической школы в Люблине*» посвящена обоснованию важности для развития науки междисциплинарных направлений. Автор М.А. Андрионина на примере этнолингвистики убедительно доказывает это. Этнолингвистика – широкая сфера научной деятельности, которая «существует на стыке дисциплин: этнологии, языковедения, фольклора, этнопсихологии, социоллингвистики и пр.» [197]. Автор представляет историю формирования дисциплины, описывает и характеризует московскую школу, и после этого подходит к детальному анализу люблинской школы. При этом исследовательница не просто описывает основные достижения и открытия польских ученых, но и сравнивает работы школ, выделяя их общее и частное. Прочитав этот очерк, читатель найдет ответы на интересующие его вопросы по этнолингвистике. В конце автор приходит к выводу, что «в результате синтеза наук стал возможным новый уровень исследований – воссоздание всего комплекса представлений, стоящих за теми или иными языковыми и культурными фактами, попытка увидеть и изучить картину мира различных человеческих сообществ; понять, как она устроена и почему выглядит именно таким образом, по каким законам функционирует и развивается, как влияет на национальную идентичность» [219].

Очерк «*Три направления в польской этнологии*» (И.Ю. Заринов) охватывает в основном историю польской этнологии/культурной антропологии начала нынешнего века и рассматривает три ее направления: монголоведение, диаспороведение, историография. В первую очередь речь идет о традиционных исследованиях польских этнографов Монголии и Сибири. Как пишет автор, «в них отмечается, что в конце XX – начале XXI вв. в монгольском обществе произошли кардинальные изменения из-за смены социально-экономического и политического устройства самого монгольского государства» [226]. Второе направление посвящено изучению диаспор в различных странах мира, в т.ч. и в таких регионах бывшего Советского Союза, как Прибалтийские страны, Украина и Белоруссия, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Исследование диаспор на территории России пока что серьезных масштабов не приобрело. Вместе с тем, в последнее время набирает обороты новое направление исследований польской диаспоры в Бразилии, которая является одной из самых многочисленных в мире. В конце автор дает общую оценку деятельности польских этнологов: «Оценивая современное состояние польской этнографии/этнологии/культурной антропологии, следует сказать, что учёные этой дисциплины продолжают вносить большой вклад в её популяризацию, т.е. распространение среди обывательской среды её знаний и престижа» [239].

Еще одним интересным и не менее содержательным исследованием в рецензируемой монографии является очерк о этнологической науке в Сербии «Приоритеты эт-

нологии и антропологии в Сербии». Его автор М.Ю. Мартынова провела детальный анализ становления и развития этой отрасли знания в стране, начиная с XIX века. Она знакомит читателя с основными достижениями ученых на разных этапах становления этнологии, как науки в стране. Описываются основные периоды развития этнологии и ее трансформации в антропологию [243]. Несомненным плюсом этой работы является то, что автор детально рассмотрела модернизацию исследовательского поля в начале XXI века. Как пишет М.Ю. Мартынова, «произошло появление городской тематики, преодолевается парцеллярное давление в темах исследований». Характер научных работ изменился, он стал более смелым и новаторским. Также автор делает вывод о том, что «научно-исследовательская мысль и проблематика исследований в конце XX века были направлены на сопровождение и толкование процесса трансформации общества, культурных систем и идеологических формаций, на изучение динамики препозиции реальных общественных отношений и их символических интерпретаций, на анализ проблем этнических идентичностей в зонах миграционных процессов, интеграции групп меньшинств и большинства населения» [251]. Важным аспектом анализа в главе стало рассмотрение новых методологических подходов. Автор бегло знакомит читателя с основными методами обновленной «антропологии/этнологии» в Сербии и тем, как они представлены в научных исследованиях. Например с новым методом «объяснения», а также переосмысленным методом полевой работы: «современная антропология в качестве поля рассматривает формы коммуникаций, которые предыдущим поколениям ученых были недоступны» [264] и другими методиками. Безусловно, при прочтении впечатляет количество тем и работ, которые рассмотрены в очерке, ограниченном заданными книгой рамками. В нем представлены практически все аспекты развития сербской этнологии/антропологии. Интересно описана трансформация дисциплины в первое десятилетие 2000-х годов. Например, оказалось, что по сути даже студенты сыграли одну из ключевых ролей в реализации революционных научных идей. М.Ю. Мартынова приводит свидетельства о том, что за последние десятилетия произошла модернизация научной дисциплины и ученые Сербии пересмотрели приоритеты развития этнолого-антропологической науки.

Глава «Этнология в Бретани: проблемы и направления исследований» (М.К. Любарт) посвящена месту и роли в науке одной из старинных этнологических школ Франции – Бретани. «Будучи во многом наукой “региональной”, ориентированной, прежде всего, на изучение культурных особенностей своего региона, бретонская этнология насчитывает уже более двух столетий» [277]. Интересно было узнать, что особенность Бретани, как этнологической школы, заключается еще и в том, что «сохранность архаических форм социальной жизни, самобытность и богатство своеобразной культуры объясняют то обстоятельство, что Бретань буквально с первых шагов формирования французской этнографии/этнологии заняла в ней особое место», ее объект изучения является «“заповедником” народных традиций» [277]. Автор представляет как общие направления науки, которые имели место в истории этнографии Бретани, так и специфические особенности, характерные для этой школы. Одной из отличительных черт Бретонской школы является «этнографическое музееведение». В настоящее время в Бретани действует целый ряд музеев, как я поняла, по сути, с уникальными этнографическими коллекциями [280]. Также в регионе функционируют так называемые естественные парки – экомузеи, цель которых

сохранение наследия, проведение научно-исследовательских работ путем «воссоздания подлинности экспозиций и практик». Основная их отличительная черта – интерактивность. Именно это вызывает оживленный интерес не только у студентов и ученых, но и туристов. Основная задача экомузеев заключается в создании условий «для сохранения национальной самобытности местного населения, возрождения механизма воспроизводства жизненных ценностей и культурных традиций округа» [283]. Таким образом, М.К. Любарт знакомит читателя не только с ведущими научными центрами, но и с опытом, который прошла этнология в Бретани.

Информативным является и материал о хорватской историографии. «*Этнология в Загребском университете (2005–2017 гг.)*», написанный М.М. Керимовой и хорватским ученым Г.П. Шантеком. Авторы на примере одного из ведущих университетов страны проанализировали «проблематику лекционных курсов, методику и методологию преподавания, обозначили основные направления исследований в Хорватии» [322]. Кроме того, в главе представлена история этнологии в Хорватии, причем обзор сделан обширный и детальный, несмотря на заявленную цель [323–338], что существенно обогащает данный очерк.

Очень детально написана историография шведской этнологии «*Шведская этнология и реалии общественной жизни*». Автор Е.А. Сорокина проделала большую работу по изучению и анализу трудов шведских этнологов. Мы узнаем о том, что предмет исследовательского поля шведской этнологии сформировался из запросов и потребностей жизни общества. Автор пишет, что «основные темы исследований – это, во многом, поиск ответов на вопросы, задачи и проблемы, которые требуют понимания и решения. И такие решения призваны найти (на основе эмпирического материала, исследований, анализа и пр.) ученые-этнологи» [375–376]. Очерк подробно рассматривает основные этапы истории развития шведской этнологии. Автор выделяет следующие периоды: с древнейших времен до конца XIX века, первая половина XX века, вторая половина XX века и современный этап. Автор убедительно аргументирует выбранную периодизацию. По каждому периоду дается представление и характеристика основных направлений, наиболее привлекательных для ученых того времени.

Заключительный очерк посвящен европейской ромистике или научному знанию о цыганах, цыганологии, ромологии: «*Европейская ромистика*». Как сообщает автор Н.Г. Деметер, в начале третьего тысячелетия продолжают исследования в области истории, фольклора, этнографии цыган, проживающих в разных странах Европы. Публикуются специальные номера этнологических и социологических журналов, посвящённых цыганским проблемам. Во многих работах зарубежных авторов много внимания уделяется обзору положения цыган в центральной части Европы, изучению экономического, политического, культурного и правового контекста их существования, а также процесса маргинализации, с которым цыгане сталкиваются практически во всех странах проживания. В научный оборот вводятся материалы по языку, фольклору и культуре цыган, их современной идентичности. Эти исследования, несомненно, имеют и прикладное значение, особенно в случаях принятия законов и специальных решений, касающихся этого народа [420]. Также автор приходит к выводу об уникальности цыганской культуры и ее неоднородности, а вместе с тем и о том, что дальнейшие углубленные исследования позволят уточнить специфику и пути развития этого народа.

В целом при прочтении данной монографии впечатляет список библиографии после каждого очерка, которая для удобства читателя разделена на отечественные и зарубежные исследования. Данный пункт является несомненным плюсом монографии и поможет читателю или скорее специалисту в поиске необходимой литературы. После прочтения книги, у меня возник только один вопрос к авторам: «Почему выбран именно этот порядок последовательности и представления историографических очерков?». На мой взгляд, было бы логичнее объединить их по территориальному признаку: Западная, Восточная и Южная Европа. Но, несомненно, ответственный редактор имел на то свои научно-обоснованные причины. В целом мне, как молодому ученому, вечно сомневающемуся в своих знаниях по этнологии и антропологии, данная монография была полезна, познавательна и просто интересна. От знакомства с этой книгой у меня остались только позитивные эмоции, именно поэтому хотелось бы ее рекомендовать к прочтению всем желающим.

CONTENT

About S. V. Cheshko

<i>Guboglo M. N.</i> Guardian of justice	5
<i>Anchabadze Y. D.</i> Sergei V. Cheshko: remembering a friend and colleague	15

Experimental anthropology

<i>Ignatiev R.N.</i> Messages in a Bottle: Experimentality of Russian Anthropology in the early 21st Century	20
<i>Nikitin M.A.</i> Experimental or empirical anthropology!?	25
<i>Demina E.V., Larina E.I., Meshcheryakov S.N.</i> Tselina: The photographic practices of perception	30
<i>Savin I.S.</i> Local integration of diverse communities as a field of anthropological experiments (the case of Moscow).	54

Anthropological mosaic

<i>Kvashnin Yu.N.</i> On the semantic shift in the meanings of the words house, village, city in the Nenets language.	67
<i>Belov A.M., Rybin A.A.</i> The daily life in the virgin and fallow lands in 1954–1964	80
<i>Utebaev M.B.</i> Everyday and ceremonial greeting etiquette of the karakalpak	88

Хроники и рецензии

<i>Zykina O.A., Komarov S.G.</i> Research activity of IEA RAS in 2018: main achievements	105
<i>Belova N.A.</i> Review of the book «Modern European socio-cultural anthropology and Ethnology. Historiographical essays. M.Yu. Martynova (ed.). E.G. Aleksandrenko, M.A. Antonina, A.V.L. Vereschagina-Gurke, R.A. Grigorieva, N.G. Demeter, I.Y. Zharinov, M.M. Kerimov, A.N. Kaganovskii, M. K., Lubart, M. Yu. Martynov, V.V. Rudnev, E.A. Sorokina, O.D. Fais, G.P. Santek (authors). Moscow: IEA RAS, 2018. – 426 p.»	129
Rules for authors	136

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Авторы представляют файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Обращаем Ваше внимание, что теперь сноски-комментарии авторов постраничные. На одной странице должно быть не более 4 сносок, ранее сноски были концевыми. Постраничные сноски используются только для авторских примечаний, комментариев, добавлений и т.д. При этом для постраничных сносок действуют следующие правила оформления: фамилия автора выделяется курсивом, год издания, двоеточие и диапазон страниц, полная ссылка дается в списке литературы в самом конце статьи. Какие-либо сокращения («с.», «стр.», «т.» и т.д.) или вводные обозначения («см.», «напр.:» и им подобные) внутри скобок не ставятся, а указываются в тексте.

Шрифт – Times New Roman, кегль – 10, через 1 интервал, нумерация – сквозная.

НАПРИМЕР:

¹См.: *Вестник антропологии* 2017: 46–47.

²Лисин приписывал себе все те страдания, которые были описаны К. Селивановым в его «Страдах» (*Автор* 2015: 33).

³В интервью учителя часто говорили о тяжелых условиях жизни в годы войны, потому что приходилось работать не только в школах, но и на производстве (ГАКО: Д. 52. Л. 4–10)

⁴Православные говорят «Христос воскрес» только в период от Пасхи до Вознесения. Скопцы говорили эти слова в неурочное время, поскольку относили их к свершившемуся явлению (воскресению) Искупителя, а не И. Христа.

В конце статьи дается **три списка**: источники (который НЕ нужно транслитерировать на латиницу), библиографический список литературы и References в алфавитном порядке. В самом тексте даются ссылки на источники и литературу следующим образом: в скобках указывается (*Фамилия* год издания: страницы), запятая после фамилии не ставится. При необходимости после двоеточия поставить страницу/страницы (диапазон страниц указывается через длинное тире).

Например, в тексте ссылка выглядит так (*Герасимова* 1984: 49). В списке литературы курсивом выделяется название монографии:

Герасимова М.М. *Сунгирь. Антропологическое исследование*. М.: Наука, 1984.

В списке литературы на русском языке ссылки на книги (индивидуальные и коллективные монографии) должны сначала указываться фамилия и инициалы автора (авторов), *название книги* (курсивом), место издания (без сокращений), название издательства (без кавычек), год издания, общее количество страниц (без тире перед цифрами). При оформлении ссылок на коллективные монографии указывается ответственный редактор, редактор или составитель: Фамилия И.О. (отв. ред) *Название монографии*. Город: Издательство, год. Страницы. В оформление ссылок на диссертации и авторефераты диссертаций используются общепринятые сокращения.

В ссылках на статьи, опубликованные в научных журналах, указываются фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала (курсивом), год издания, том и номер, диапазон страниц: Фамилия И.О. Название статьи // *Название журнала*, год. Том, номер, страницы. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии). Если источник имеет DOI, то его следует указать в конце библиографического описания.

В оформлении ссылок на статьи, опубликованные в научных журналах, указываются фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала (курсивом), год издания, том и номер, диапазон страниц. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии). Если источник имеет DOI, то его следует указать в конце библиографического описания.

НАПРИМЕР:

Автор А.А. *Название книги*. Москва: Название издательства, 1996. 307 с.

Автор Б.Б., Автор С.С. *Название монографии*. Москва: Название издательства, 2015. 505 с.

Фамилия И.О. (под ред.). *Название коллективной монографии*. Ташкент: Название издательства, 2010. 123 с.

Фамилия И.О. (отв. ред.). *Название коллективной монографии*. Санкт-Петербург: Название издательства, 1999. 189 с.

Автор И.И. *Название диссертации*. Дисс. докт. полит. наук. Москва, 2013. 160 с.

Автор А.А. Название статьи. *Название научного журнала*, 2015. № 7 (50). С. 49–58.

Автор Б.Б. Название статьи. *Название научного журнала*, 2011. Т. 12. № 6. С. 15–23. DOI: 10.2118/1010-0030-JPT.

Автор С.С. Название статьи. *Название электронного научного журнала*. Доступ: <http://scientificjournal.shtml> (дата обращения: 14.01.2017).

Автор А.А. Название статьи // *Название сборника статей* / сост. И.О. Фамилия, отв. ред. И.О. Фамилия. Вып. 2011 г. М.: Название издательства, 2011. С. 324–335.

Автор Б.Б. Название статьи // *Название сборника статей* / под ред. И.О. Фамилия. Ч. 5. 2016 г. М.: Название издательства, 2017. С. 111–155.

Автор С.С. Название статьи (доклада) // *Название конференции. Материалы Международной научно-практической конференции «Название конференции»* / отв. ред. И.О. Фамилия. Ярославль: Название издательства, 2013. С. 65–78.

Автор В.В. Название статьи. *Название сборника статей* / ред. И.О. Фамилия. Доступ: [http:// scientificbigjournal.shtml](http://scientificbigjournal.shtml) (дата обращения: 14.01.2017).

В англоязычном списке литературы (*References*), который полностью дубли-

рует библиографический список и не включает в себя неопубликованные материалы (список источников), вся информация о каждой работе на русском языке должна быть транслитерирована на латиницу в соответствии с правилами транслитерации (по стандарту BSI).

Список References оформляется следующим образом: латиницей пишется фамилия, после фамилии ставится запятая, далее идут инициалы автора (**при оформлении нескольких авторов 2-3-х и более: см. напр.**). После точки указывается год издания. Далее дается транслитерированное название монографии, а в квадратных скобках указывается перевод на английский язык. Дублировать информацию об авторе и месте издания не нужно.

Для транслитерации рекомендуем воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: <http://www.convertcyrillic.com/Utilities/Convert#/>

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык].

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk].

Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

- указания на «Том» издания должны быть переведены на англ. «Vol.» («Кн.» – «Bk.», «Ч.» – «Pt.»).
- все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.
- все другие сокращения должны быть развернуты («izd-vo» – в «izdatel'stvo»; и т.п.).
- проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «X», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.).
- имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале. Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.
- русские буквы Я и Ю в начале слова предпочтительно транслитерировать как Ya и Yu (в отличие от Ia и Iu, которые автоматически выдает транслитератор); т.е. предпочтительно написание Yurii Yakovlev (а не Iurii Iakovlev)
- курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

НАПРИМЕР:

- Familia, I.O. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii* [Title of the book]. Gorod: Izdatel'stvo.
- Familia, I.O., and I.O. Familia. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii* [Title of the book]. Gorod: Izdatel'stvo.
- Familia, I.O., I.O. Familia, and I.O. Familia. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii* [Title of the book]. Gorod: Izdatel'stvo.

- **Если монография была переиздана** (репринт / современный перевод старого издания и т.д.): Familia, I.O. (1916) 1988. *Nazvanie knigi ili monografii* [Title of the book]. Gorod: Izdatel'stvo.
- **Книга в нескольких томах (напр., в 2-х):** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie mnogotomnoi knigi*. 2 vols. Gorod: Izdatel'stvo.
- **Отдельный том (книга/часть) многотомного издания:** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie mnogotomnoi knigi*. Vol. 1. (Bk. 1. / Pt. 1.) Gorod: Izdatel'stvo.
- **Отдельный том (с отдельным названием) в многотомной книге:** Familia, I.O. 1988. *Obshee nazvanie mnogotomnoi knigi*. Vol. 1, *Nazvanie pervogo toma*. Gorod: Izdatel'stvo.
- **Сборник статей с одним отв. редактором (или составителем):** Familia, I.O., ed. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii*. Gorod: Izdatel'stvo.
- **Сборник статей с двумя отв. редакторами (или составителями):** Familia, I.O., and I.O. Familia, eds. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii*. Gorod: Izdatel'stvo.
- **Сборник статей с тремя и более отв. редакторами (или составителями):** Familia, I.O., I.O. Familia, and I.O. Familia, eds. 1988. *Nazvanie knigi ili monografii*. Gorod: Izdatel'stvo.
- **Статья в научном журнале (№ 2 или Том/Vol. 2):** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 2*: 64–74.
- **Статья в научном журнале (когда присутствуют Том/Vol. 9 и № 2):** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 9 (2)*: 64–74.
- **Статья в научном журнале с двумя/тремя/более авторами:** Соавторы указываются также, как в книгах (см. выше)
- **Статья в научном журнале, если известен код DOI для статьи:** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 2*: 64–74. <https://doi.org/10.1086/599247>
- **Статья в электронном (online-) научном журнале (если НЕ известен код DOI для статьи):** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala 2*: 64–74. <http://www.journal.com/article.htm> (NB: Если код DOI имеется, то следует указывать код DOI, а интернет-ссылку опускать)
- **Статья в сборнике (с одним отв. редактором/составителем):** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. In Nazvanie sbornika*, edited by I.O. Sostavitel, 4–24. Gorod: Izdatel'stvo. (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)
- **Статья в сборнике (с двумя отв. редакторами/составителями):** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. In Nazvanie sbornika*, edited by I.O. Sostavitel and I.O. Sostavitel, 4–24. Gorod: Izdatel'stvo.
- **Статья в сборнике (с тремя и более отв. редакторами/составителями):** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie stat'i. In Nazvanie sbornika*, edited by I.O. Sostavitel, I.O. Sostavitel, and I.O. Sostavitel, 4–24. Gorod: Izdatel'stvo. 20
- **Рецензия на книгу в научном журнале:** Familia, I.O. 1988. Review of *Nazvanie retsenziruemoi knigi*, by I.O. Avtor. *Nazvanie zhurnala 2*: 64–74.
- **Рецензия на сборник в научном журнале:** Familia, I.O. 1988. Review of *Nazvanie retsenziruemogo sbornika*, edited by I.O. Sostavitel. *Nazvanie zhurnala 2*: 64–74.
- **Диссертация:** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie dissertatsii*. PhD diss., Moscow State University. (указывается университет или другая организация-место защиты)
- **Автореферат диссертации:** Familia, I.O. 1988. *Nazvanie dissertatsii*. PhD diss. abstract, Moscow State University. (указывается университет или другая организация-место защиты)

References

Alishina, H.Ch. 2001. Onomasticheskoe prostranstvo Tiimenskoi oblasti: tiurko-samodiiskie iazykovye kontakty. *Samodiitsy. Materialy. IV Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (10-12 dekabria 2001)* [Onomastic space of the Tyumen region:

- Turkic-Samoyed language contacts. Samoyedy. Proceedings of the IV Siberian Symposium «Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia» (December 10-12, 2001)]. Tobolsk; Omsk: OmGPU. Pp. 90–92.
- Barmich, M.Ia., E.M. Taleeva. 2002 *Praktikum po leksike nenetskogo iazyka* [Workshop on the vocabulary of the Nenets language]. Vol. 1. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002. 112 p.
- Beznosikova, L.M., E.A. Aibabina and R.I. Kosnyreva. 2000. *Komi-russkii slovar' (Komi-roch kyvchukör)* [Komi-Russian dictionary (Komi-roch kyvchukör)]. Syktyvkar.
- Esida, A. V. 1997. Poiskakh predkov gydanskikh nentsev (po literaturnym istochnikam) [In search of the ancestors of the Gydan Nenets (according to literary sources)]. In *Narody Sibiri (sibirskii etnograficheskii sbornik)*, edited by Z.P. Sokolova. Moscow: KMTs; IEA RAN: 140–170.
- Markov, B.V. 2011. *Liudi i znaki: antropologiya mezhluchnostnoi kommunikatsii* [People and Signs: Anthropology of Interpersonal Communication]. St. Petersburg: Nauka.
- Ricœur, P. 1995. *Konflikt interpretatsii: Ocherki o hermenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow: Medium.
- Sontag, S. 2016. *O fotografii* [On photography]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Vashchenko, P.T. 2005. Osnovanie Dudinki [Foundation of Dudinka]. *Muzeinyi vestnik*. Dudinka 4–5: 59–64.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2019. № 1 (45)

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2019. № 1 (45)

Выпускающий редактор – Н.А. Белова

Редакторы – М.Ф. Кучерова, Т.Н. Самарина

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 7.03.2019

Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 10,3

Тираж 500 экз. Заказ № 155

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – В.М. Маршанов

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А